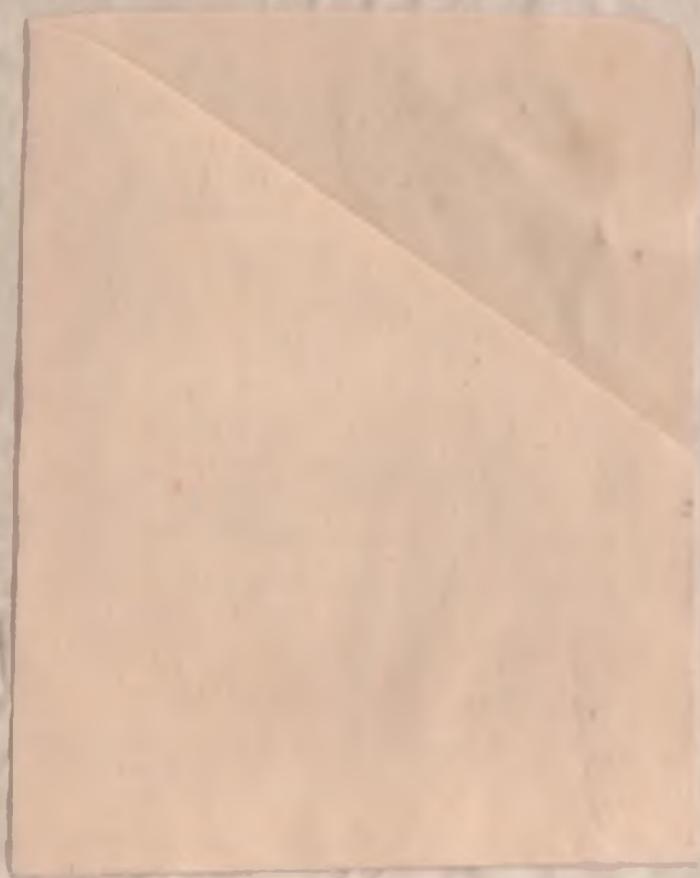

Handwritten text on a small rectangular label, possibly a library or archival tag, with some illegible characters and a small red mark.

ПО ВОПРОСАМ...

В. С. ЛЕВКОВА

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО...

1950

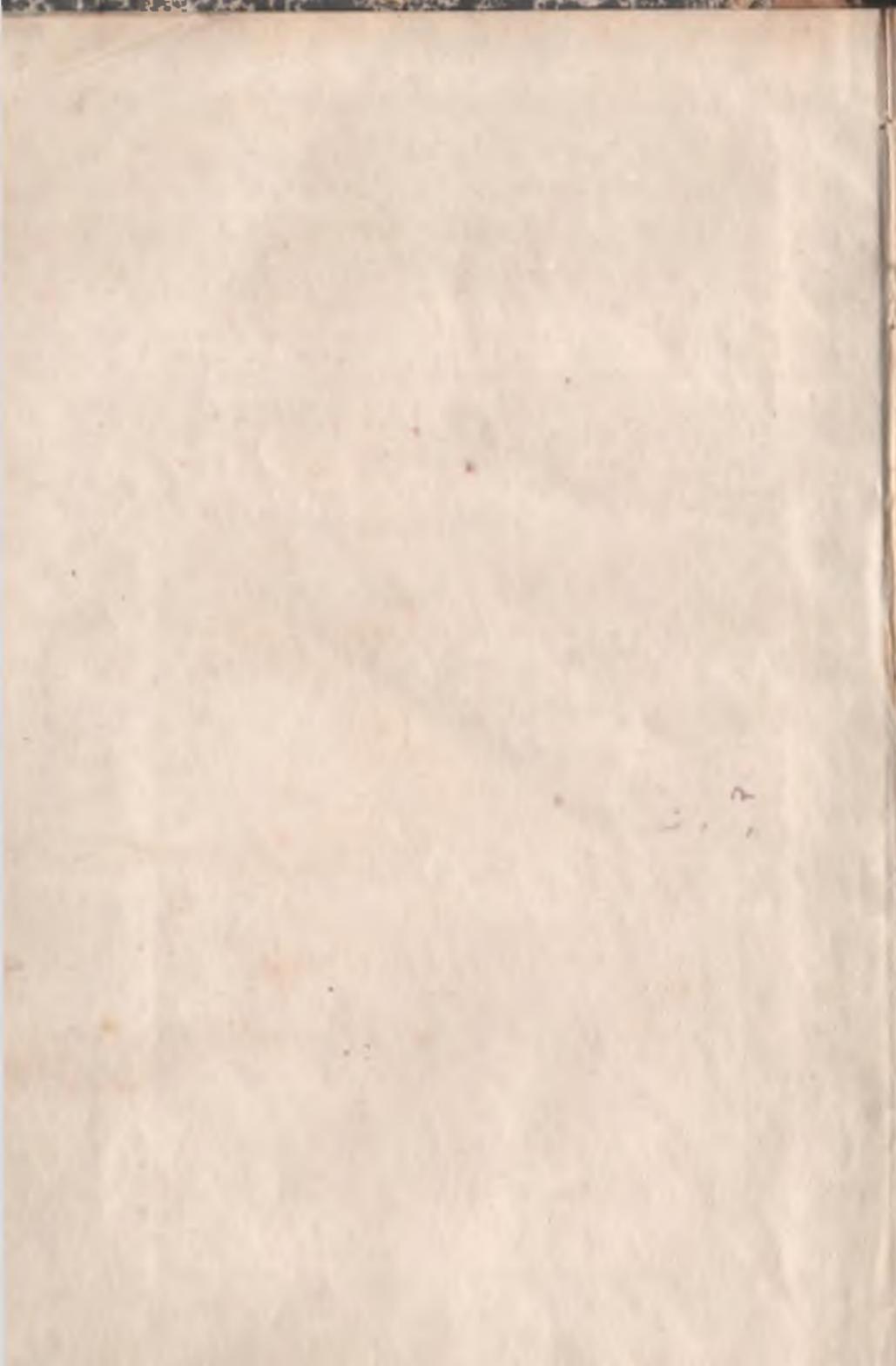
...

...

...

...

...

Артистическое заведение А. Ф. НАРКСа, Имамид. пр., № 29.

ЮДОЛЬ.

РАПСОДІЯ.

«Совѣща Богъ смириться горѣ
и юдолямъ исполниться въ ра-
вень земную».

Варухъ, V. 7.

Теперь (съ наступленіемъ весны 1892 года) мы можемъ сказать, что мы очень благополучно пережили крайне опасное положеніе, какое подготовили намъ наше плохое хозяйство и неурожай прошлаго лѣта!.. Вѣда сошла съ рукъ сравнительно легко. Страданія поселянъ, описываемыя корреспондентами современныхъ изданій, конечно были велики и, какъ говорятъ, — «волюють къ Небу»; но «ужасъ» впечатлѣнія, какое эти описанія производятъ, очень слабъ въ сравненіи съ тѣмъ, что сохраняетъ въ несвязныхъ отрывкахъ память о прошлыхъ голодовкахъ, когда не было никакой гласности и никакой общественной помощи людямъ «избывавшимъ отъ глада».

О томъ, что было при историческихъ голодовкахъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и исторіи, то болѣе или менѣе извѣстно по тѣмъ описаніямъ, но у насъ были голодовки въ позднѣйшей порѣ, которую въ литературѣ принято именовать «глухою порою», — и онѣ не описывались, а потому воспоминанія объ этихъ голодовкахъ, хотя и не очень обстоятельныя, думается, были бы не излишни.

Сотрудникъ одной изъ нынѣшнихъ петербургскихъ газетъ, посѣтивши неурожайныя мѣстности Россіи зимою 1892 года.

имѣлъ случай бесѣдовать о той порѣ съ извѣстнымъ старожиломъ орловской губерніи, — помѣщикомъ и владѣльцемъ знаменитаго хрустальнаго завода генераломъ С. И. Мальцевымъ, и «генераль, помнящій старинныя голодовки», въ разговорахъ съ упомянутымъ писателемъ «удивлялся, какъ мы далеко ушли впередъ». Въ удивленіи этомъ онъ отмѣчалъ то, что «теперь о голодѣ говоритъ вся Россія, и раньше всѣхъ на него указало само правительство». Не то было 40—50 лѣтъ тому назадъ. Тогда также случались неурожаи, но о нихъ могли знать лишь министры да развѣ сама голодающая масса. «Я тогда, — говорилъ генераль Мальцевъ, — представилъ проектъ обезпеченія народнаго продовольствія. Императоръ Николай Павловичъ весьма сочувственно отнесся къ проекту, и я рѣшилъ напечатать его, но ни одна типографія не согласилась взять мою рукопись для набора...» Генералу «удалось напечатать свой проектъ только благодаря покровительству принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго». (См. *Недѣля* 19-го апрѣля 1892 г., № 16).

Съ такими необыкновенными усиліями могъ быть напечатанъ сорокъ лѣтъ тому назадъ «проектъ» о мѣрахъ противъ голода въ народѣ; но описаній, какъ люди пережили этотъ голодъ, совсѣмъ не могло появиться въ печати, и, что еще удивительнѣе, — ихъ вѣроятно никто и не писалъ, потому что они не появлялись даже и въ послѣдующіе за тѣмъ годы, когда положеніе русской печати стало сравнительно немножко свободнѣе.

Во время страшнаго по своимъ ужасамъ «голоднаго (1840) года» я былъ ребенкомъ, но, однако, я кое-что помню, — по крайней мѣрѣ по отношенію къ той мѣстности, гдѣ была деревенька моихъ родителей — въ орловскомъ уѣздѣ орловской же губерніи. Значительно болѣе того, что я помню изъ тогдашняго времени, какъ непосредственный свидѣтель событій, я слышалъ многое послѣ отъ старшихъ, которые долго не забывали ту голодовку и часто обращались къ этому ужасному времени со своими воспоминаніями въ разсказахъ по тому или другому подходившему случаю.

Разумѣется, всѣ эти нынѣшнія мои воспоминанія охватываютъ одинъ небольшой районъ нашей ближайшей мѣстности (орловскій, мценскій и малоархангельскій уѣзды) и отражаются въ моей памяти только въ той формѣ, въ какой они могли быть доступны «барчуку», жившему подъ роди-

тельскимъ крыломъ, въ защищенномъ отъ бѣдствія господскомъ домѣ, — и потомъ воспоминанія эти такъ неполны, безсвязны, отрывочны и поверхностны, что они отнюдь не могутъ представить многостороннюю картину народнаго бѣдствія, но въ нихъ все-таки, можетъ-быть, найдется нѣчто пригодное къ тому, чтобы представить хоть кое-что изъ тѣхъ обстоятельствъ, какими сопровождалась ужасная зима въ глухой, безхлѣбной деревенькѣ сороковыхъ годовъ.

Словомъ, я рѣшился набросать на бумагу то, что уцѣлѣло въ моей памяти о давней голодовкѣ, относящейся къ той порѣ, о которой упомянулъ генераль Мальцевъ, и, приступая къ этому, я впередъ прошу у моихъ читателей снисхожденія къ скудости и отрывочности моего описанія. Я предлагаю только то, что могу вспомнить и о чемъ теперь можно говорить безстрастно и даже съ отрадою, къ которой даетъ возможность нашъ нынѣшній благополучный выходъ изъ угрожавшей намъ бѣды.

Воспоминанія мои будутъ не столько воспоминанія объ общей голодовкѣ 1840 года, сколько частныя замѣтки о томъ, что случилось голодною зимою этого года въ нашей деревенькѣ и по сосѣдству.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первыми предвозвѣстительницами горя — какъ это ни странно — были старухи, которыя видѣли пехорошіе сны. Это началось съ половины Великаго поста. Самую страшную сновидицею была наша птичница, гордая женщина изъ вольныхъ однодворокъ, по имени Аграфена Петровна. Я помню, какъ отецъ одинъ разъ, придя къ столу, за которымъ всѣ мы сидѣли у вечерняго чая, сказалъ матери, что сейчасъ, когда онъ распоряжался работами, староста Дементій объявилъ ему, что мужики боятся сѣять «яровые», потому что птичница Аграфена и другія старухи на деревнѣ «прорекають голодь», и поэтому страшно, что сѣмена въ землѣ пропадутъ.

— Но вѣдь это глупо! — возразила мать.

Отецъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Да; это не разумно, но я не могу, однако, забыть, что во время большого неурожая въ мое дѣтство у насъ объ этомъ тоже заговорили еще передъ весною и при томъ также съ бабьяго голоса, а потомъ и въ самомъ дѣлѣ вышелъ не-

урожай. Мужикамъ я, разумѣется, не позволю не сѣять ярового, и если они не захотятъ, то я засѣю ихъ поля собственными сѣменами и потомъ изъ будущаго урожая отберу у нихъ сѣмена назадъ. Я ужъ это объявилъ Дементію и приказалъ ему, чтобы повѣстили сновидящимъ старухамъ, которыя станутъ прорекать о голодномъ годѣ, что я этихъ пророчицъ отряжу на всю весну индѣлать и утять отъ коршуповъ караулить. А тебѣ совѣтую о томъ же самомъ построже сказать Аграфенѣ, такъ какъ она всѣмъ этимъ пророчествамъ, говорятъ, самая главная заводчица.

Матушка была характера скорого и нетерпѣливаго: она сейчасъ же велѣла позвать къ себѣ Аграфену съ тѣмъ, чтобы спросить ее: отчего она начала пророчествовать голодный годъ, и потомъ сказать ей, чтобы болѣе не пророчила.

А какъ я и братъ мой, и старшая сестра были въ это время уже просвѣщены грамотою и знали по «ста-четыремъ священнымъ исторіямъ», что пророчество есть «свыше посылаемый даръ дивный и таинственный», то намъ, разумѣется, было въ высшей степени любопытно знать, какъ этотъ даръ спустился на нашу Аграфену, и какъ наша мать возбранить въ ней этому дару.

Аграфена же и сама по себѣ была личность интересная и пользовалась во дворѣ особыми правами, присвоенными ей превосходствомъ рожденія, возвышавшаго ее среди совершенно безправныхъ крѣпостныхъ людей. Аграфена, какъ сказано, была изъ людей вольныхъ и вышла замужъ за нашего крѣпостного сапожника Абрама, который вскорѣ умеръ, оставивъ ей двухъ дѣтей: сына Егорку и дочь Василису или Васѣнку, которой теперь только исполнилось четыре года. Оба они, какъ рожденные отъ крѣпостного отца, были «крѣпки своему владѣльцу». Со смертью мужа Аграфена могла отъ насъ удалиться, но ради любви къ своимъ «крѣпостнымъ» дѣтямъ оставалась при нихъ и служила какъ крѣпостная, но, въ отличіе отъ крѣпостныхъ «попѣвицъ», она носила красную юбку, какія въ нашемъ мѣстѣ носили однодворки, а крѣпостныя не носили. Кромѣ того, Аграфена была честна и горда,—она не сносила ни малѣйшаго подозрѣнія и считала себя въ правѣ вступаться за свою честь.

Ее надо было все «гладить по головкѣ»,—иначе она грубила.

Такъ случилось и тутъ, когда матушка позвала ее не въ урочное время изъ жаркой птичной избы въ цокон.

Аграфена пришла недовольная и нехотя отвѣчала на вопросы, предложенные ей для претекста о сколотняхъ и пахтаньѣ, а когда матушка спросила ее: «Какіе ты видишь сны?»—Аграфена отвѣчала ей:

— Какіе приснятся.

— А зачѣмъ же ты голодь пророчишь?

— А отчего же не пророчить? Вѣстимо ужъ, что когда хлѣба не будетъ, такъ голодь будетъ.

— Да почему?.. Чтò тебѣ снится... чтò дѣлается?

— Чтò ни снится и чтò ни дѣлается, а все теперь будетъ къ голоду, и я съ дѣтьми пропаду... уйду отселева. И слава-те, Господи!—отвѣчала Аграфена и ничего болѣе не пояснила, а между тѣмъ слова ея тутъ же были поддержаны обстоятельствами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приближалось Благовѣщеніе, когда у насъ было въ обычаѣ печь при церквахъ «черныя просвиры» изъ ржаной муки, подѣянной на чистой ситѣ. Муку эту приходское духовенство собирало съ прихода и за сборомъ этимъ разѣзжалъ на своей лошади высокій, старый дьячокъ, ими котораго я теперь позабылъ, но его всѣ называли «Аллилуй». Онъ во всемъ причтѣ пользовался авторитетомъ по церковному хозяйству и обыкновенно передъ праздниками обметалъ вѣнникомъ иконостасъ и собственноручно мылъ полъ въ алтарѣ и чистилъ лампы, и подъ его же надзоромъ усердныя бабы *по обѣщанію* вымывали полы въ остальной церкви; онъ же и «отстрѣливалъ голубей», которые прилетали на колокольню и марали колокола; а его дьячиха— престарѣлая «Аллилуева жена», пекла «благовѣщенскія просвиры», о которыхъ надо сказать два слова въ объясненіе.

«Благовѣщенскія просвиры»—это совсѣмъ не то же самое, что обыкновенныя просфоры, которыя изготовлялись для проскомидіи. Проскомидійныя просфоры изготовлялись изъ пшеничной муки «нарочитою просфорнею» (вдовицею) и дѣлались высокенькія, столбushками, по общепринятому образцу, и печатались «именословною печатью» на верхней коркѣ, а эти,—благовѣщенскія,—дѣлались просто «кулабушками» или «катышками» изъ «черной», сборной муки и удобооблялись настоящимъ просфорамъ только тѣмъ, что наверху у нихъ тоже отпечатывалась именословная печать.

Онѣ не требовались какимъ-либо церковнымъ правиломъ, а только *допускались*, или, точнѣе сказать, были терпимы во уваженіе «крѣпкой привычки народа».

Люди требовали, чтобы эти просфоры сыпали въ толпу сверху съ колокольни, и въ толпѣ ихъ ловили руками,— кто только схватить.

При этомъ разгуливалась сила и удалъ: просвиры не «по чести», а «силомъ» брали,—«кто сколько вырветъ», а оттого людямъ этотъ обычай нравился.

Просфорня-вдовица «благовѣщенскихъ просвиръ» печь не могла, потому что она была старушка слабенькая, и вымѣсить въ дежѣ большой растворъ была не въ состояніи. А потому она ѣдила только собирать на просвиры и приходила съ печатью ихъ «знаменить», но ставила ихъ и выдѣлывала Аллилуева жена.

Никакимъ обычаемъ и правиламъ это было не противно.

Въ этотъ годъ Аллилуй по обыкновенію объѣхалъ съ просфорнею прихожанъ и собралъ муки и промѣнялъ ее у мельника на муку одинаковаго размола (такъ какъ изъ сборной муки разнаго поля и неровнаго размола печь неудобно, потому что она неровно закисаетъ и трудно подходитъ), а затѣмъ Аллилуева жена растворила въ дежѣ муку и ночью подбила тѣсто, которое всходило прекрасно, какъ слѣдуетъ, а еще послѣ затопила печь и передъ тѣмъ, какъ наступила пора разваливать тѣсто и «знаменать просвиры печатью», пошла звать учрежденную вдовицу, у которой была печать; но едва она вышла со своего двора, какъ увидала мужа, безпокойно бѣжавшаго къ дому священника, съ лицомъ до неузнаваемости измѣненнымъ отъ ужаса. Дьячиха окликнула мужа и хотѣла его разспросить, но онъ сердито замахалъ на нее обѣими руками и еще сильнѣе напрягся бѣжать къ Ипполитову дому. Но такъ какъ Аллилуева жена была родомъ изъ сѣвскаго уѣзда, гдѣ уже есть «глуховскій духъ поведенціи», то-есть уже ощущается малороссійскій обычай женскаго господства въ семействѣ, то она забыла, зачѣмъ шла, а переняла Аллилуя на пути и сказала:

— Это еще чтѣ за новости! Или я тебѣ не законная жена? Говори, чтѣ случилось!..

Аллилуй отвѣчалъ, что случилось бѣда.

— А какая?

— А такая, что баба Дулеба стала, вымывши амвонъ, пачисто воду спускать, да раскатилась и вся до половины сквозь двери въ алтарь просунулась...

— Кто же это видѣлъ?

— Никто кромѣ меня не видалъ.

— Ну, такъ и иди съ Господомъ Богомъ,—отпусти бабъ и займися самъ одинъ какимъ-нибудь дѣломъ посерьезнѣе, а на это и языкъ прикуси.

— Хорошо,—отвѣчала Аллилуй:—дай мнѣ чепурушечку выпить, и я взаправду послушаю тебя — прикушу языкъ.

Дьячиха налила ему чепурушечку, и Аллилуй подкрѣпился и пошелъ опять къ храму, а жена его тоже, поправясь маленькой чашечкой, вышла вмѣстѣ съ нимъ и отправилась къ учрежденной вдовицѣ,—звать ее «знаменить». Тутъ онъ тоже между собою покалякали, и когда вышли вдвоемъ, имѣя при себѣ печать на знаменованія, то Аллилуева жена на половинѣ дороги къ дому вдругъ услышала ни на что не похожій ударъ въ нѣсколько младшихъ колоколовъ, и тотчасъ же увидала людей, которые бѣжали къ колокольнѣ и кричали: «Аллилуй разбился!»

Несчастная женщина бросилась туда и нашла своего мужа простертымъ на землѣ и при послѣднемъ издыханіи: онъ лежалъ не дыша, съ закатившимися подъ лобъ глазами и съ окровавленнымъ ртомъ, изъ котораго торчалъ синій кусочекъ закушеннаго зубами языка.

Дѣло произошло такъ, что Аллилуй, не желая болѣе видѣть неловкихъ деревенскихъ бабъ, пошелъ исполнить другую работу и хотѣлъ очистить засиженные птицами колокола; онъ дѣлалъ это, держась за веревочки и стоя сапогами на перилахъ, съ которыхъ онъ покачнулся, упалъ и разбился до смерти. Пришелъ священникъ, отецъ Ипполитъ, по фамиліи Мирдаровъ,—далъ Аллилую такъ-называемую «глухую исповѣдь», а потомъ положилъ ему въ ротъ причастіе и тутъ же сразу прочелъ ему и отходную.

Все это было дѣломъ непродолжительнымъ, но и химическій законъ въ дежѣ съ растворенною мукою тоже не медлилъ и совершалъ безостановочно свое дѣло: назначенное для благовѣщенскихъ просфоръ тѣсто ушло изъ дежи и расплозлось на полу. Въ него только ноги перепачкали люди, принесшіе Аллилуево тѣло, а просфоръ печь было не изъ чего... Весь приходъ остался безъ просфоръ, а это соста-

вляло случай въ жизни крестьянъ небывалый, потому что у насъ все были люди набожные и ни одинъ крестьянинъ не выходилъ съять безъ того, чтобы у него въ «сѣвалкѣ», т.-е. въ круглой лубочной коробкѣ съ зернами, не было благо-вѣщенской просфоры.

Теперь же первый разъ приходилось съять безъ просфоры, а это добра не обѣщало. Притомъ случай съ бабой-дулебой, которая просунулась въ алтарь, тоже огласился: Аллилуева жена, когда стала въ голосъ «причитать» надъ мужниной могилой, выдала всенародно всю тайну своего пагубнаго самовластия и раскричала на весь крещеный міръ, что мужъ ея Аллилуй былъ человѣкъ праведный и не хотѣлъ утангъ, что «дулеба» въ алтарь просунулась, а она его отвела отъ этого, и за то Господь покаралъ ее праведно: взять отъ нея совсѣмъ къ себѣ на тотъ свѣтъ Аллилуя.

Тутъ, узнавъ этакую вещь отъ Аллилуевой жены, ахнуло и все приходское христіанство, и были такія мнѣнія, что бабу-дулебу надлежить убить за то, что она «въ алтарь сунулась»; но дулеба, къ счастью, скоро объ этомъ услышала и хорошо собою распорядилась, потому что пристала къ бѣглымъ, проходившимъ «въ вольный Николаевъ градъ», бывший тогда для многихъ русскихъ людей «градомъ убѣжища». Этимъ дулеба снасла людей отъ грѣха, а себя отъ преждевременной смерти. Во всякомъ же случаѣ люди были окончательно обезкуражены какъ тѣмъ, что у нихъ въ приходѣ «баба въ алтарь вскочила», такъ и тѣмъ, что послѣ этого пришлось съять безъ просфоры, — даромъ это въ судьбахъ міра пройти не могло, — и предчувствія, что годъ предстоить «голодный», стали переходить въ увѣренность.

О томъ, что предстоящее лѣто можетъ принести хорошій урожай, съ мужиками нельзя было и спорить: они іфровали, что годъ будетъ голодный, и не хотѣли съять ни овса, ни гречи, ни проса.

— Для чего съять, когда все пропадетъ, и сѣмянъ не сберешь!

Въ нѣсколькихъ господскихъ имѣніяхъ такое упорство крестьянъ было строго наказано; но мужики претерпѣвали, но не сѣялись; кое-гдѣ они «скрыли сѣмена», побросавъ ихъ въ мѣшкахъ въ картофельныя ямы или овины, или спустили въ подполья избъ и въ другія скрытныя мѣста.

Мой отецъ къ крутымъ, понудительнымъ мѣрамъ не обращался, т.-е. «людей не стегаль», какъ говорили мужики, но онъ настоялъ на томъ, что крестьяне должны были вснахать свои участки земли въ яровыхъ клинахъ и засѣяли ихъ выданными имъ разнообразными сѣменами, съ обязательствомъ возвратити сѣмена изъ урожая. Но возвращать было не изъ чего: просфорное гѣсто ушло не даромъ, — никакого урожая не было. Все посѣянное пропало.

И какъ пропало! съ какою-то злою ироніею или съ насмѣшкою, «точно шутъ шутить».

Взошло все густо и сильно, включилось такъ, что уже на Юрьевъ день (23 апрѣля), когда скотъ выгнали первый разъ съ образами въ поле, земля была укрыта сплошною, рослою зеленью, — и зелень была такая ядреная, что ею не только наѣдались до-сыта тонкогубыя овцы, но и коровы прибавили отъ себя удою. Къ Вознесенъеву дню грачь въ темно-синихъ озимыхъ зеленяхъ прятался, и подобно тому «княземъ восходилъ» брошенный «въ грязь» овесъ, и поднимались изъ земли посѣлнныя злаки, какъ вдругъ, въ то время, когда наступила пора разсаживать на грядахъ вырощенную въ разсадникахъ канусту, стали слышаться жалобы, что «стало сушить». Разсаду и другія огородины «отливали водою», которую таскали на себѣ въ худыхъ ведрахъ бабы, а ребятишки въ кувшинчикахъ; но «было не отлиться», — сушь «лубенила землю», и послышалось ужасное слово:

— Сожгло!..

Тутъ, увидѣвъ бѣду, «ударились къ Богу», начали «звать поповъ и служить на поляхъ молебны».

Каждый день молебствовали и выносили образа, то на озимые хлѣба, то на яровые, но засуха стояла безогмѣнно.

Стали обращаться къ колдунамъ и знахарямъ — къ доморощеннымъ мастерамъ черной и бѣлой магіи, изъ которыхъ одни «наводили» что-то наговорами и ворожбою на листъ глухой крапивы и дули пылью по вѣтру, а другіе выносили откуда-то свои обглоданныя избенными прусаками иконки въ лѣсъ и тамъ передъ ними шептали, обливали ихъ водою и оставляли ночевать на деревѣ, — но дождя все-таки не было и даже прекратились росы.

Бѣда становилась неминуемою... Провозглашено было «покаяніе» и объявленъ запретъ на всякія удовольствія и радости.

Веревки на вислыхъ качеляхъ, на улицѣ, закинули вверхъ, чтобы не качались; не позволяли дѣвкамъ «водить танки» и «играть (пѣть) пѣсни»; били ребятъ, которые играли въ казанки и въ свайку. Только одинъ пастухъ, «косолапый Фонька», имѣлъ право «вызывать на дудкѣ», но и его самодѣльная липовая дудка, вызывая коровъ, издавала слишкомъ унылые и неприятные звуки: это замѣтили, должно-быть, сами коровы и не шли на вызовъ косолапаго Фоньки, потому что онъ уже давно ихъ обманывалъ, и выгонялъ ихъ на поле, на которомъ имъ нечего было взять.

Въ народѣ стало усиливаться мрачное озлобленіе: мужья ни за-что и ни про-что били женъ, старики обижали ребятъ и невѣстокъ, и всѣ другъ друга укоряли хлѣбомъ и одинъ на другого все призывали «пропасть»:— «О, нѣтъ на васъ пропасти!»

Явилась и она, явилась «пропасть» — совершилось общественное преступленіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пришелъ откуда-то «незнамый человекъ»; переночевавъ у мужичка, онъ послушалъ рассказовъ о горѣ-злосчастіи отъ бездождія и сказалъ, что онъ это дѣло знаетъ, — что въ этой бѣдѣ попы не помогутъ, а надо выйти въ поле съ зажженной свѣчой, сдѣланной изъ сала опившагося человека, «схороненнаго на распутѣхъ дорогъ, безъ креста и безъ пастыря».

«Незнамый человекъ» былъ запасливъ, и въ сумкѣ у него какъ разъ оказался огарокъ такой свѣчи, какая требовалась. Прежде она была у него длинная, но онъ ее уже «пожегъ во многихъ мѣстахъ», гдѣ было такое же бездождіе, и вездѣ будто тамъ «дожди пролились».

Захожему собрали съ міра яницъ и шесть гривенъ денегъ и пошли съ нимъ «молитвить» на поле ночью.

Онъ «читалъ Отчу» и еще какую-то молитву и «махалъ навкрестъ» зажженной свѣчой изъ человѣчьяго сала, и велѣлъ къ утру ждать росы, а «со полдень тучи», — но только чтобы «ей не мѣшать», а то она можетъ поворотить въ другую сторону.

Затѣмъ этотъ человекъ тутъ же и ушелъ темной ночью.

Росы къ утру не было, но о полдняхъ небо потемнѣло и начало будто тучиться. Вскорѣ и въ самомъ дѣлѣ за дол-

гимъ лѣсомъ, принадлежавшимъ сосѣднему имѣнью, стало густѣть и появилась туча, но какая-то удивительная: вышла и стала на одномъ мѣстѣ и дальше не двигалась.

Три мужика, бывшіе на полѣ, долго не могли понять причину, почему туча не шла далѣе, но наконецъ—доглядѣлись и поняли.

Этому виноватъ былъ Егоръ Кожіёнъ, — шорникъ, который ходилъ по деревнямъ со своею работою. Онъ былъ хорошій мастеръ и отлично шилъ шлеи и хомуты, но чловѣкъ былъ необстоятельный, и на выработанныя деньги пьянствовалъ иногда съ такимъ великимъ усердіемъ, что пропивалъ съ себя все и внутри себя утрачивалъ весь разумъ и тогда страдалъ отъ разнообразныхъ страховъ, безпокойно разыгрывавшихся въ его воспаленномъ мозгу.

Богѣ всего пьянаго Кожіёна преслѣдовалъ «черный быкъ», который обыкновенно стремился на него откуда-то издалеча и все хотѣлъ поднять его на рога и перекинуть черезъ свою спину въ тартарары.

Увидавъ этого хронически преслѣдовавшаго врага, Егоръ Кожіёнъ сейчасъ же отъ него бѣжалъ куда глаза глядятъ, но быкъ вдругъ неожиданно опять появлялся передъ нимъ впереди, и тогда Кожіёнъ останавливался въ ужасѣ, трясяся, махалъ руками и кричалъ: «Тпружи! тпружи!» Если ему удавалось увернуться, то онъ бросался въ противоположную сторону, а какъ и тамъ тоже появлялся тотъ же самый призракъ его большого воображенія, то шорникъ метался по полямъ изъ стороны въ сторону до тѣхъ поръ, пока гдѣ-нибудь быкъ его настигалъ, и тогда Кожіёнъ старался ужъ только о томъ, чтобы пасть ему между рогами и обхватить руками его за шею.

Это было отчаянное, но единственное средство спасенія, которое уже не разъ избавляло Кожіёна отъ смерти на рогахъ чудовища. Какъ онъ, бывало, заляжетъ у быка между рогъ, такъ тотъ его носитъ на головѣ пока измается, и тогда сброситъ его на землю, а самъ убѣжитъ, а Кожіёнъ послѣ выпитя, чувствуетъ себя какъ послѣ качки на морѣ и «кунѣжится» — ищетъ, чтобы его пожалѣли: «Преставьте, — просить, — меня либо къ Матери Божіей — Она мнѣ заступница, либо пойдите въ кабакъ — мнѣ цѣловальникъ въ долгъ дастъ».

Его находили недостойнымъ вести къ образу и обыкно-

венно отводили въ кабакъ, гдѣ онъ опохмелялся у знакомаго цѣловальника и поправлялся.

То же самое заходило у него и теперь, когда его прилѣтили въ полѣ три мужика, наблюдавшіе тучу за Долгимъ лѣсомъ. Егоръ въ ужасѣ бѣжалъ отъ своего быка и махалъ на него руками, крича: «Тпружѣ! тпружѣ!»

Онъ бѣжалъ теперь какъ разъ противъ тучи, и ни къ кому прямѣе, какъ къ ней, относились его отгоняющіе крики и жесты, и... его не стало.

О ту пору какъ съ Кожіёномъ это въ послѣдній разъ сдѣлалось, на томъ же полѣ, гдѣ былъ онъ и три мужика, случились еще двѣ небольшія крестьянскія дѣвочки, которыя пришли на заросшую между ломать полынь для вѣнниковъ. Завидѣвъ скакавшаго и кричавшаго Кожіёна, дѣвочки испугались и залегли въ полынь, и видѣли, какъ Кожіёнъ упалъ на межу, и какъ къ нему тутъ же вскорѣ подошли три мужика и подняли его и старались поставить его на ноги, но онъ не становился, а плакалъ и голосилъ: «Ведите меня къ Божіей Матери!» Тогда третій мужикъ взялъ Кожіёна за ноги, и всѣ втроемъ они шибко пронесли его въ лѣсъ, гдѣ есть густо заросшій оврагъ, и тамъ сразу произошло какое-то несогласіе, и Кожіёнъ «навздрыхъ» закричалъ: за что меня лобаните?.. «И съ тѣмъ все утихло, а потомъ мужички къ ручейку спустились и у того ручья мыться стали.

Переуеганныя же дѣвочки все на межѣ въ полыни сидѣли до вечера, притаившись какъ зайчики, и сами себѣ не могли сказать—чего онѣ испугались; а когда солнце стало заходить за тотъ самый лѣсъ, куда унесли Кожіёна «лобанить»,—дѣвочкамъ сдѣлалось «еще больше ужасно», и онѣ выскочили и бросились бѣжать въ деревню безъ вѣнниковъ,—за что ихъ встрѣтили съ строгостью,—оттрепали за косы и пообѣщали еще «выдрать крапивою», — отчего онѣ и умолкли, чтобы не навлечь на себя чего-нибудь еще худшаго.

Такъ Кожіёна быкъ забодалъ и на рогахъ забросилъ.

Съ той поры уже никто и ни гдѣ не видалъ шатающагося шорника Егора,—и какъ не нуженъ былъ ему паспортъ, такъ не нужна была ему и могила; но въ память его были совершены нѣкоторыя немаловажныя дѣла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

У насъ на чищобѣ, недалеко за гуменникомъ, стоялъ дрянной сараншко, который называли «старымъ половнемъ», хотя онъ никогда никакого «гуменнаго» назначенія не исполнялъ и даже для него не годился.

Сараншко этотъ сгородили для себя смоленскіе «копачи», или «грабари», приходившіе выкорчевывать пни отъ сведеннаго на этомъ мѣстѣ лѣса. Копачи, окончивъ свою работу, ушли, а сгороженный ими дрянной сараншко оставался неразобраннымъ, можетъ быть потому, что дрянной матеріалъ, изъ котораго онъ былъ сколоченъ, не стоилъ и разбора.

Крыша сарая давно вся сошла и просѣтилась, ворота упали и висѣли на одной «ниткѣ», и никто въ этотъ сарай не ходилъ, кромѣ солдатки Наташки, которую, впрочемъ, велѣно было гонять отовсюду. И вдругъ въ одну ночь этотъ такъ-называемый «старый половень» *сгорѣлъ какъ свѣчка!*

Было тихо и темно, и вдругъ въ то самое время, когда мы поужинали,—значить, часу въ одиннадцатомъ,—небо озарилось теплымъ и очень пріятнымъ желтовато-розовымъ свѣтомъ.

Сначала всѣмъ показалось, что это будто такъ восходить «рыжая луна»; но оказалось, что это старый половень горитъ.

На пожаръ успѣли сбѣжаться многіе, но половни не растаскивали и не заливали, такъ какъ отецъ считалъ его ничего не стоящимъ; но хозяину, однако, былъ интересъ узнать: отчего могла загорѣться эта необитаемая и никому не нужная постройка?

Думали сначала на цыганъ, или на поляковъ, но ни цыганъ, ни поляковъ нигдѣ не видали; потомъ пришла мысль на поводырей слѣпного Нефедя, которые курили трубку, но Нефедь и его слѣпой товарищъ и ихъ поводыри, оказалось, «нѣли Лазаря», гдѣ-то далеко у Чудотворца на праздникѣ, и тогда староста Дементій—старовѣръ и врагъ куренія—подалъ мысль, что не виновенъ ли въ этомъ кто-нибудь изъ молодыхъ «трубокуровъ», и это первое подозрѣніе Дементій обобщилъ съ другими извѣстными ему подозрѣніями насчетъ маленькой солдатки Наташки,—шустрой

бабенки съ огромнымъ геномисе всесвѣтной куртизанки, изъ-за которой въ деревнѣ было много безпорядка не только между молодыми людьми, но и между старыми.

Дементій Васильичъ непремѣнно хотѣлъ по этому случаю «кое-кого взбрызнуть» или «пострекать», до чего онъ, какъ коренной «начальникъ» стараго фасона, былъ большой любитель; но когда онъ захогѣлъ «пострекать» кучеряваго сиротинку Вукола, то, отколь ни возмись, появилась сама солдатка Наташка и закричала:

— Не смѣй трогать Вукошку—это не опъ... я видѣла, кто половень сжегъ.

И Наташка вдругъ, не обинуясь, назвала трехъ самыхъ обстоятельныхъ хозяевъ въ деревнѣ...

И тѣ были призваны и повинились, что они дѣйствительно были въ «старомъ половнѣ» со свѣчой изъ *Кожіѣнова сала*, и, вѣроятно, какъ-нибудь по неосторожности, и проч.

Дѣло было уже не въ томъ, какъ они заронили огонь въ половнѣ, а въ томъ: отчего было произнесено упоминевнѣе о «свѣчѣ изъ Кожіѣнова сала»?

Все это сейчасъ же окуталъ густой мракъ самой тщательно скрываемой тайны: отецъ взялъ всѣхъ трехъ мужиковъ къ себѣ въ кабинетъ и заперся съ ними на ключъ вмѣстѣ со старостой Дементіемъ. И о чемъ они тамъ говорили—никто не слыхалъ; но, конечно, всѣ отлично знали, въ чемъ это дѣло, и обстоятелиѣе всѣхъ изслѣдовали его именно женщины, имѣвшія смѣлость спуститься на самое дно глубокаго оврага въ Долгомъ лѣсу, и тамъ подъ хвостомъ и сухою листвою прошлогодняго листопада разсмотрѣли сильно разложившійся трупъ, который вся деревня единогласно признала за трупъ шорника Кожіѣна. Изъ Кожіѣнова тука все «внутреннее сало» было уже «соскоблено», и изъ него, по всѣмъ вѣроятіямъ, надѣлано достаточное количество свѣчъ, сожженныхъ въ разныхъ мѣстахъ, можетъ-быть, съ подобнымъ же результатомъ, какъ случилось и у насъ въ половнѣ.

Тогда отецъ увидѣлъ, что дѣло можетъ принять очень серьезный оборотъ, и поѣхалъ къ сосѣду, которому принадлежалъ Долгій лѣсъ. Помѣщикъ этотъ, старикъ, бывший когда-то морякъ и капитанъ 2-го ранга; жилъ нелюдимо въ сообществѣ трехъ крѣпостныхъ женщинъ, вмѣстѣ съ

которыми и самъ состоялъ подъ надзоромъ четвертой, которая дирижировала весь кругъ его жизни. Событіе въ Долгомъ лѣсу вывело моряка изъ его зависимаго состоянія и подвигло къ собственной инициативѣ, по которой онъ условился съ отцомъ такъ, чтобы: есть или нѣтъ въ лѣсу убитый — о томъ имъ обоимъ благородно и чинно ничего не знать, и кто такой тамъ есть—этого не разыскивать, а для освѣженія чувства въ людяхъ, которые, очевидно, очень набожны, но только не знаютъ, что имъ дѣлать, — пригласить изъ трехъ селъ трехъ священниковъ... и сдѣлать это какъ бы... при опасно больномъ консиліумъ... Отслужить соборіи три молебна—въ саду, на лугу и на полѣ, и быть всѣмъ вмѣстѣ, дворянамъ и мужикамъ... и потомъ—угощеніе.

Отецъ на это согласился и все предположенное къ исполненію «для освѣженія чувствъ въ народѣ» должно было происходить «на общихъ межахъ», по-сосѣдски, по «выходъ» долженъ былъ быть отъ насъ, и у насъ же быть «консиліуму» и угощенію.

— Такъ какъ у васъ, — сказала отцу морякъ:—есть дома законная супруга, а у меня на этотъ счетъ одно беззаконіе.

И торжество было отправлено у насъ. Приглашенъ былъ еще одинъ сосѣдъ, майоръ Алымовъ, тоже холостякъ и съ «ренутаціей», но молодой по лѣтамъ, говорунъ и щеголь довольно дурного тона. Капитанъ 2-го ранга, вѣроятно, нехорошо былъ о немъ слышанъ и не хотѣлъ съ нимъ сближаться, — ему даже неприятно было стоять рядомъ съ майоромъ за молебномъ, и Алымовъ это замѣтилъ и «начихалъ на него»: онъ отошелъ отъ горделиваго моряка и, переступивъ поближе къ дьячкамъ, сталъ задувать съ ними вмѣстѣ не въ тактъ, но очень громкимъ и звонкимъ голосомъ: «Даждь дождь землѣ алчущей, Спасе!» Разъ отъ раза онъ все хваталъ это смѣлѣе и громче, и очень этимъ угодили и крестьянамъ, и духовенству, съ представителями котораго онъ еще болѣе сошелся за столомъ, гдѣ опять нѣсколько разъ поднимался и пѣлъ: «Даждь дождь землѣ алчущей, Спасе!» Этимъ Алымовъ ввелъ у насъ прошеніе о дождѣ въ такое распространеніе, что послѣ у насъ въ томъ же по цѣлымъ днямъ пѣли: «Даждь дождь землѣ, Спасе!» Но больше всѣхъ въ этомъ упражнялись мы, дѣтя ми въ своемъ молитвенномъ напряженіи даже президиумъ старшихъ тѣмъ, что устроили себѣ изъ няининыхъ фарфоровъ ризы, а изъ

Заводской № 51
ЗАВОДСКАЯ № 51
194 23

904-6313

свивальниковъ, орари, и все облачались да пѣли: «Даждь дождь». Намъ это очень нравилось, но прислугѣ мы надоѣли, и служеніе наше было разстроено тѣмъ, что нянька отобрала у насъ облаченія и сказала:

— Полно дьячить! теперь уже никому и дождь не нуженъ: настала пора убирать, а убирать нечего: *голодный годъ пришелъ уже!*

Это было для насъ ужасное открытіе! Мы и не замѣтили, что *онъ уже пришелъ*. Когда же это случилось? Мы все еще просили «отвратить праведный гнѣвъ, на ны движимый», и папшата людей, «яко же птицаѣми онѣми», а тутъ уже все кончено: готово созрѣвшее поле, на которомъ «стоитъ колосъ отъ колоса такъ, что не слышать человѣческаго голоса, а сжатый сноиъ отъ снопа—день бѣды»...

Пришелъ голодный годъ! «Свѣдимъ, что зародилось, и умремъ», — говорили мужики и некли еще изъ новины лепенки и наварили къ Успенью браги, а съ Богородичнаго Рождества нѣкоторые несмѣло стали отлучаться... Спросите — куда? Сначала былъ еще стыдъ въ этомъ сознаваться—отлучки эти скрывались: люди уходили изъ села и возвращались домой въ потемочкахъ, «чтобы сумы не было видно»,—но голодъ и нужда возрастали, и къ Покрову всѣ другъ о другѣ стали знать, что всѣмъ бѣсть нечего, и что «всѣмъ надо идти побираться».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Кто хотѣлъ бы составлять себѣ представленіе о деревенскомъ голодѣ, бывшемъ въ сороковомъ году, по тѣмъ явленіямъ, какія можно было наблюдать прошлой зимою, 1892 года, когда народныя страданія были облегчаемы дружными усиліями разумныхъ и добрыхъ людей, тотъ получилъ бы очень невѣрное понятіе о томъ, какъ страдалъ народъ при тѣхъ порядкахъ безпомощія, о которыхъ вспоминалъ генералъ Мальцевъ. Такихъ заботъ, какія прилагались теперь частными лицами, чтобы помочь голодающимъ крестьянамъ по одному человѣколюбію и состраданію, тогда и въ поминѣ ни у кого не было, да никакое оказательство въ смыслѣ общей помощи было и невозможно; а само правительство, разумѣется, не могло прокормить всѣхъ голодныхъ. «Казеннымъ» или такъ-называемымъ «государственнымъ крестьянамъ» тогда дали что-то изъ «запас-

ныхъ магазиновъ» на «обмѣненіе полей»; но это была помощь слабая и ничтожная: «казенные» люди изъ названной категоріи на этотъ «заимобразъ» тоже не могли прокормиться. Но о томъ, чтобы кормить ихъ *до сытости*, и не считали нужнымъ заботиться: рассказывали, будто графъ Киселевъ сказалъ кому-то, что «крестьяне не солдаты», и что «до новины они могутъ *одну зиму какъ-нибудь перебиться*», и это будто бы послужило достаточнымъ успокоеніемъ чьей-то душевной тревоги. А казенные или государственные крестьяне въ то время считались за «любимыхъ дѣтей» правительства. Что же касалось людей другихъ словесій, то съ этими было еще меньше хлопотъ: о мѣщанахъ нечего было и говорить, такъ какъ они земли не пахутъ и хлѣба не сѣютъ,—стало-быть, у нихъ неурожая и не было, и притомъ о нихъ давно было сказано, что они «всѣ воры» и, какъ воры, они, стало-быть, могутъ достать себѣ все, чтò имъ нужно; а помѣщичьи «крѣпостные» люди были въ такомъ положеніи, что о нихъ нечего было и беспокоиться,—они со дня рожденія своего навѣки были предоставлены «попеченію владѣльцевъ», и тѣ о нихъ неслись... Злополучные крѣпостные люди были всѣхъ другихъ несчастнѣе: они не только страдали безъ всякой помощи, но еще съ связанными руками и съ трипницей во рту. Они даже не имѣли права отлучиться, и нерѣдко ихъ жалобы и стоны принимали за грубость, за которую наказывали. Лучшія исключенія были тамъ, гдѣ помѣщики скоро ужаснулись раскрывшагося передъ ними деревенскаго положенія и, побросавъ свои деревни, сбѣжали зимовать куда-нибудь въ города и городишки,—«все равно куда, лишь бы избавиться отъ своихъ мужиченковъ» (т. е. чтобы не слышать ихъ просьбъ о хлѣбѣ). Безъ господъ крестьянамъ по крайней мѣрѣ открывалась свобода брести куда глаза глядятъ и просить милостыню подъ чужими окнами. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ большихъ экономіяхъ «своимъ крестьянамъ» давали хлѣба и картофеля въ долгъ или со скидкой противъ цѣны, за которую отпускали «чужимъ людямъ», но и это все было недостаточно, такъ какъ и по удешевленной цѣнѣ покупать было не на что.

Разумѣется, я говорю только о той мѣстности, гдѣ я тогда жилъ, въ орловской губерніи. Можетъ-быть, что въ другихъ мѣстахъ было и иначе.

Я говорю *только* о томъ, что самъ видѣлъ или о чемъ слышалъ въ тогдашнее время.

Самымъ ужаснымъ тогда казалось, что люди въ нашемъ мѣстѣ были связаны крѣпостною неволюю: черезъ это они не могли никуда отлучиться и ничего себѣ промыслить. Среди мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ курской и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ орловской губернии по мѣстамъ происходило такъ, что дѣти и старики «ходили въ-поборъ», а взрослые работали на барщинѣ, и работали работы несигншныя, какъ-то: сѣкли про запасъ хворостъ или рыли канавы,—съ чѣмъ со всѣмъ можно было подождать, а бѣли «сборное», т. е. то, что старики или ребятишки гдѣ-нибудь «напросятъ Христа ради». Въ большихъ экономіяхъ крестьянамъ было гораздо лучше, уже по тому одному, что тамъ по крайней мѣрѣ не стѣсняли людей, и мужики поползли «съ топорами» (т. е. плотничать) въ Кіевъ, въ Харьковъ и въ Нѣжинъ, и «съ лошадемъ» подрякались везти «лагуны» (съ саломъ) или «бунты» (съ пенькою) въ Таганрогъ и въ Одессу. И въ первомъ, и во второмъ отходѣ заработокъ ихъ былъ самый ничтожнѣйшій, или лучше сказать—никакого. Работали они больше только «изъ одного прокорма», и то считалось еще хорошо, если работникъ прокормится и назадъ домой вернется «съ лошадемъ», а не съ однимъ «кнутикомъ». А то случалось, что онъ придетъ да обрадуется домашнихъ, что «кобылу» или «мерина ободралъ въ ухабѣ». Крестьяне, которые «нашли рядъ» и успѣли уѣхать ранѣе, пока лошади ихъ еще не обезсиляли отъ изнурительной безкормицы, кое-какъ справлялись, и на дорогѣ, въ самомъ пути отъѣдались сами и откармливали лошадей: эти и возвращались благополучно; но которые не нашли рано работы, а тронулись тогда, когда давно уже сталъ санный путь и лошади давно заморены на безкормицѣ,—у этихъ все «рушилось»: лошади у нихъ запрокидывались кверху ногами въ первомъ раскатѣ и «падали». Какъ безнодрѣзныя сани пойдутъ въ раскатъ и ударить клячу по исхудалымъ будыжкамъ,—она тотчасъ же и упадетъ, и лежать. Ее «поднимають» мужики, кто за хвостъ, кто за плечи. Поднимутъ, установятъ и поддерживаютъ, а потомъ тронутъ: «ну, матунка!» Но она пройдетъ нѣсколько шаговъ, и опять хлопнется, ноги вверхъ задеретъ и даже не бьется. Чуть только не просить, чтобы ее ужь и не тро-

гали,—что «миѣ-де уже все равно какъ околѣть, лишь бы только поскорѣе».

Иногда, бывало, видишь, что какъ только лошадь поднимутъ, такъ она тутъ же сію минуту опять и падаетъ. Мужики, даже самые жестокіе, тутъ плакали какъ дѣти и жалѣли лошадей, — не били ихъ, а все, бывало, уговариваютъ лошадку: «ну, матушка! ну, кормилица!» — да сами во всю дорогу то у одной, то у другой оглобли пыхтять и подсобляютъ, а сами все плачутъ.

Страшное это представляло зрѣлище, какъ они, бывало, плетутся по дорогамъ длинными вереницами, и сами издероганные, истощенные и ободранные, а лошади уже совсѣмъ одни скелеты, обтянутые кожей...

И не разберешь даже — кто кого жалче.

Во всякомъ случаѣ известная художественная группа Рѣпина, изображающая поволжскихъ бурлаковъ, представляетъ гораздо болѣе легкое зрѣлище, чѣмъ тѣ мужичьи обозы, которые я видѣлъ въ голодный годъ, во время моего дѣтства.

Въ глубокихъ ухабахъ или подъ раскатами столбовыхъ дорогъ то-и-дѣло, бывало, валяются ободранныя «пада» и надъ ними стаями вѣются черныя птицы, высматривающія — какъ бы имъ ухватить что-нибудь изъ того, что можетъ остаться послѣ зубовъ страшно освириѣвшихъ отъ голода собакъ. Собаки тогда рыскали очень далеко отъ домовъ и дичали совершенно какъ волки. Крестьяне, какъ известно, и въ «довольное время» не любятъ кормить своихъ сторожевыхъ собакъ, и держатся того взгляда, что «ещь самъ о себѣ промыслитель», а въ голодный годъ собакъ и пещѣмъ было кормить. На ихъ собачье счастье лошадей околѣвало множество и трупы ихъ, или, по-мужичьи, «коневое падло», валялись безъ перевода и по полямъ, и по задворкамъ. Псамъ только надо было имѣть чутье да ноги, чтобы не пропасть съ голода. Но удивительно было, какъ они далеко узнавали о каждой павшей скотинѣ! Бывало, гдѣ ни выволокутъ падло, собаки ужъ знаютъ, и черезъ часть-два собачьи слѣды такъ и наплетутъ черезъ все поля съѣсть по сибгу. Люди удивлялись этому и предполагали, что у собакъ неизмѣнно есть какое-то свое имъ собственное средство сообщать другъ другу новости о событіяхъ, совершающихся за предѣлами ихъ слуха, зрѣнія и

обоняннiя. Въ самомъ дѣлѣ, чутье едва ли могло достигать на такiя далекiя разстоянiя, откуда сбѣгались собаки терзать падалъ! Приходилось видѣть знаемыхъ деревенскихъ собакъ, приобѣгавшихъ верстѣ за двѣнадцать и за пятнадцать. Въ началѣ зимы, когда лошадей дошло много, собаки такъ хорошо отѣлнсь, что волки ихъ боялись, и онѣ не подпускали волковъ къ шкуру; но потомъ, когда всѣ лошади перекоѣбли, голодъ собакъ сталъ ужасенъ, и волки пошли рвать ихъ. Впрочемъ, псамъ все-таки было лучше, чѣмъ травояднымъ. Коровъ своихъ крестьяне «до послѣдняго берегли» и «воспитывали крышами». Сгребутъ, бывало, съ крыши давно почернѣвшую солому и иногда «попарить ее въ корчажкѣ» — вотъ и кормъ. Солить было нечѣмъ: тогда соль составляла «правительственную регалию», и была такъ дорога, что плоховатые мужики и въ «ровные»-то года часто ѣли снѣть песоленую. (У Тургенева мужикъ говоритъ, что надобно осиротѣлую дѣвчонку взять. Баба отвѣчаетъ: «намъ самимъ снѣть посолить нечѣмъ». А мужикъ говоритъ: «А мы ее несоленую!» — и дѣвчонку взяли). Коровъ «ходячихъ» не рѣзали. Станетъ она «падать» или «заваливаться», идучи на водоной — ее все еще поднимаютъ и вѣдутъ до дому, «поддерживаютъ» и опять «крышей воспитываютъ». И такъ водятся съ ней до тѣхъ поръ, пока у нея «титки высохнутъ». Тутъ уже, значить, ждать отъ нея больше нечего — «воспитанiе» ея кончено и остается ей «ножъ воткнуть». Зарѣзанную полуиздохшую корову поскорѣе «требушили» и потомъ волокли «въ копотъ», т. е. разнимуть ея трупъ на частички и повѣсить эти разсѣченныя части «надъ дымомъ», чтобы ихъ «прокурило» и «духъ отшибло», потому что у этого мяса даже до посмертнаго разложенiя былъ какой-то особенный, вѣроятно болѣзненный запахъ, котораго «утроба человѣческая не принимаетъ». А потомъ, когда дымъ все это «прокуритъ» — вонь нѣсколько измѣнила свой характеръ и мясо воняло иначе, — менѣе противно: тогда его, бывало, варягъ и ѣдятъ.

Но все это еще было сравнительно благополучное время, когда было чтò «дымить», а впереди ждало положенiе гораздо болѣе тяжкое.

Здѣсь, однако, мнѣ припоминается, какое горе бывало въ крестьянскомъ дворѣ, когда дѣлалась очевидною неминуемая надобность немедленно предать смерти «кормилицу».

Какъ, бывало, доходить послѣдній кормъ, такъ «безкормной коровѣ» отъ мужиковъ выходитъ рѣшеніе, что ее надо «приколоть»... Тогда всѣ бабы принимаются «выть», а на нихъ глядя, завоютъ всѣ дѣти, и всѣ стараются «коровушку покрыть», т. е. увѣриютъ мужиковъ, будто она еще можетъ жить; но мужики этому не внемлютъ, и какъ замѣтить, что подойникъ пустъ, такъ сейчасъ же и берутся исполнять свое рѣшеніе.

Это ужасныя минуты въ крестьянской избѣ, которыхъ итъ средствъ описать, а ихъ надо видѣть.

Послѣ ссоры и спора изъ-за коровы между бабами и мужиками—въ избѣ вдругъ пропадаетъ хлѣбный ножъ!..

Итъ его, да и только! Бабы говорятъ: «ребята затащили»,—мужики дерутъ ребятъ за виски; ребята говорятъ: «мамка скрала»,—мужики мнутъ мамкѣ потылицу... Всѣмъ дѣла много, а ножъ все-таки не отыскивается.

Идутъ занимать ножъ къ сосѣду, но и у сосѣда ножъ пропалъ! Бабы рѣжутъ хлѣбъ какими понало ножевыми «аскретками», а настоящіе хлѣбные ножи всѣ «пропали». Ихъ ищутъ-ищутъ и не находятъ. Мужики понимаютъ, что это значитъ, и долго не разговариваютъ, а идутъ за ножомъ на другой конецъ деревни и тамъ гдѣ-нибудь пригодный ножъ находятъ. Тутъ же дѣлаютъ и уговоръ еще о живой коровѣ: какъ дѣлить ее «тушу», кому передъ, кому задъ, кому нутро или студни. Объ этомъ уговариваются, чтобы не пропала «убонна», и за разъ нѣсколько коровъ въ деревнѣ не рѣжутъ. Сегодня рѣжетъ одинъ сосѣдъ, а другой поджидаетъ, если есть чѣмъ издыхающую «воспитывать».

Когда мужикъ добудетъ ножъ и возвращается въ избу, онъ молча начинаетъ водить ножъ по желѣзистому кирпичу на зашпекѣ. Видъ у него тогда мрачный, и бабы начинаютъ его бояться и уже не воютъ, а тихо плачутъ; но мужика и это выводитъ изъ терпѣнія. Къ тому же мать, или другая старуха, которая не бонсея тукманки, гдѣ-нибудь за угломъ причитаешь. Мужикъ сѣвшитъ точитъ ножъ и, пощупавъ его на ладони, уходитъ звать на помощь сосѣда. Съ «уборкой» буренки надо сѣвшитъ, потому что она того и гляди околѣетъ, и тогда выйдетъ не «убонна», а «надо.»

Потомъ настаетъ въ избѣ жуткая тишина... Со двора все слышно, какъ мужики путаютъ корову вожжками и потомъ

бьютъ ее долбней по головѣ. Безъ этого они убить большую скотину не умѣютъ. А потомъ, когда этотъ ужасный стукъ долбни по черепу прекратится, — мужикъ перекрестится и всунетъ коровѣ ножъ въ горло... И всѣ стоятъ вокругъ въ тишинѣ и смотрятъ, какъ кровь бьетъ и зарѣзанная еще дрыгаетъ связанными ногами и смотритъ. Потомъ тишина кончена и закричатъ: «давай ночы!» Тутъ всему дѣлу развязка: бабы уже работаютъ спокойно; носятъ разрубленные части своей бурѣнки по избамъ и вѣшаютъ ихъ на деревянныхъ крючьяхъ и на лыковыхъ веревкахъ подъ потолками и надъ дверями черныхъ избъ (гдѣ дымъ идетъ). Тутъ это мясо копилось, или какъ будто бы копилось. На самомъ же дѣлѣ орловскіе мужики мяса коптить не умѣли, да и негдѣ было имъ его коптить какъ надобно; а они только добивались, 'чтобы отъ него «не дужо смердѣло».

Такъ прѣшли весь рогатый скотъ, и ко Срѣтенью (2 февраля) во всемъ селѣ, о которомъ рассказываю, осталась только одна корова у старосты, да двѣ у дворовыхъ; но лошадей еще оставалось на сорокъ дворовъ штукъ, восемь, и то не у крестьянъ, а у однодворцевъ, которые жили въ одномъ порядкѣ съ крѣпостными. Однако, всѣ эти лошади содержались на одной соломѣ и ни для какой работы не годились. Ихъ даже нельзя было гонять на водопой къ колодцу, потому что онѣ завязали въ сугробахъ и падали, и люди должны были ихъ вытаскивать и волочь домой — что было очень трудно.

Но не будемъ болѣе говорить о скотахъ, а посмотримъ что случалось съ самими сынами человѣческими, отбивавшими здѣсь же безпомощно и безроотно всѣ выпавшія на ихъ долю злоключенія «голоднаго года»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Изобразить въ общихъ чертахъ состояніе духа деревенскихъ людей за все время ужасной зимы сорокового года — я не умѣю. Была и унылость, и отчаяніе, и стонъ, и непомовѣрное мужество... все это «человѣкомъ» и «часомъ», т. е. каждый человѣкъ переносилъ свое мученіе сообразно своему характеру и не во всякую минуту одинаково. Съ виду даже, пожалуй, незаметно было, что люди переживаютъ *особенное страданіе*: жизнь въ крестьянскихъ избахъ

плелась почти такая же безотрадная, какъ и всегда. Тѣ же стоны и кряхтѣнья стариковъ, не слѣзающихъ съ остывлыхъ печей; тотъ же дымъ и вонь, а часто и снѣгъ, пролѣзающей по угламъ, съ наружной стороны избъ во внутреннюю; тѣ же слабые шески голыхъ, и еле живыхъ ребятъ со вспухшими животами и красными отъ дыма глазами; по зимняя картина въ орловской деревнѣ никогда и не была другою... Я ее всегда видѣлъ именно такую. Мнѣ гораздо легче вспомнить и удобнѣе, кажется, передать нѣкоторые, *особенные случаи*, которые уцѣлѣли въ памяти и которые я изложу одинъ отъ другого въ отдѣльности.

Прежде всего вспоминается мнѣ хилая дѣвочка Васѣнка, которую «Богъ взялъ», и я съ этого начну мои рассудки, но такъ какъ мать Васѣнки жила на дворовомъ положеніи, то прежде я скажу коротко о положеніи людей дворовыхъ, которое отличалось отъ крестьянскаго. Дворовымъ людямъ, которые въ обыкновенное время почитали себя несчастнѣе крестьянъ, въ голодовку выходило лучше, чѣмъ крестьянамъ, потому что дворовыхъ, не имѣвшихъ земли и состоявшихъ на работѣ при помѣщичьихъ дворахъ, помѣщики должны были кормить и кое-какъ кормили. Въ обыкновенное время имъ отпускали на мужчину 1 п. 30 ф. въ мѣсяцъ, а на женщину 1 п. 20 ф. и на дѣтей (съ 5 до 15 лѣтъ) по 20 ф. ржаной муки. Больше не давали ничего: приварокъ и соль они должны были принасти себѣ сами, и гдѣ-то они этимъ дѣйствительно раздобывались. Въ голодный годъ во многихъ мѣстахъ этимъ людямъ сдѣлали странную обиду: «сняли ихъ съ мучной мѣсячины на печеный отвѣсъ», т.-е. стали давать имъ по 3 ф. хлѣба въ день на мужчину и по 2 ф. на женщину, а мальчикамъ и дѣвочкамъ по полтора фунта. Притомъ, если варили щи или кашу, то въ эти дни хлѣбный отвѣсъ уменьшался на половину. Этимъ уже дворовые люди были странно недовольны, потому что они своимъ «отвѣснымъ хлѣбомъ» дѣлились со своими родственниками, голодавшими на деревнѣ, и это составляло ихъ священное право «помогать на деревню».

Дворовымъ и комнатной прислугѣ съ Введенія (21 ноября) мѣсячину и отвѣсъ тоже стали выдавать не «чистымъ хлѣбомъ», а съ примѣсью, но съ примѣсью очень съдобною, по преимуществу съ картофелемъ, и только въ случаѣ не-

достатка картофеля,— съ коноплянымъ жмыхомъ, который если свѣжъ и не горекъ, то вкусъ хлѣба не очень портитъ. Во всемъ хозяйствѣ теперь только намъ къ столу подвѣдали чистый и притомъ «обрушенный» ситный хлѣбъ, муку для котораго содержали въ кадн, въ кладовой подъ замкомъ, и отпускали ее въ кухню для выечки.

Хлѣбъ этотъ былъ, конечно, гораздо лучше крестьянскаго пирога, и мы, дѣти, это знали и, ѣвши такой хлѣбъ, чувствовали что-то въ родѣ стыда по тому случаю, что мы пресыщались вкуснымъ хлѣбомъ и даже кормили имъ нашу собачку Фидельку, тогда какъ на деревнѣ дѣти сосали жмыхъ...

Въ дѣтскихъ сердцахъ нашихъ какъ будто раздавался голосъ Бога, вопрошающаго о братѣ...

Пекла нашъ «господскій хлѣбъ» та птичница Аграфена, изъ однодворокъ, о которой упоминалось выше,—та, которая видѣла сны и первая запророчила быть голодному году. Она—напоминаю опять—имѣла право уйти отъ насъ, но жила на положеннй крѣпостной, потому что у нея были дѣти, прижитыя съ крѣпостнымъ мужемъ, и въ числѣ ихъ была та Васѣнка, которую «Богъ взялъ», о чемъ сейчасъ и будетъ предложено, какъ это случилось.

Испеченный Аграфеною ситный хлѣбъ опять принимали отъ нея по вѣсу, требуя на каждый пудъ муки опредѣленное по опыту количество припеку, на что пекарки-бабы очень жаловались и находили это требованіе несправедливымъ, потому что «всякая мука даетъ свой припекъ поровно». Но имъ не вѣрили и считывали ихъ на золотники, точно дѣло шло о золотѣ. И «свой братъ» и «своя сестра», такіе же дворовые и крѣпостные, поддерживали въ господахъ это недоувѣріе, постоянно донося на пекарокъ, будто тѣ «отнимаютъ тѣста отъ господскихъ хлѣбовъ своими дѣтямъ на лепенки». По такимъ доносамъ ключницу дѣлались внезапные обыски, и одинъ разъ у птичницы Аграфены, которая имѣла четырехлѣтнюю дочь Васѣнку, страдавшіую «кишкою», дѣйствительно нашли «шматокъ тѣста съ ладонь», спрятанный между грязными подушками постели, на которой стонала ея больная дѣвочка. Я помню, какъ объ этомъ «довела» дѣвочка, бывшая въ «виносушкахъ», по имени Агашка, и передъ матушкою стояли разомъ эта Агашка и ключница, производившая обыскъ, и

Аграфена, а на столѣ въ видѣ полнчи лежалъ «шматокъ тѣста», которое она отпила отъ барскихъ хлѣбовъ и хотѣла спечь изъ него лепешку Васѣнкѣ. Аграфену уличали Анна и Агашка, и Аграфена не отриралась, а стояла гордая и «грубила». А грубость ея выражалась тѣмъ, что она очень странно кляла свою дѣвочку Васѣнку. Это зашло такъ далеко, что матушка забыла о дѣлѣ по существу и начала сердиться на Аграфену за то, что она проклинала дитя. Матушка говорила ей, что она не имѣетъ права такъ клясть дѣвочку и желать ей смерти! Но Аграфена этому кощунственно не вѣрила и, скребя ногтями свои локти, отвѣчала:

— Что еще за право надо, когда я ей родительница! Возьму ее да и убью!

— И судиться будешь.

— Ну, такъ и что жъ такое!

— Тебя не помилуютъ.

— Да и не надобно!.. И такъ-то ужъ у васъ надобло!

И проговоривъ это съ дерзостью, Аграфена нетерпѣливо повернулась и ушла.

Ее не останавливали: ея одиодворчество было для нея все равно, что «римское гражданство».

Матушка сказала, чтобы ей простили шматокъ тѣста и не попрекали ее этимъ, и тѣмъ дѣло о шматкѣ въ господскомъ домѣ было окончено, но въ птичпой избѣ, гдѣ пекли хлѣбы, оно продолжалось и окончилось только наканунѣ Николина дня (5 декабря), когда четырехлѣтняя Васѣнка была найдена надъ птичною избой возлѣ трубы, въ гнѣздильной плетушкѣ, и совершенно закоченѣвшая. А нашла Васѣнку опять та же Агашка, которая въ этотъ разъ была послана ключницею наверхъ птичпой избы обобрать въ покинутыхъ галочьихъ гнѣздахъ забытыя «подкладухи» (каменные яички). Тутъ Агашка, шаря въ полутьмѣ руками подъ застрѣхою, нацупала въ залидивѣвшемъ хворостѣ что-то такое, что инстинктивно показалось ей чрезвычайно страшнымъ. Агашка вскрикнула и, не понавъ на приставную лѣстницу, свалилась прямо съ потолка избы на полъ сѣней, а когда приобѣжала въ горницу, то заговорила, что «на птичпой избѣ подъ застрѣхой въ хворостинахъ, близко къ трубѣ, сидитъ что-то странное». Тогда послали на верхъ взрослую дѣвушку съ фонаремъ — и та нашла тамъ Ва-

сѣнку... Дѣвочка была въ одной рубашкѣ и босая, но ножки обвертѣла хлопочками, которые нашла въ выставленномъ сюда изъ избы плетеномъ гнѣздѣ, на которомъ въ свое время сидѣли на яйцахъ насѣдки. Васѣнка подвинула одно изъ такихъ гнѣздъ подъ застрѣху, усѣлась въ него, а головкою прислонилась къ зашидившимъ хворостиннымъ рѣшетинамъ соломенной кровли и такъ закоченѣла, но она еще была жива, и когда ее принесли въ избу, она даже какъ будто бы смотрѣла, но только глазки у нея были «какъ сонные».

Когда ее принесли въ избу, то сейчасъ же прибѣжали въ господскій дѣмъ сказать объ этомъ случаѣ барынѣ. Это, разумеется, произвело смятеніе, въ которомъ всякій по-своему обнаруживалъ свою находчивость. А такъ какъ это произошло въ то время, когда мы только отпили утренній чай и матушка перемывала въ полоскательницѣ чайныя чашки, по срединѣ которыхъ стоялъ чайникъ со спитымъ чаемъ и съ двумя кусочками сахара, составлявшими «положенье» для няни и ключницы, то матушка велѣла отнести этотъ чай въ птичную и сама поспѣшила туда же, а за нею, въ общей суматохѣ, проникли туда и мы.

Тамъ мы увидѣли, что наша мать и нѣсколько женщинъ стояли вокругъ Аннушки, которая сидѣла на скамейкѣ и держала на коленяхъ застывшую дѣвочку, а матушка, нагнувшись къ ней, старалась влить Васѣнкѣ въ ротикъ съ ложечки чаю.

Стоя близко къ самому центру дѣйствія, я видѣлъ, какъ матушка достигла чего хотѣла, — она влила въ ротикъ Васѣнки чайную ложечку тепловатаго чаю, и дѣвочка этотъ чай какъ будто проглотила, но вдругъ на губкахъ у дитяти что-то зашѣбилося и затѣмъ все вылилось вонъ, а въ горлышкѣ что-то щелкнуло и въ животикѣ забурчалъ.

Аннушка ослабила руки, которыми держала ребенка, и, скинувъ на матушку испуганными глазами, прошептала:

— Отходить!

Послали какъ можно скорѣе принести изъ матушкина образника плисовую шапочку угодника Митрофанія, но когда стали ее надѣвать на головку Васѣнки, увидали, что она уже умерла.

Шапочку, однако, все-таки надѣли, и Анна въ этой же шапочкѣ положила дѣвочку на лавку подъ образъ, а возлѣ нея

поставили ковшикъ съ водою, чтобы «душка ея обмылась».

Это для меня было трогательно и занимательно, потому что до этой поры я еще не былъ при разлученіи человеческой души съ тѣломъ, и я не ожидалъ, чтобы это происходило такъ просто.

Аграфены во все это время дома не было: она ходила на деревню къ своей бѣдной сестрѣ-солдаткѣ, которая тоже умирала.

Матушка послала за Аграфеной, а сама ушла, но я припаялся и остался въ птичнѣй.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Этотъ первый случай, «какъ духъ уходилъ, и никто не видѣлъ, куда онъ идетъ», вѣзался у меня въ памяти на всю мою жизнь, и тихая «смѣрточка» тихой Васѣнки тогда вдругъ показалась мнѣ страшнымъ укоромъ, вставшимъ противъ самыхъ близкихъ и дорогихъ мнѣ людей, до которыхъ сердце мое не желало бы допустить никакой укоризны. Я бросился въ уголь, гдѣ стояли гусинныя гнѣзда, и горько заплакалъ о Васѣнкѣ... Я все вспоминалъ, какъ, бывало, зайдешь въ эту избу, среди дня, когда она жарко натоплена и въ ней стоитъ густой запахъ свѣже-испеченнаго хлѣба, — караванъ хлѣба лежать на столѣ, покрытые бѣлымъ закатникомъ, въ кошелкахъ гогочуть гуси и тикаютъ цыплятки, а Аграфены нѣтъ, и только одна терѣливая Васѣнка лежитъ на грязной постели подъ грубымъ веретемъ и смотритъ тихо и безропотно или вдругъ скажетъ:

— Мамки нѣтъ... она ушодцы!—и сама снова умолкнетъ, и опять лежитъ тихо-претихо.

Теперь она уже совсѣмъ умолкла и затихла навѣки. Ей теперь хорошо; но сколько она должна была перестрадать и перемучиться, пока застыла подъ застрѣхой! Какой ужасъ! И что такое могло ее побудить оставить постельку, на которой она всегда такъ терѣливо лежала, и лѣзть на холодный чердакъ, чтобы тамъ заколѣнѣть въ страшной стужѣ?

Я былъ твердо увѣренъ, что тутъ есть какая-то тайна, которую отгадать страшно, и получить въ этомъ еще большее удостовѣреніе, когда въ избу съ надворья, въ облакѣ морознаго пара, вошла вдова Аграфена.

Она посмотрѣла на свою умершую дѣвочку и на всѣхъ, которые ее укладывали «подъ святые», и молча, съ совер-

ленно безчувственнымъ лицомъ, пошла въ противоположную сторону къ печи и стала грѣть возлѣ нея руки.

Въ это время опять вошла матушка, неся въ рукахъ дѣтскую рубашечку съ голубою лентою. Увидя Аграфену, матушка тронула ее за плечо и сердито показала ей на мертваго ребенка.

Аграфена посмотрѣла и опять ни слова не отвѣчала.

— Видишь или нѣтъ?—строго спросила матушка, и только тутъ Аграфена отвѣтила ей дерзко:

— Чтò видѣть-то?.. Ну, и вижу!

— Это твой вѣдь ребенокъ?

— Ну, и мой! Чтò жь такое? Былъ мой, а теперь пускай будетъ Божій! Господь его приметъ, и слава Богу.

— Ты безчувственная!

— Ну, такъ что жь такое, хоть и безчувственная!.. Богъ взялъ дитя—чтò тутъ еще чувствовать! Его воля.

Матушка покачала головою и, погрозивъ Аграфенѣ пальцемъ, вышла и унесла съ собою на груди шалочку Митрофанія; а какъ только барыня ушла—Аграфена подошла къ дѣвушкамъ и, обхвативъ ихъ всѣхъ трехъ сразу одной охапкой, толкнула къ дверямъ и сказала:

— Сгиньте, доносчицы!

И не трогался и не шевелился.

Аграфена меня не замѣчала: она стала возлѣ Васѣнки, послюнила пальцы и этими пальцами разгладила ей на лобикѣ ея льняные волосы, потомъ другъ икнула, опустилась на лавку, и у нея полились слезы; но это было не долго: она вытерла лицо грязной тряпкой и подошла къ стоявшей въ углу коробѣ.

Здѣсь она увидала меня и, казалось, нетного удивилась, но, однако, не сказала мнѣ ни слова, а, порывшись въ коробѣ, достала оттуда конецъ полотна, нитки и наперстокъ и пошла къ столу, чтобы что-то кроить, но въ это время въ избѣ вѣзжала дѣвочка Агашка и сказала, что мать моя сама пришлетъ Васѣнкѣ саванъ и погровецъ.

Аграфена ничего не отвѣтила, но завернула нитки и пожинцы опять въ полотно и снова все это положила въ коробю, и тутъ, нагнувшись надъ коробьею, вдругъ зарыдала.

И робко приблизился къ ней и, самъ плачучи, обвилъ руками ее шею, но она меня отодвинула и сказала:

— Не замай! не замай!—и опять заголосила.

Мнѣ показалось странно съ нею оставаться, и я пошелъ домой, гдѣ теперь всѣ были заняты судьбою Васѣнки и притомъ всякій по-своему: матушка отрѣзала холстъ на саванъ Васѣнкѣ, а дѣвушки шили эту никогда до той поры мною невиданную вещь «на живую нитку». Матушка каждой изъ нихъ напоминала, чтобы непременно шить «на живую нитку».

Я очень интересовался, почему дѣвушки должны были шить на живую нитку, когда имъ въ другихъ случаяхъ такое шитье ставилось въ вину, и мнѣ объяснили, что это такое правило, что «на мертвыхъ всегда надо шить на живую нитку».

И тогда быть въ такомъ возрастѣ, когда дѣти «набираются впечатлѣній», и все новое меня очень интересовало.

И давно слыхалъ слово «саванъ» и привыкъ чувствовать въ его звукѣ что-то злобщее, но никогда савана не видалъ, и теперь напрасно всматривался, какъ его шили, потому что ничего не могъ разобрать въ кучкѣ полотна, которая вертѣлась у швей на колѣняхъ; но потомъ мнѣ удалось его увидеть. Когда большія дѣвушки пошли обѣдать, рѣзвая дѣвчонка Роська, остававшаяся дежурной по дѣвичьей комнатѣ, наложила Васѣнкинъ саванъ на себя и стала передъ отворенными дверями въ нашу дѣтскую, такъ что мы ее увидали, и сначала мнѣ показалось, будто я вижу «козу», которая ходитъ плисать съ медвѣдями, но потомъ я понялъ, что это и есть саванъ... Я испугался и, закричавъ отчаяннымъ голосомъ, убѣжалъ къ старшимъ.

Васѣнку я не видалъ въ ея погребальномъ уборѣ, приготовленномъ для нея на живую нитку; но когда я легъ спать, то, прежде чѣмъ заснуть, мнѣ привелось услышать разъясненіе, какъ она попала на чердакъ. Всему дѣлу виновницею оказалась ея мать, Аграфена, или, точнѣе сказать, ея «сибириный характеръ» (такъ доносила матушкѣ старостиха Домна). «Аграфена узгордилась, чтобы никто на нее не смѣлъ думать, что она дочкѣ шматокъ тѣста отъ господской дежки беретъ». И она будто Васѣнку взяла и выгнала, чтобы та шла въ общую людскую избу, пока хлѣбъ выспидется, а сама Аграфена къ сестрѣ на деревню пошла и тамъ задержалась, потому что сестрѣ горшокъ накидывала;

а Васёнка побоялась идти въ людскую избу, потому что тамъ въ сѣняхъ бѣлая телка, которая бодалась, и спряталась на чердакъ въ гнѣзда и тамъ застыла.

И Васёнку схоронили, а на Аграфену не сердились, и даже, когда подходилъ Васёнкѣ девятый день, Аграфенѣ велѣли выдать полшуда муки на блины и приказали дать ей лошадь, чтобы она могла поѣхать съ сыномъ своимъ, девятилѣтнимъ Егоркою, на кладбище; но Аграфена муку взяла и отнесла ее на деревню къ сестрѣ, а на лошади не поѣхала, а пошла съ Егоркою пѣшкомъ, хотя день былъ прескверный: холодъ и метель.

Пошли они утромъ, но не возвратились засвѣтло, а метель разыгралась, и думали, что вдова съ сыномъ остались переждать погоду у кого-нибудь изъ дьячковъ. Но на другой день ее не нашли на Поповкѣ, а потомъ и ее, и сына отыскивали въ овражкѣ—мать съ сыномъ сидѣли обнявшись, и оба замерзли.

Повидимому, они шли домой и сбились съ дороги; но нѣкоторые думали, что Аграфена нарочно заморозила сына, чтобы его «ослобонить».

Истину въ этомъ дѣлѣ открыть было невозможно, и дьячокъ Меркурій, которому заказывали дѣлать надписи на крестахъ, написалъ на крестѣ, покрывшемъ семейство горделивой Аграфены: «Боговинися душа».

Никто не могъ понять въ точности, что такое это значило, но всѣ находили, что это «что-то значить».

А дьячокъ Меркурій только кивалъ значительно головою и произносилъ: «гмъ!» — а внятиѣе ничего не сказывалъ.

Смерть Васёнки, Аграфены и Егорки была первымъ трагическимъ случаемъ изъ всѣхъ событій голодной зимы въ нашей деревнѣ, но драма эта совершилась втайнѣ и «предана волѣ Божіей».

Другія событія, которыя я припоминаю, случились позже и не такъ близко, какъ это. Но здѣсь еще надо вставить отрывокъ о хитромъ помѣщикѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Хитрый помѣщикъ былъ не кто иной, какъ майоръ Алымовъ, о которомъ вскользь уже упомянуто. Его почему-то не называли по имени и отчеству, а титуловали *по чину*:

«майоръ». Онъ былъ молодой, холостой, бравый, сильный, плечистый, съ огромнѣйшими черными усами «въ-розметъ» и съ бойкими, но неприятными манерами дурного тона, которыми онъ и оттолкнулъ отъ себя сосѣда-моряка при молельѣ о дождѣ для земли алчущей.

Алымовъ служилъ въ какомъ-то полку и вышелъ въ отставку по какой-то «исторіи». Это, должно-быть, имѣло общественное значеніе, потому что при всякомъ случаѣ, когда мои родители знакомили съ кѣмъ-нибудь майора Алымова, то непременно къ громко произнесенной рекомендаціи его прибавляли потише, что онъ «вышелъ по исторіи». Майоръ былъ холостъ и постоянно «лыталъ и судьбы пыталъ» или, проще сказать — искалъ выгодныхъ невѣстъ для законнаго брака, а до устройства себѣ искомаго семейнаго положенія онъ жилъ одинъ въ своей небольшой деревушкѣ, гдѣ у него былъ очень скромный домикъ, въ пять комнатъ, и вся усадьба, устроенная его матерью «по-однопворчески», а не по-дворянски. То-есть, домикъ у Алымова былъ построенъ однимъ фасадомъ въ садъ, гдѣ не было никакихъ иныхъ деревьевъ, кромѣ фруктовыхъ, а всѣми другими тремя сторонами этотъ домикъ выходилъ во дворъ, обнесенный всѣми хозяйственными службами, — закутами, сараями, амбарами и амбарушками.

Такой способъ постройки въ нашихъ мѣстахъ назывался «въ кольцо» и имѣлъ ту выгоду, что и люди, и животныя — всѣ были у хозяина передъ глазами; но зато кромѣ ихъ уже ничего другого видно не было.

Отъ этого на такихъ усадьбахъ не ходилъ вѣтеръ, — тепло, хозяйственно и очень скучно.

Алымовъ, по выходѣ въ отставку, уже нѣсколько лѣтъ сидѣлъ на этой усадьбѣ и велъ свое небольшое хозяйство аккуратно, почему у него было довольно всего, что только нужно въ его положеніи домовитаго холостого помѣщика и «женишка». А женишокъ этотъ, по памяти моему мнѣ опредѣленію моей няньки, былъ притомъ человекъ «довольно будто простенькій, но и довольно будто хитренькій». Онъ, напримѣръ, не подражалъ большинству помѣщиковъ, которые бывали часто очень требовательны къ своимъ людямъ и за всякую неисполнительность наказывали ихъ сурово и даже жестоко. Алымовъ хотѣлъ быть «добрымъ баринкомъ»;

Прибыли на дворъ, выпрягли лошадей и оставили рожь на саякахъ, ссыпать было поздно.

А когда пришли ссыпать на другой день, то увидали нѣчто необыкновенное: господицъ ихъ захотѣлъ Божье зерно все перепортить.

Алымовъ начиталъ въ «Трудахъ Экономическаго Общества» что-то необыкновенное о «навозной жижѣ», въ которой рекомендовалось мочить сѣмена и потомъ ихъ высушить, и отъ посѣва такихъ сѣмянъ урожай бываетъ отмынный.

«Шнишмора» сейчасъ же устроилъ у себя на скотной избѣ ящикъ, величиною въ два большихъ корыта, — навелъ тамъ жижицы на мѣшаномъ конскомъ и иномъ пометѣ и велѣлъ въ немъ «зерно макать да просушивать», и тогда только въ амбаръ ссыпать.

Загбѣ эта мужикамъ очень не понравилась и показалась глупою, а оттого и руки у нихъ не поднимались, чтобы «добро не знамо въ чемъ мочить»; но дѣлать было нечего — власть господская выше, и мужики своему «шнишморѣ» повиновались, все помочили, обсушили и ссыпали, — амбаръ заперли и ключъ ему принесли и у самыхъ образовъ на стѣнку повѣсили. А «шнишмора» сейчасъ же опять велѣлъ заложить свою тройку въ сани, взять казачка Валетку и собаку «Интенданта» и поѣхалъ свататься на цѣлую зиму. И выѣздъ этотъ онъ производилъ съ повсемѣстнымъ успехомъ, которому очень помогала его «продувная штука», «какъ онъ оплѣлъ мужиковъ».

Оплѣтаніе же заключалось въ томъ, что яровая рожь, припасенная на сѣмя, была «припоганена» посредствомъ замачиванія ея въ навозной жижѣ, и что теперь за эту рожь уже бояться нечего, такъ какъ мужики ее, «поганую» отъ мочки въ навозѣ, на снѣдь уже не украдутъ.

— А что же они зимой будутъ ѣсть? — спрашивали майора.

— Сдѣлайте вашу милость! — отвѣчалъ Алымовъ: — объ нихъ, пожалуйста, не беспокойтесь! Они свое дѣло знаютъ. Но я ихъ, впрочемъ, такъ не оставляю: я имъ сказалъ: «Братцы! вѣдь это всего только до весны... вы до весны какъ-нибудь перебейтесь!» Они, не беспокойтесь: они перебьются!

И всѣмъ это казалось очень забавнымъ: люди съ воображеніемъ представляли себѣ — какъ тамъ у него мужики при-

дутъ къ амбару, гдѣ ссылана рожь, маканная въ навозной жижи, и понюхаютъ они, чѣмъ пахнетъ, и увидятъ, что рожь есть, а феть ее чельзя.. Вотъ и смѣхъ! Не правда ли?—вотъ они и пойдутъ прочь и «какъ-нибудь перебыются».

Этого человѣка не презирали и не порицали, а напротивъ находили его шимморскій поступокъ очень забавнымъ. и продолжали всюду принимать Алымова и кормить его. Но мы теперь оставимъ майора путешествовать изъ дома въ домъ, а сами посмотримъ, какъ обходились и что выдумывали тѣ, кому было предоставлено: «какъ-нибудь перебиваться».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Передъ Рождествомъ Христовымъ прошла молва, что началось людоѣдство. Извѣстно, что и въ 1892 году въ деревняхъ объ этомъ пробовали говорить; но теперь писари и старшины читаютъ газеты и знаютъ, что о такихъ событіяхъ пишется, а потому ложь скоро опровергается; но тогда было другое дѣло. Пришелъ кто-то откуда-то и сталъ сказывать, будто бы съ отчаянія и съ голоду люди убиваютъ другихъ людей и варятъ ихъ въ золотыхъ корчагахъ и съѣдаютъ. По преимуществу такія продѣлки приписывали матерямъ, которыя будто бы дѣлали это изъ состраданія. Глядять-глядить, будто бы, мать на своихъ дѣтей, какъ они мучатся голодомъ, и заманить къ себѣ чьего-нибудь чужого ребенка, и зарѣжетъ его, и сваритъ, и накормитъ своихъ дѣтей «убоиною». Указывали даже очень недалекія селенія, гдѣ, будто, навѣрное совершились всѣ такія происшествія, и описывали подробности этихъ случаевъ. Такъ, въ одномъ селѣ, которое было отъ насъ въ десяти верстахъ, одна баба, будто бы, долго терзалась, глядица томленіе умирающихъ отъ голода четырехъ дѣтей, да и говорить имъ съ вечера въ потемочкахъ (огни въ деревняхъ тогда многіе по бѣдности «не свѣтили»):

— Спите, дѣтки мои, голубяточки, и если вы спать будете, то я вамъ завтра сварю убоинки.

Старшая изъ дѣтей этой бабы уже понимала нужду своего бѣднаго житія и говорить:

— Гдѣ же ты, мамка, возьмешь намъ убоинки?

А мать отвѣчаетъ:

— Это не ваше дѣло: вы уже только засните, а я побѣгу либо у кого-нибудь выпрошу, либо впотьмахъ у волка вырву.

Дѣвочка и раздумалась о томъ, какъ мать будетъ впотьмахъ у волка изъ зубовъ мисо вырывать, и говорить:

— Страшно, мамушка!

А баба отвѣчаетъ:

— Ничего не страшно: спите! Вотъ какъ вы не спите да голосите, такъ мнѣ это гораздо страшнѣе!

А было это какъ разъ въ сочельникъ.

Дѣти же у бабы были погодочки—всѣ малъ-мала-меньше: старшей дѣвочки исполнилось только пять лѣтъ, а остальные всѣ меньше, и самый младшій мальчишка былъ у нея у груди. Этотъ ужъ едва жить — такъ онъ извелся, тянувши напрасно изсохшую материну грудь, въ которой отъ голода совсѣмъ и молока не было. Очевидно, что грудной ребенокъ неминуемо долженъ былъ скоро умереть голодною смертию, и вотъ на него-то мать и возымѣла ужасное намѣреніе, о которомъ я передамъ такъ, какъ о немъ разсказывали въ самомъ народѣ.

Какъ только баба обманомъ уговонила дѣтей и ея старшіе ребятишки уснули съ голоднымъ брюхомъ, она взяла своего грудного мальчика, дрожавшаго въ ветонкахъ, положила его къ себѣ на колѣни и дала ему въ ротикъ грудь, а возлѣ себя положила на столъ хлѣбный ножики. Изнуренный ребенокъ, несмотря на свою усталость, взялся за грудь, но какъ молока въ груди не было, то онъ только зацелкалъ губенками и сейчасъ же опять оторвался и зашипалъ... Тогда мать пощекотала у него пальцемъ подъ шейкой, чтобы онъ поднялъ головку, а другою взяла ножъ и перерѣзала ему горло.

Убивъ дитя, она, будто, сейчасъ же положила его въ печь, а потомъ разняла на части, посовала въ горшокъ и поставила въ печку, чтобы мясо сварилось, а «утробку» на загіткѣ въ золѣ сожгла, и печи и столъ вымыла, и тогда побудила старшую дѣвочку и сказала ей:

— Вотъ тутъ въ печи стоитъ горшокъ—варится... Въ немъ, гляди, дѣла вась полно убонины... достаньте его и все мясушко съѣшьте, ничего не оставляйте. Слышите ли?

Дѣвочка говорить:

— Мамунка рѣдная! ты зачѣмъ же одна въ кусочки пойдешь, когда у насъ убойника варена! Съѣшь убойники!

Но мать только побѣднѣла и руками замахала:

— Иѣтъ,—говорить.—я не хочу—вы одни ѣшьте!—и съ этимъ толкнула дверь ногой и ушла.

А дѣвочка сейчасъ же высунула емками горшокъ изъ печи, перебудила своихъ младшихъ, съѣли за столъ и начали ѣсть.

И всего своего братца они съѣли бы безъ остаточка, но только кому-то изъ нихъ къ концу стола попалась нераскинувшаяся въ кипяткѣ ручка или ножка ребѣака, и они по этой ножкѣ или ручкѣ узнали, что ѣдятъ «человѣчину»...

Тутъ они бросились бѣжать вонъ изъ избы, но только что отворили дверь, какъ смотреть—мать ихъ въ сѣнцахъ виситъ удавившись, подѣвивъ веревку за рѣшетину въ снятой крышѣ.

Въ другомъ же селѣ вышло будто дѣло еще страшнѣе: тамъ будто бы «внучки съѣли свою бабушку».

Обѣ эти новости принесли въ деревню и рассказывали всѣмъ на удивленіе и на страхъ сухорукій Ефимъ, у котораго было особенное, очень пріятное положеніе. Его называли «прощеники», потому что онъ когда-то, еще при прежнихъ господахъ, сдѣлалъ очень большой грѣхъ: укралъ и одинъ, ни съ кѣмъ не подѣляясь, съѣлъ цѣлый артосъ, и за это онъ былъ три года скорченъ, но потомъ госпожа ѣздила куда-то къ свитынѣ и возила этого Ефима съ собою, и онъ тамъ исцѣлился. «Богъ его простить»: корча отъ него была отнята, но для памяти о его грѣхѣ у него рука усохла, такъ что работать ему было невозможно. Съ тѣхъ поръ Ефимъ не жилъ осѣдло, а все ходилъ по святымъ мѣстамъ, «молился и презвицалъ». Ефимъ былъ мастеръ рассказывать, но въ основѣ его рассказовъ часто бывало много вздора и вралъ онъ, ничѣмъ не стѣсняясь, какъ будто ему и не было прощенья. Точно такъ же онъ навралъ и о сваренномъ ребенкѣ, и о старухѣ, которую съѣли внучки. Но навралъ онъ не все отъ своего ума, а взялъ нѣчто и отъ другихъ людей, среди которыхъ оба эти рассказа сложились эпически, и въ основу ихъ фабулы легли нѣкоторые дѣйствительныя происшествія, которыя въ ихъ натуральной простотѣ были гораздо болѣе ужасны, чѣмъ весь приведенный вымыселъ съ Ефимовой раскраской.

Дѣвочки ладили между собою, несмотря на то, что рѣзкая, приходя къ тихой, не давала ей покоя и не разъ се забивала; но это все было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что она одинъ разъ устроила.

Однажды, въ холодный и солнечный день, утромъ, когда обѣ дѣвочки встали,—хвораая хозяйка начала набивать хворостомъ печь, а озорница убѣжала «свою избу провѣдать» и долго не возвращалась; но потомъ хвораая слышитъ, что кто-то отворилъ дверь, которая вела съ надворья къ сѣни, и сейчасъ же въ сѣняхъ послышалось блеяніе ягненка.

Немошная дѣвочка удивилась, потому что во всеи ихъ концѣ деревни давно уже ни ноги овечьей въ живыхъ не осталось, и ягненку взятъ было неоткуда. Уцѣлѣло же нѣсколько овецъ только у двухъ «богатѣевъ», но это было въ дворахъ на противоположномъ концѣ деревни. Оттуда сюда забѣгать ягненку было далеко, да и незачѣмъ.

Но, однако, большой ясно было, что у нея въ сѣняхъ есть ягненокъ, и что онъ пришелъ туда не своею охотою, а его кто-то тащитъ и въ то же время запираетъ за собою дверь съ надворья.

Больная стоитъ у печи и смотритъ на дверь, а дверь вдругъ распахнулась и съ клубомъ холоднаго облака врывается въ избу сосѣдняя озорница, а передъ собою толкаетъ маленькаго черненькаго ягненочка.

Больная спросила ее.

— Чей это баранчикъ?

А озорница ей отвѣчаетъ:

— Развѣ не видишь, что мой!?

— Нѣтъ, исправди чей?

— Да вотъ исправди и есть, что мой.

— Чего ты врешь!

— Ничего не вру: въ моихъ рукахъ, такъ, стало-быть, мой. Давай мнѣ, дѣвушка, поскорѣй ножъ—я его зарѣжу!

Та удивилась.

— Что ты,—говорить,—выдумала!.. Уйди ты!

— Ну, какъ же, такъ я сейчасъ и ушла!—подразнила озорница, и добавила:—Мы эту барашку сейчасъ обдеремъ и съедемъ, и ѣсть будемъ.

А сама увидала въ эту минуту на столѣ хлѣбный ножъ, схватила его, зажала барашка въ колѣни и перерѣзала ему горло.

Хворад было-бросѣлась, чтобы отнять барашка, да уже поздно было: барашекъ тренетать и фыркать кровью.

Дѣвочки побраились, и хозяйка хотѣла выгнать гостью вонъ изъ избы вмѣстѣ съ зарѣзаннымъ ягненкомъ; но озорница ея не послушалась и не пошла вонъ, а схватила изъ-подъ лавки рогожу и хотѣла закрыть ею окно, чтобы никто случайно не заглянулъ въ это окно и не увидать, что тутъ дѣлается; но едва она зацѣпила на веретено одинъ уголь рогожи, какъ замѣтила, что къ окну снаружи прильнуло дѣтское лицо въ огромной шапкѣ, и шенелявый полудѣтскій голосъ проговорилъ:

— А я все видѣлъ, что вы, сибирныя, сдѣлали!

Робкая хозяйка такъ и замерла, а бойкая виновница всего происшествія дала ей знакъ, чтобы она молчала, а сама закричала на говорившаго:

— Анъ, врешь, ты ничего и не видѣлъ!

— А вотъ же, убей меня Богъ, видѣлъ! — отвѣчалъ мальчикъ, въ которомъ обѣ дѣвочки теперь могли узнать картаваго хозяйскаго сына изъ того самаго двора, чьего ягненка озорница заклала.

— Ну, а если видѣлъ — такъ скажи: что же ты видѣлъ? — переговаривалась она, продолжая держать противъ окна рогожу.

— Я видѣлъ, что вы нашего ягненка зарѣзали, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, вотъ ты и врешь!

— Нѣтъ, видѣлъ... я сейчасъ побѣгу и титькѣ скажу.

Тутъ озорница не стала больше спорить, а перемѣнила топъ:

— Нѣтъ, ты слушай... ты, хорошій мальчикъ, этого пустаго не сказывай!

— Анъ, скажу... Зачѣмъ вы зарѣзали?

— Да на посмотри, — барашекъ живъ еще.

— Не ври, не ври! Я видѣлъ, какъ ты на него верхомъ сѣла, да по горлу его полоснула!..

— Ну, а вотъ поди же, посмотри, — онъ живъ.

— А зачѣмъ онъ не кричитъ?

— А зачѣмъ ему кричать, когда ему хорошо. Бяшка! бяшка! Инъ, смотри... хвостикомъ махаетъ! Поди посмотри, какъ ему хорошо, — тебѣ и самому такъ захочется.

Мальчикъ хотѣлъ посмотреть въ окно, но дѣвочка не отвела рогожи, а упорно звала его въ избу.

— Поди,—говорила она:—поди сюда въ избу... Ишь ты, какой молодчик! И чья это только на тебѣ такая шанка ухастая?

— Шанка дѣдкина.

— То-то, ты ишь ней... какъ кунецъ пригожій. Она у тебя, гляди, въ середкѣ-то еще, должно-быть, пуховая?

— Съ перьями.

— То-то я и вижу, что изъ нея изъ середки перо куриное лѣзетъ... Поди, я тебѣ эту дырку въ шанкѣ иглой зашью.

— Не надобно.

— Отчего жъ такъ не надобно? Иди, дурачокъ,—я зашью.

— Свои бабы зашьютъ.

Дѣвчонка бойко его передразнила:

— «Свои бабы зашьютъ»... Легко ли радость какая въ своихъ бабахъ! Къ намъ иди—у насъ лучше.

— Не надобно.

— Зарядилъ одно: «не надобно»! Иди, говорю тебѣ,—увидишь, что надобно будетъ.

Мальчикъ сталъ водить по снѣгу хворостиною и, заманиаясь, повторилъ:

— А что будетъ?

— Хорошо поиграемъ съ тобою... Иди скорѣе!

Мальчикъ еще больше заколебался и глухо протинулъ:

— Не надо было барана рѣзать... Зачѣмъ зарѣзала?

— Да полно тебѣ все про одно, дуракъ!.. Иди... я за тебя замужъ выйду, а она будетъ свахою, а потомъ я тебя на ней женю... Иди... хорошо поиграемся.

Маленькая сирена восторжествовала, и еще меньшій сатиръ, въ дѣдкиной шанкѣ на куриномъ перѣ, будто нѣхотя, поползъ въ двери избы, куда его поманили на обѣщанныя забавы, а чуть только онъ отворилъ дверь и перелѣзъ черезъ порогъ въ дѣдкиномъ треухѣ и съ огромною хворостиною, озорная дѣвчонка сейчасъ же схватила его за руку и говорить:

— Па-ка, игрунокъ, смотри-ка, гдѣ вашъ ягиснокъ-то!

— А гдѣ же онъ?

— Вонъ, вонъ, гляди, онъ сигаетъ вверху на полочкѣ!

Мальчикъ этотъ былъ моложе обѣихъ дѣвочекъ, — ему всего было лѣтъ десять, но онъ понималъ, что барашекъ не птица и что ему на полицѣ быть не пристало; однако, мальчикъ поднять вверхъ голову, а дѣвчонка въ ту же се-

кунду нахлобучила ему шапку до подбородка, воткнула ему въ горло ножикъ и толкнула его колѣномъ въ спину такъ сильно, что онъ упалъ ницъ, и ножикъ еще глубже воцѣлился въ его горло.

Мальчикъ лежалъ ницъ, замирая въ тихихъ, но сильныхъ содроганіяхъ и захлебываясь собственной горячею кровью, которая лилась изъ раны прямо въ шапку и, наполняя ее, быстро задушила его черезъ ротъ и ноздри. Онъ не вскрикнулъ и даже не подалъ стона, и можно сказать — былъ убитъ мастерски, да и самъ себя велъ молодецки: приди сюда поиграть въ мужья, онъ въ самомъ дѣлѣ велъ себя мужественно — не плакалъ и не жаловался на женское предательство, а лежалъ какъ жертва коварства и любви, распластавъ руки въ-размѣтъ въ разныя стороны и не выпуская изъ крѣпко сжатой ладони орѣховой хворостины.

Какъ шелъ на свиданіе, такъ и умеръ во всей своей пышной представительности.

Больная дѣвочка, увидя такое происшествіе, заголосила и хотѣла выбѣжать изъ избы, но гостыя погрозила и ей пожомъ и сказала:

— Чего ты боишься?.. Онъ самъ наткнулся. Хотѣлъ играть — вотъ и поигралъ... Слушай меня, а то и тебѣ то же будетъ. Пихай больше хворосту въ печь... Мы этого мальчѣнку сождемъ — и знать ничего не будутъ, а баранка спечемъ и поѣдимъ убойны.

Больная дѣвочка, дрожа отъ страха, стала исполнять распоряженія своей гостыи: онъ съ очень большимъ трудомъ зашихали убитаго мальчика въ печь, потому что растопыренныя руки ребенка и хворостина, которую дѣвочки никакъ не могли вырвать изъ оконченнѣйшей руки, давали мальчику самооборону; онъ растопырился въ самомъ устьѣ печи и не хотѣлъ дѣвѣтъ, такъ что съ нимъ съ мертвымъ пришлось бороться и драться. Только послѣ многихъ трудовъ и усилій его, наконецъ, одолѣли и проишхали въ печь, и завалили его хворостомъ, и зажгли этотъ хворостъ, а потому принялись сѣвжевать барана; но дѣло это тоже пришлось имъ не по силамъ.

Чтобы снять кожу съ убитаго животного, для этого нужно известное умѣнье, котораго у дѣвочекъ не было, и притомъ онѣ сдѣлали упуценіе, давъ трупу баранка закоченѣтъ, послѣ чего освѣжевать его стало еще труднѣе. А потому

онѣ все перепортили и бросили, а откромсали кое-какъ, вмѣстѣ со инкурою, одну ляжку и припились ее печь безъ всякой приправы и въ той же самой печи, гдѣ теперь сожигался убитый мальчикъ.

Мальчикъ горѣлъ закинутый въ печь подальше, а баранья ляжка неслась въ той же печи, только поближе къ устью, и у загибки стояла робкая дѣвочка-хозяйка, подбивая къ огню хворостъ, а озорная гостыя убирала хату, т.-е. засыпала соромъ и золою кровь, пролитую на земляной полъ, и металась, не зная куда сбить съ глазъ долой выпущенную изъ барана утробу.

Въ концѣ она рѣшила закопать ее подъ лавкою, и пригласилась за это дѣло.

Простота всѣхъ побужденій и пріемовъ этого двойного и прогрессивно восходившаго преступленія двухъ малолѣтнихъ была изумительна! Обѣ дѣвочки убивали и прятали слѣды своего преступленія чисто по-дѣтски, — точно будто играючи... И пока на дворѣ былъ свѣтъ, онѣ чувствовали себя бодро; но когда короткій зимній день померкнутъ, на нихъ тотчасъ же напалъ страхъ, и онѣ стали соображать, что печку нора бы закрыть и избу «укутать», но этого нельзя было сдѣлать, потому что мальчикъ еще далеко не сгорѣлъ, и казалось, что онъ будто даже и не горитъ, а словно онъ еще живъ, и въ пылавшемъ хворостѣ «бжится». Дѣвочки старались избавиться отъ него какъ можно скорѣе и спѣшили набивать въ печь новаго топлива, и не замѣтили, какъ сожгли весь бывший у нихъ запасъ хвороста, и печь угрожала потухнуть; а между тѣмъ въ домѣ, гдѣ пропали баранчикъ и мальчикъ, къ ночи хватились того и другого и начали ихъ искать по дворамъ, при чемъ исканіе пришлось и въ избу, гдѣ были дѣвочки, и преступленіе ихъ было открыто: убитаго мальчика отыскали «по гарю», т.-е. по пригорѣлому запаху изъ печи.

Барашекъ былъ еще цѣлъ подъ лавкою, а въ печи подъ пепломъ нашли обгорѣлое туловище ребенка, отъ котораго даже не отпали ни голова, ни оконечности. Дѣвочки во всемъ признались и были отправлены въ острогъ, а изъ того, что онѣ сдѣлали, посредствомъ пересказа изъ устъ въ уста, составила та басня, которую принесъ къ намъ въ деревню исцѣленный Ефимка.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Другой изъ рассказовъ Ефимки о томъ, будто «внучки живую бабуку съѣли», имѣлъ въ основѣ своей иное, трогательное происшествіе: въ вольномъ селѣ Мотылихъ доживала вѣкъ одинокая старушка, которая много лѣтъ провела въ господскихъ и кунеческихъ домахъ, въ нянюшкахъ, и «нажила капиталъ» — цѣлую тысячу рублей ассигнаціями (т. е. на нынѣшнія деньги около 280 руб.).

Подъ старость ей стало тяжело нянчить хозяйскихъ дѣтей, и она захотѣла уйти «на покой», для чего и рѣшила уѣхать изъ города въ то село, откуда была родомъ, и гдѣ у нея оставались еще какіе-то родственники.

Опытные люди отговаривали ее отъ этого: они представляли ей давно извѣстную опасность, — что тѣмъ, кто жизнь прожилъ въ городѣ, въ старыхъ лѣтахъ возвращаться въ село не безопасно. Про такого человѣка сейчасъ прославятъ, что онъ богатъ или она «богатѣя», и тогда, того и гляди, что кто-нибудь изъ родныхъ «соскучится дожидаться» и «приспѣшитъ смерти»; но старуху предупреждали напрасно — она этого дѣльнаго предостереженія не послушалась.

— Легкое ли дѣло, что у меня за богатство! — рассуждала она. — Мѣстечко у міра выпрошу, сколько-нибудь денегъ на вино для старичковъ испую, а потомъ избенку себѣ поставлю, да коровенку куплю, — вотъ всего ничего у меня и останется на овсяный кисель да на словую домовину... За что меня и убить-то?.. И грѣха взять не стѣбитъ!

Такъ она и съѣхала изъ Орла, отъ своихъ почтенныхъ купцовъ, на деревню, пропояла старичкамъ три ведерка вина, получила мѣсто для хаты, построила избу, завела коровенку и стала жить.

Старушка была хорошая и добрая; она привѣчала всѣхъ и давала отъ своей коровки молочка безкоровнымъ ребятишкамъ, а особенно ласкала дочерей своей племянницы, ихъ которыхъ одна, самая младшая, была ее любимницею.

Эту дѣвочку старушка совсѣмъ забрала къ себѣ жить и обѣщала отказать ей по смерти своей и избу, и корову, и «все богатѣйство».

А сколько было того «всего богатѣйства», — то было не считано и «не смѣтно».

Когда настала голодный годъ, къ старушкѣ стало при-

ходить такъ много ребятишекъ, что она не могла уже всѣмъ имъ дать молока отъ своей коровы. Трѣмъ-четыремъ дать, а больше и нѣтъ, — и самой похлебать ничего не оставалось. Не привыкла старушка отказывать, да дѣлать нечего — поневолѣ отказываетъ, и бѣдные ребятишки отходятъ съ пустыми плѣшками... А такіе они все жалкіе, иснитые, даже и не плачутъ, а только глядятъ жадно... Думать о нихъ больно. И не знаетъ старушка, какъ ей быть и какъ между всѣми молочко дѣлить...

Но вдругъ все это ей затрудненіе сразу кончилось: въ одну изъ темныхъ зимнихъ ночей, передъ праздникомъ, кто-то увелъ изъ сѣной ея корову, и слѣды ея на улицѣ съ другими такими же слѣдами попутались, и стало негдѣ искать коровы.

Старуха не согласилась и явку подавать, — сказала:

— Боюсь я, не покленать бы невиннаго!

Говорили ей, будто коровка ея по частямъ разнята и солится въ корчагахъ на большой дорогѣ у постоялаго двора, но старуха таки-выдержала себя — не жаловалась.

Щуяли ее и племянники, и погѣ при встрѣчѣ ей выговаривали, что нехорошо не заявлять, — что «кто вору по-такаетъ, тотъ самъ если и не тать, то на ту же стать»; но старушка все отвела тѣмъ, что «Богъ все знаетъ, — а она не письменная!»

Теперь она осталась при одномъ киселѣ и не уставала киселемъ дѣлаться, но и это по тогдашней всеобщей нуждѣ много значило, и стало это безпокойствѣ старушкину племянницу.

— Кормить-де она мою дѣвочку и общала ей отказать избу и корову, а вотъ коровы уже и нѣтути. Того гляди, то же самое выйдетъ и со всѣмъ ея богатствомъ. Все она истравитъ на чужихъ ребятъ, а тогда мнѣ съ моими дѣтьми ужъ ничего и не останется... Лучше бы она, старушка, сдѣлала, если бы теперь носкорѣй померла!.. Чего ей?.. Вѣдь ужъ пожила! А то все будетъ жить да раздавать, и раздастъ все такъ, что послѣ, какъ помретъ, то и попу за похороны дать будетъ нечего, — еще съ нею съ мертвою-то тогда и заплачешься.

И стала племянничка о своей теткѣ все больше печалиться и даже начала говорить ей:

есть, и того не доѣмъ, а Онъ и по мою по душу пошлетъ,— вотъ ничего думать тогда и не стѣитъ.

— Это хорошо, бабушка, какъ помрешь!

— А то что жь!.. И то и говорю... Богъ съ милостью! Онъ создаетъ хорошо: помру, и ничего мнѣ не надобно!

— А если какъ все изведешь да не помрешь?

— Ну, такъ что жь такое: я тогда себѣ средство найду.

— А какое же теперь средство, когда изъ всякаго двора всѣ сами въ поборъ тронулись, и не знать, у кого можно корку выпросить.

— Ну, это такъ только въ деревняхъ въ одиѣхъ... издыхаютъ-то!.. да!.. въ деревняхъ въ одиѣхъ... А въ городахъ-то, касатка, не такъ... тамъ хлѣбъ-то есть у купцовъ... Тамъ принашено у купцовъ-то... всего... гляди-ко сколько!..

— Что жь ты, въ городъ, что ли, хочешь?

— А что жь! въ городъ сойду... Къ хозяевамъ-то къ старымъ приду, да и попрошусь на кухнѣ жить... Пустятъ!.. Неужли-таки выгонять?! Чай, не выгонять... Проживу, пока надобно.

— То-то,—отвѣчаетъ солдатка:—вотъ оттого ты такая и щедрая, что тебѣ хорошо.

— Да,—говоритъ старуха:—мнѣ, касатка, всю жизнь мою все жилось хорошо. И не щедрая, а... хорошо мнѣ.

— А намъ-то вотъ худо, а не хорошо.

— Потеряѣтъ надо, касатушка! Нонче всѣ терять... Голодный годъ настать!

— Поди-ко ребята-то воютъ, такъ не утерпишь... и самому ѣсть хочется... въ животѣ какъ веретеномъ сучить... Намъ хуже собакъ... тѣ надо лопаютъ, да еще насъ за лытки рвутъ... Вонъ меня искусили всю!

— Надо съ палочкой.

Тутъ истерѣливая племянница на тетку и осердилась, что та все ей совѣты даетъ, когда той такъ горько жить!

— Перестань,—говоритъ,—ты мнѣ тоску отводить; черезъ эти твои слова еще хуже мнѣ; вѣдь у насъ знакомыхъ купцовъ нѣтъ, намъ идти не къ кому, а ты вонъ еще мою дѣвчонку всю избаловала.

— Ну, зачѣмъ пустое говорить: чѣмъ я ее избаловала?

— Какъ же чѣмъ?.. все ее чистымъ хлѣбомъ кормила и побираться не пустила!

— Что-жь, гдѣ ей побираться, когда она махонькая!..

А ты ее отпусти со мной: я и ее съ собой въ городъ сведу... у меня есть тамъ хозяева добрые... мои выняпчеченные; они велятъ намъ съ ней и вдвоемъ жить... будемъ вдвоемъ садиться съ прислугами.

— А другія-то мои дѣтушки мнѣ, думаешь, развѣ по жалобнѣ?—говоритъ солдатка.

Тутъ старушка и задумалась.

— Другія! — говоритъ: — Да... вотъ то-то и есть... Еще и другія есть!

Развела руки и опять задумалась, и стала сама къ себѣ втишь приговаривать:

— Охъ, охъ-охъ-охъ!.. Одни да и другія есть... да и много ихъ... Вотъ и горюшко! А что сдѣлать-то?

А солдатка, не долго думая, отвѣчаетъ ей:

— А ты не знаешь, баушка, что сдѣлать?

— Не знаю, касатышка.

— Вотъ то-то и оно.

— А ты развѣ знаешь что-нибудь?

— Я знаю.

— Такъ ты скажи.

Солдатка задумалась, словъ у нея не находилось для выраженія того, что она придумала.

И старушка молчитъ.

Тягостно-тягостно стало въ темной избѣ, какъ будто сатана вздохнулъ.

Старушка вздохнула и сказала:

— Встань-ка, касатка, подойди къ печкѣ, вздуй огня.

А племянница ей грубо отвѣтила:

— А на что тебѣ огонь,—вовсе не надобно.

— Какъ же не надобно... темно советѣмъ.

— Ну, такъ что жъ, что темно?... Ночче... всѣ безъ стня...

Ложися спать, баушка!

— Да зачѣмъ же такъ... внотьмахъ... Надо стать Богу помолиться.

— Ну, и помолись, баушка.

Та не поняла или не разслышала и переспросила:

— Что, матушка?

— Помолись, говорю, баушка.

— Да что ты меня торонишь — придетъ часъ, такъ и помолюсь.

— Нѣтъ, баушка, часъ ужъ пришелъ—скорѣй молись.

— Да что ты пристава!.. Я стану ложиться спать—помолюсь... Ступай-ка домой, а ко мнѣ дѣвку ночевать пошлай, мы съ нею станемъ ложиться спать и помолимся.

Тогда солдатка видитъ, что бабушка безтолкова, и потому ей еще менѣе причины оставаться въ живыхъ, и сказала ей на чистоту:

— Нѣтъ, ты къ себѣ мою дѣвку не жди, она не придетъ.

— Отчего не придетъ?

— А оттого, бабушка, что къ тебѣ твой конецъ пришелъ. Если не хочешь молиться—такъ и такъ будь тебѣ легкая смѣртушка.

Старуха стала приподниматься и спросила:

— Что?..

— Прощай, бабушка!—Солдатка вскрикнула, обняла старуху, поцѣловала ее и сказала:

— Теперь помирай!

— Что ты это... я не хочу!—и старушка бессильно замахала руками.

— Нѣтъ, ужь все одно... помирай!

И съ этими словами солдатка опрокинула «бауныку» на ее же кровать, накрыла ей лицо подушкой, да надавила своей грудью полегонечку, но потомъ сама вдругъ громко вскрикнула и начала тискать старуху безъ милосердія, а руками ее за руки держала. «чтобы трепетанія не было».

(Такъ это все съ большою подробностью сама солдатка рассказала при слѣдствіи).

«Бауныка» послѣ этого почилла скоро, а убійцею сейчасъ же былъ сдѣланъ въ имуществѣ убитой самый внимательный розыскъ; но «всѣхъ денегъ» у богачихи въ шерстяномъ нагленкѣ въ коробѣ найдено полтора рубля, и больше ничего у этой богачихи не было.

Въ этомъ и заключались ее «всѣ деньги», о которыхъ она съ обстоятельностью разсуждала за пару минутъ до определенной ей «легкой смѣртушки».

Но смѣртушка бауныки, какъ ни старалась ее облегчить добрая племянница, — все-таки, видно, трудновата припшлась ей.

Когда разсвѣло на другой день, солдатка взяла съ собою любимую внучку покойной и пошла вмѣстѣ съ нею навѣстить бабушку, и нашли ее, разумеется, мертвою, а лицо у

нея синее и руки въ пятнахъ, а глаза выпучены и языкъ наружу, длиннѣй Аллилуева.

Дѣвчонка какъ увидела это, такъ сейчасъ затряслася и замерла, а мать говорить ей «не своишь голосомъ»:

— Ничего не шкни... убью!.. Говори: гдѣ у нея были пожницы?

Дѣвчончка, дрожа, показала молча ручонкою на коробью, въ которую уже вчера еще лазила солдатка за деньгами.

Теперь она опять открыла эту коробью, въ которой было все перерыто, и перебросавъ еще больше лежавшія тамъ ветоши и тряпочки, нашла на днѣ коробки безручныя пожницы, которыми стригутъ овецъ, и, схвативъ ихъ въ дрожащія руки, подошла къ мертвой и отрѣзала у нея выдающійся концы языка; но отъ этого языкъ наружѣ какъ будто нимало не уменьшился, а только сталъ еще безобразнѣе.

Солдатка взглянула на свою работу, взяла за руку дѣвчонку и пошла къ сотекому, — вошла тихо, помолчалась на образъ и сказала:

— Вижь мнѣ руки!

— Что тебѣ, дура, поиритчилось, что ли? — спросилъ сотскій.

— Нѣтъ, вижь руки: я бабку убила.

— Врешь на себя!

— Нѣтъ, не вру. — отвѣчала солдатка и, сѣвши на лавку, раскрыла свою грудь и сказала: — На-ко-сь, глядите-ка — вотъ онѣ тыпочки... Это когда я ее вчера душисть стала, такъ она меня зубами за титьку тыгнула.

Тогда пошли и удостовѣрились, и увидали, что солдатка говорила правду, и связали ей руки, и увезли ее въ станъ, а оттуда — «куда дѣла требуютъ».

Черезъ годъ ее били кнутомъ въ Орлѣ на Ильинской площади. Она была еще молоденькая и очень хорошо сложенная. Ей дали пятнадцать ударовъ и растерзали ей до кости все бока и спину, но она не потеряла чувствъ и за каждымъ ударомъ вскрикивала: «Понапрасно страдаю!» А когда ее свили съ деревянной кобылы и она увидала на своей свиткѣ набросанныя мѣдныя деньги, то заплакала и сказала:

— Не надо мнѣ ничего, сошлите все въ деревню на церковь.

О дѣтяхъ своихъ она, можетъ-быть, позабыла.

И такихъ преступлений, поразительныхъ по несложности ихъ замысловъ и по простотѣ и холодности ихъ выполненія, было слышно очень много, и очень значительное число ихъ осталось неизслѣдованнымъ и даже неизвѣстнымъ далѣе своего околотка. Становые пристава за всемъ услѣдить не могли; «корреспондентовъ» тогда еще не водилось, а въ губернскихъ вѣдомостяхъ все новости состояли изъ распоряженій начальства о перемѣщеніи и увольненіи чиновниковъ и, въ видѣ особенно интересныхъ случаевъ, объ отдачѣ ихъ подъ судъ.

Особенно поразительна была холодность и какаля-то легкомысленная жестокость въ дѣйствіяхъ, затѣвавшихся съ голода. Въ сосѣдствѣ съ нами селѣ пастухъ Игнашка съ поднаскомъ, напимбръ, захотѣли «ѣсть убоину», и съ этой цѣлью сами, вдвоемъ, отлучили одну исправную тѣломъ овцу отъ стада и сволокли ее въ лѣсной оврагъ, чтобы тутъ зарѣзать и начать ее ѣсть; а на деревнѣ сказать, что ее волкъ съѣлъ. Но, спустясь въ оврагъ, они вздумали, что всей овцы имъ за одинъ день не съѣсть, а недоѣденное мясо прогукнетъ и пропадетъ даромъ. Тогда они порѣшили овцу не зарѣзывать, а связать ее и *отрѣзать* у нея у живой столько мяса, сколько имъ на день нужно, а остальная овца пусть лежитъ и дожидается. Они такъ и начали, — отрѣзали у живой овцы «четверть», съели ее и съѣли, а остальное оставили въ оврагѣ, — а сюда пришелъ въ самомъ дѣлѣ волкъ и прекратилъ терзательныя мученія овцы, и сволокъ и сожралъ ее всю безъ остатка, а пастухи, не найдя овцы на другой день, занодозрили другъ друга въ кражѣ, подрались и другъ друга выдали. Игнашку прозвали «живорѣзомъ».

Женскіи полъ, какъ замужніи, такъ и незамужніи, продавали свои труды ни по чемъ: въ услуги или на работу поденно охотно набивались «изъ-за прокорму», но и на этихъ условіяхъ въ деревняхъ мѣста нельзя было найти. Духовенство набрало себѣ бесплатныхъ батраковъ и батрачекъ, но только въ потребномъ числѣ, а предложеніе услугъ было безмѣрно. Цѣна же женскихъ издѣлій была невѣроятная: «конецъ холста» продавали за полтину мѣдью (7 аршинъ за 14 копѣекъ), «початокъ пряжи» — за мѣдную гривну (3 коп.), и фунтъ хлѣба стоилъ 3 коп. Покунали все это грабительскимъ образомъ торгашаи, которыхъ назы-

ваютъ «кошатниками» или «кошкодралами». Они покупаютъ копейку и тутъ же ихъ убиваютъ о колесную шину телеги или о головашку саней. Цѣна кошки черной и сѣрой — гривна, а нестрой — пятакъ мѣди. Этимъ же кошкодраламъ бабы и дѣвки тогда продавали «свою дѣвичью красу», т. е. свои волосы, и весьма часто свою женскую честь, цѣна на которую, за обиліемъ предложенія, пала до того, что женщины и дѣвочки, иногда самыя молоденькія, предлагали себя сами, безъ особой приплаты, «въ придачу къ кошке». Если кошатникъ не хотѣлъ брать дрянную кошку, то продавщица стонала: «купи, дяденька, хорошій мой: я къ тебѣ въ сумерки къ колодцу выйду». Но кошатники были этимъ добромъ изобильны, и не на всякую «придачу» льстились; они цинически рассказывали, что имъ теперь хорошо, потому что «кошка стоитъ грошъ *вместѣ съ хозяйкою*». Кошачья шкура была товаръ, а хозяйка — придачею. И этотъ взглядъ на женщину уже не обижалъ ее: обижаться было некогда; мученія голода были слишкомъ страшны. Съ этимъ же взглядомъ освоивались и подростки-дѣвочки, которыя отдавали себя въ такомъ возрастѣ, когда еще не переставали быть дѣтьми... Вообще крестьянскія женщины тогда продавали свою честь въ нашихъ мѣстахъ за всякую предложенную цѣну, начиная съ мѣдной гривны, но покупатели въ деревняхъ были рѣдки. Больше предприимчивыя и приглядныя бабы уходили въ города «къ колодцамъ». И у себя въ деревняхъ молодыя бабы выходили вечерами постоить у колодезь, — особенно у такихъ, на которые подворачиваютъ проѣздомъ напонтъ коней обратные ящики, прасолы или кошкодралы, и тутъ въ сѣрой мглѣ повторялось все то, что было и въ оны дни у колодца Лаванова. Здѣсь взаимно омрачала другъ друга и старость, и юность, и все это буквально за то, чтобы «не околѣть съ голода»... Не могу теперь ясно отвѣтить, почему сельскія женщины и въ городахъ мѣстами своихъ жертвоприношеній избирали «колодцы», у которыхъ онѣ и собирались, и стояли кучками съ сумерекъ. Можетъ-быть, въ другихъ пунктахъ ихъ прогоняли горожанки. Особенно въ этомъ отношеніи въ Орлѣ прославились крытые колодцы у Михаила Архангела и Плаутичь. Кромѣ того, множество женщинъ ютилось по пустымъ баркамъ, зазимовавшимъ во льду между Баннымъ мостомъ и мужскимъ монастыремъ и его слобод-

кою. Срамъ это былъ открытый, но его какъ-то не имѣняли въ преступленіе. Старшія семьянины не только отпускали молодыхъ на вѣдомое дѣло, но еще склоняли къ тому, говоря: «чего такъ-то сидѣть: надо сойти въ городъ у колодца *раздобыться*». А молодыхъ не нужно было много уговаривать: правила ихъ всегда были шатки, а голодъ — плохой другъ добродѣтели. Молодайки уходили, мало таясь въ томъ, на чтб онѣ надѣются, и бойкія изъ нихъ часто прямо говорили: «чѣмъ голодать — лучше срамъ принять». Когда онѣ возвращались отъ колодцевъ, ихъ не осмѣивали и не укоряли, а просто рассказывали: «такая-то пришла... въ городу у колодца стояла... разѣлась — стала гладкая!» *)

*) Чтобы имѣть ясное понятіе, какъ относились къ этому «міръ», стѣбѣ припомнить, какъ относились къ своему «стоянью» тѣ, кто претерпѣлъ его ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ. Когда и посѣтилъ родины мѣста года черезъ три послѣ благословеннаго дни «освобожденія», мнѣ привелось посѣтить съ однимъ изъ мировыхъ посредниковъ прекрасную сельскую больницу, въ которой «по усердію» трудилась въ черныхъ работахъ пожилая женщина. очень крупнаго роста, по имени Стеха. Она же ходила и на деревню «обмывать мертвыхъ», тоже не по нуждѣ и не за плату, а «по усердію». Ей было уже лѣтъ за нитидесять и она была сильна, велика и смахивала немножко на мужика. У нея на деревнѣ было свое хозяйство — дворъ, скотина, земля, дѣти и внуки, и даже, кажется, правнуки. Пользовалась она у всѣхъ почетомъ, — говорили о ней: «Стеха души не убьетъ, — Стеха не совретъ. — Стеха справедливая». И всѣ знали, что она «угождаетъ большимъ» и «покойниковъ» убирать только для Господа, а ей душа чиста, какъ стаканъ свѣтится». А эта самая Стеха, — несомнѣнно имѣвшая всѣ тѣ добрыя качества, которые ей приписывали, — рассказывала мнѣ о голодномъ годѣ при своей пожилой уже дочери и при взрослой дѣвушкѣ и внучкѣ, «ничего не прибавляючи и не отбавляючи», и въ этомъ рассказѣ прямо о всѣхъ своихъ свертницахъ и о себѣ говорила: «всѣхъ насъ, милый, всемъ бабенковъ молоденькихъ было, и всѣхъ насъ конкодраны у колодца уговорили: «поѣдете, говорятъ, мы васъ въ Орель свеземъ, тамъ у колодцевъ лучше здѣшняго». — «Мы всѣ, дуры, и поѣрили, и пошли, а хорошаго только и было, что прокормились; ну, да вѣдь тогда большаго грѣхъ было и спрашивать». О нравственной сторонѣ «инцидента» Стеха будто вовсе не думала, а когда я наклонилъ вопросъ въ эту сторону и побудилъ ее выразить свое мнѣніе, — она поконала веретенкомъ подъ головною повязкою и сказала: «Что говорить-то! Вѣдь голодная смерть страшнѣй сраму... Все же лучше было шкуру свою продать, чѣмъ душу».

А ужъ чтó она разумѣла подъ продажей души — этого я не знаю.

О достоинствѣ взглядовъ этой женщины и вообще не могу и не хочу судить, потому что боюсь какъ бы не согрѣшить передъ Стехой и другими ей подобными грѣшницами болѣе тяжело, чѣмъ вѣшать всѣхъ или согрѣшеніе передъ «Могущимъ спасти всѣхъ» (Лк. IV).

Кромѣ «гладкости» или сытости тѣла, ничто другое не принималось и въ соображеніе. Всѣ высшія цѣли бытія человѣческаго словно перестали существовать.

У насъ была молодая баба Калерка или Холерка (настоящее имя—Калерія). У нея была прегнусная свекровь, которая «ее сбила въ городъ», и она пошла «у колодцевъ стоять», но ей такъ не несчастливилось, что она ни добычи домой не принесла и сама не «послажѣла», а напротивъ «гниль стала» и сидѣла всеѣмъ на ужасъ въ погожіе дни на пыльной дорогѣ, *безъ языка*, издавая страшную вошь и пниѣніе вмѣсто крика... Ей бросали корки издали, какъ злой собакѣ, и отбѣгали, закрывая себѣ носъ. А сказу о ней было только, что она «въ голодный годъ у колодца стояла». Эта Холерка наконецъ задавила себя поясомъ.

О такихъ дѣлахъ, бывало, все «доводить господамъ», но больше только для новости и пріятнаго развлеченія,—какъ фельетоны.

Въ большемъ напряженіи чувства мы пережили рождественскіе праздники и, зайдя за Крещеньевъ день, стали чувствовать, что нашей унылости какъ будто брезкнется край. И почувствовалось это по весьма неважному и даже незначительному обстоятельству: отецъ спросилъ старосту:

— Что, Дементій, не слышать ли чего новаго?

А староста, который давно давалъ мрачно одинъ отрицательный отвѣтъ, на этотъ разъ отвѣчалъ:

— Да вотъ на Поновкѣ есть будто новость!

— А что тамъ такое случилось?

— Да вотъ Меркуль оттуда забѣжать и сказывалъ, что къ нимъ новый дячокъ присланъ.

— Это на Аллилуево мѣсто?

— Да, во его званіе... И еще не совсѣмъ придѣленъ, а только приукаженъ, для просмотра, отъ отца Инполита.

(Имя «Инполитъ» для крестьянскаго произношенія было трудно, и они находили удобіе приставлять И.).

Отецъ спросилъ:—хорошъ ли новый дячокъ?

А Дементій отвѣчаетъ:

— Ничего; Меркуль сказывалъ — свистулой постъ, по воше, по благословію надо полагать, что не важный.

— А почему?

— Да ужъ если не сразу придѣленъ, а на время приука-

женъ, для прісмотрѣнія должности, такъ стало-быть подъ владычнымъ сумлѣніемъ.

А черезъ нѣсколько дней тотъ же Дементій уже по собственному почину сообщать:

— Новый духовенный-то... я вамъ сказывалъ?

— Что же такое?

— Ничего не стоящій.

— Отчего?

— Совсѣмъ пустошлясь!

— Да отчего?.. Что значить пустошлясь?.. очень проворень, что ли?..

— Точно такъ. Пашкой звать.

— Отчего же ты его зовешь Пашкой, а не Павломъ?

— Не стоитъ онъ полнаго званія.

— Да чѣмъ же онъ такъ плохъ?

— Совсѣмъ никуда не годится.

Обстоятельство было не важное, а стало интересно, что за молодецъ къ намъ прибылъ «во мѣсто Аллилуя» и какое онъ займетъ у насъ «прідѣленіе»?

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Прибывшій «во мѣсто Аллилуя» Павлушка-дьякъ былъ оригиналь и всего менѣе человекъ «духовенный», — оттого онъ по свойствамъ своимъ такъ скоро и получилъ соответственное прозваніе «Пустошлясь». Онъ былъ столь бѣденъ, что казался бѣднѣ всѣхъ людей на свѣтѣ, и по словамъ мужиковъ—принесъ «не токма что голый, но ажно синій», и еще онъ привелъ съ собою мать, а въ рукахъ принесъ лубяной тузюкъ да гармонію, на которой игралъ такъ, что у всѣхъ, кто его слушалъ, — ноги сами поднимались въ плясъ.

Имущества у него не было никакого и денегъ ни гроша. Причтъ не зная, куда его дѣть, и помѣстили Павла и его мать въ тѣсной сторожевой избушкѣ, вмѣстѣ со сторожемъ.

Мѣстными дознаніями было открыто, что Павлушкина мать была когда-то дьячихою, а потомъ ходила въ городѣ по стиркамъ, а иногда просила милостыни. Павелъ былъ ею воспитанъ въ тяжелой долѣ и могъ бы, кажется, постичь жизнь, но не удался, — «все клонилъ къ легкомысленности» и за то былъ исключенъ изъ третьяго класса и долго болтался «безъ прідѣленія», и теперь онъ еще не былъ совсѣмъ

опредѣленъ «во мѣсто Аллилуя», а пока только былъ еще *временно пріукаженъ*, что выходило въ родѣ испытанія.

У насъ, впрочемъ, всѣ сразу стали увѣрять, что изъ этого пріукаженія ничего и не выйдетъ, потому что за очевидныя Пашкины малодушества отецъ Ишполить непременно «въ отзывѣ его опорочить».

Павлуша и въ самомъ дѣлѣ «не потрафлялъ»: онъ читалъ скверно, невнятно и «скорохватомъ», и все «поспѣшалъ на *лукаваго*». Начнетъ «Отче нашъ» и зачастить такъ, что ничего нельзя разобрать, пока придетъ «отъ *лукаваго*». Такъ же и «Иже на всякое время» и прочее— все онъ «читалъ безъ понятія», но пѣть могъ, только гораздо охотѣе пѣлъ свѣтское пѣніе, чѣмъ «духовное», и любилъ шутки строить надъ старшими.

На это сторожъ жаловался его матери, но та отвѣчала, что у него такой же былъ и отецъ, который былъ на хорошемъ мѣстѣ, а замутился и иронялъ безъ вѣсти— слѣдовательно Павлу ужъ нечего и думать, чтобъ удержаться.

Павлушина мать была стара и имѣла пляску св. Витта, отчего она дергала лицомъ и при каждомъ судорожномъ движеніи издавала звукъ «фит! фит!».

За это ее называли «Фантея».

О Павлушѣ скоро дошли до насъ вѣсти, что онъ очень веселый, и вслѣдъ затѣмъ мы очень скоро убѣдились, что это правда.

Между нашею деревнею и деревнею майора Алымова (въ верстѣ отъ алымовской усадьбы) стоялъ одинокій дворъ однодворца Луки Кромсаева, или попросту Кромсаи. Кромсаи этотъ подъ нѣкоторую личиною степенства и скромности былъ настоящей «шельма мужикъ» или «воръ-мужикъ»: онъ умѣлъ изъ всякаго положенія извлекать себѣ выгоды и жилъ скупо и одиноко, держа свое семейство въ «страхѣ Божіемъ», т. е. колотилъ всѣхъ чѣмъ ни пошло.

Онъ шинковалъ водочкой и бралъ подъ залогъ различныя вещи, отчего у него можно было найти кое-что такое, чего въ деревнѣ у другаго не встрѣтишь. Такъ, между прочимъ, у него оказалась гитара, которая пришла къ нему давно и неизвѣстно откуда, и которую онъ давно не могъ никому «придѣлать»; но съ того момента, какъ Кромсаи увидѣлъ Павла-дьячка, гитарашла себѣ «придѣленіе».

Кромсай послушалъ игру Павла на гармоніи и сказалъ, что эта игра пристала кучерамъ, либо наемщикамъ, а что у него есть «струментъ»—гитара,—такъ вотъ это ужъ можно сказать что струментъ благородный—и притомъ онъ отдасть его Павлу въ долгъ и за-дешево.

Пустошлясь сейчасъ же этимъ соблазнился—пошелъ къ Кромсаю и взялъ гитару, на которой еще уцѣлѣли четыре струны. Павлуша подстроилъ, какъ зналъ, эти четыре струны и заигралъ сначала у Кромсаю, а потомъ, проходя мимо насъ, зашелъ въ людскую и тамъ привелъ всѣхъ въ восторгъ своею игрою и поддѣвьями.

Дѣвушки донесли матушкѣ, что онъ «такія штуки дѣлать, что и смотреть нельзя».

А какъ мы тогда всѣ уже очень наскучались, то вѣсть о веселомъ человѣкѣ показалась намъ заманчивою, и Павлуша-дядюшкѣ былъ приглашенъ въ комнаты, гдѣ, дѣйствительно, произвелъ очень значительныя вещи, которыя должны были свидѣтельствовать о его большихъ дарованіяхъ.

Онъ игралъ много веселаго и заунывнаго, и наконецъ далъ цѣлое представленіе во вкусѣ братьевъ Давешпортовъ, славу которыхъ онъ могъ бы упредить за цѣлыя сорокъ лѣтъ.

Павлуша, между прочимъ, представилъ у насъ съ гитарой комическую сцену, имѣвшую соотношеніе съ претерпѣваемымъ бѣдствіемъ, т. е. съ голодомъ,—и тѣмъ «заставилъ самое горе смѣяться». Для этого онъ сѣлъ въ темноватомъ концѣ комнаты на стулъ, взялъ свою гитару о четырехъ струнахъ и велѣлъ покрыть себя простынею.

И чуть только его укрыли, какъ онъ требовалъ, такъ сейчасъ же изъ-подъ простыни заиграли два человѣка: сначала играла очень слабая и печальная старушка, а ей сразу бойко отвѣчалъ веселый старичокъ.

Старушка вынѣвала подъ грустный аккомпанементъ:

«Дѣдушка-а, Си-идоръ Карповичъ!
Да когда-жъ ты буде-ешь уми-реть?»

А дѣдъ превесело отвѣчалъ совсѣмъ другимъ голосомъ:

«Въ среду, бабушка,—въ среду,
Въ среду, Шахомъвна,—въ среду!»

И дѣдъ не только игралъ, но онъ присвистывалъ и при-

щелкивать перстами, а бабка начинала хныкать и опять заводила:

«Чѣмъ теби помина-ать?»

Дѣдъ отхватываетъ:

«Блинками, бабушка,—блинками,
Блинками, Пахомьевна,—блинками!»

И тутъ дѣдъ притопываетъ и соловьемъ свистѣлъ, а баба со слезами спрашивала:

«Гдѣ мушцы взять?»

Дѣдъ учитъ:

«По-міру, бабушка,—по-міру,
По-міру, Пахомьевна,—по-міру».

И, разрѣшивъ эту задачу, дѣдъ хохоталъ и заливался, а когда старуха проѣла съ ужасомъ, что «по міру собаки злы», то дѣдъ уже выбивалъ по гитарѣ трекака, а самъ пѣлъ:

«Съ палочкой, бабушка,—съ палочкой,
Съ палочкой, Пахомьевна,—съ палочкой!..»

Это Павлушино представленіе всѣхъ разутѣшило и сразу же завоевало ему у насъ всеобщее благорасположеніе, въ силу котораго съ этихъ поръ въ нашемъ домѣ начали Павломъ интересоваться и угощать его.

А онъ къ намъ «на привѣтъ» заходилъ и принесъ съ собою нѣсколько веселыхъ минутъ, съ которыми мы, сиди въ сугробахъ и слыша одиѣ жалобы на голодъ, советѣмъ было-раззнакомилсь.

Павель принесъ первое обновленіе въ замерзшую жизнь, и бывалъ онъ у насъ нерѣдко, потому что съ того случая, какъ пріобрѣлъ гитару, онъ сталъ все ходить къ Кромсаю, и это моему отцу показалось не хорошо, и онъ сказалъ Павлушѣ:

— Ты, Кромсая, смотри, берегись!.. Кромсай — ворь-мужикъ!

Но Павлуша за Кромсаю заступался и говорилъ, что онъ его «дурному не научаетъ». И у нихъ съ Кромсаемъ завязалась тѣсная дружба, а къ тому же въ посту на Кромсаю нашло благочестіе и рачительство: онъ пришелъ къ священнику и сказалъ, что вотъ у нихъ дома ни у кого хлѣба пѣтъ и муки къ Благовѣщенью собрать не у кого, и того гляди опять въ этотъ годъ придется безъ просвиръ сѣять; а потому Кромсай надумалъ—вхатъ на своей ло-

шади къ роднымъ, въ сытыя мѣста, и тамъ муки напросить, а кѣсати самому въ городѣ отъ куричьей слѣпоты и отъ вередовъ лѣкарства попросить. Но какъ собирать муку на просфоры есть дѣло церковное, то Кромсай просилъ отпустить съ нимъ «во свидѣтеляхъ» дячка Павла. Священникъ на это согласился, и они поѣхали вдвоемъ «въ сытыя мѣста» на четвертой недѣлѣ Великаго поста, но къ Благовѣщенію не возвратились. Ждали ихъ нетерпѣливо, но напрасно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Ждали ихъ попустому до самаго праздника, но зато, какъ только отиѣли свитую заутреню и поны стали въ рядъ посреди церкви съ лукошками, чтобы все люди подходили къ нимъ христосоваться и класть яйца, то вдругъ подошелъ съ желтымъ, въ лукѣ крашеннымъ яйцомъ и Кромсай.

— Христось воскресе, — говоритъ, — батюшка; держи лачко.

— Воистину воскресе! — отвѣчаетъ священникъ, и отъ радости, не выдержавъ, тутъ же сталъ его сирашивать:— Когда явился?

— А вотъ въ самую въ заутреню: когда ты звонить зачалъ, такъ я еще за ложиной былъ... Пугался... Чуть, братъ, не залился.

— Ну-у! А Павелъ гдѣ-жь?

— Ей же ты Богу! Меринь-то мой, насилу, братъ, выскочилъ!

— Скажи пожалуй!.. Ну, а Павелъ гдѣ-жь?

— Его, братъ, ужъ вѣтути!

— А гдѣ же онъ?

— Онъ не пріѣхалъ.

Дальше говорить было нельзя, потому что это задерживало движеніе подходящихъ христосоваться крестьянъ, и дяконъ, замѣтивъ непорядокъ, сказалъ: «не прешитетуйте», а Кромсаю добавилъ: «Удались!» Тогда священникъ велѣлъ Кромсаю войти въ алтарь и подождать, пока онъ съ народомъ «отцѣлуется». И когда все люди отцѣловались и священникъ сталъ въ алтарѣ разоблачатся, то Кромсай поѣдалъ ему, что «Павелъ въ городу остался».

— Для чего же онъ остался?

— Да вотъ... сказалъ мнѣ: «ты, говорить, поѣзжай, — а я, говорить, останусь».

— А зачѣмъ?

— Потому, говорить, что мнѣ надо себѣ... другое при-
дѣленіе.

— Ну, и ты его придѣлать?

— Не я, а онъ самъ придѣлился.

Священникъ подвелъ Кромсай къ окну, изъ котораго
видны были могилки, и говорить:

— Всмотрись-ка да «помини гробы — они вѣчны дѣмы»: долго ли намъ жить-то остается?.. Куда ты Павлушку дѣлъ?

Кромсай понялъ, какое смущеніе зашло въ душу свя-
щенника, и отвѣчалъ ему съ широкой улыбкой:

— Что ты... Полно, батя!.. Неужели ты думаешь, что я Павлушку загубилъ? Живъ Павлушка!

— Ты подумай: у него мать Фантея древняя. Если ей о сынѣ что-нибудь ужасное сказать — она помретъ!..

Но ужаснаго ничего не было.

Кромсай рассказалъ только слѣдующее: когда они съ Пу-
столясомъ выѣхали, то Пустолясь будто «все на самого
себя обижался». Что, говорить, диди Кромсай, разсуди ты,
какой я нехителный, что никто меня очень не обо-
жаетъ! И всего у меня средства только одна старушка
есть, только къ ней къ одной у меня есть и жалость на
земль, — такъ что ни для кого, какъ для нея, я бы даже и
въ солдаты... Въдь я могу на Кавказъ пойти и въ офицеры
выйти». А Кромсай ему и помогъ начать всю эту карьеру:
онъ свелъ его къ Николаю Андреевичу Воробью, старин-
ному орловскому маклеру, или «сводчику», а тотъ его какъ
въ хороводъ завелъ и «опредѣлилъ идти по найму за бака-
лейщикова сына».

Священникъ, услышавъ неожиданно такую развязку, молча
припѣлъ на сундучокъ и только глаза на Кромсай вы-
ставилъ.

— Ну ты, говорить, братъ, жиганъ! не даромъ, видно,
тебя воромъ кличуть!

— А что же «кличуть»?.. Кличуть-то меня разнo кли-
чуть, а у кого я что-нибудь украсть? Анъ я ничего не
украсть, а живу честно и бжгородно. Павлушка не такъ
пошелъ, а семьютъ серебра получилъ деньгами, да что еще,

братъ, гульбы было... Вотъ бы ты посмотрѣлъ! А онъ еще сто рублей прислалъ матери.

— Ну, лучше бы ужъ ты у него все послѣднее съ плечъ укралъ, чѣмъ такое добро ему сдѣлалъ.

— Чего онъ хотѣлъ, то ему и сдѣлано... Чего ты на меня!..

— Ты, Кромсай, жиганъ, ты нехорошій, дурной человекъ!

— Что ты это?.. за что?.. Развѣ пропалъ Павлушка? Онъ пошелъ служить Богу и великому государю... Ты, сдѣлай милость, въ этомъ оставь меня!

— А сто рублей матери-то его... цѣлы у тебя?

— А ты почему знаешь?

— Вѣрно не цѣлы?

— Ну, если тебѣ открыто, то что же спорить... Не цѣлы!

— Вотъ вѣдь какая твоя совѣсть!

— Что же совѣсть!.. И ихъ везъ и довезъ до самой лощины. А тутъ звопъ услыхалъ и въ зажоръ сѣлъ... Сдѣлай милость—это хоть и на тебя доведись: провались хоть и ты подъ снѣгъ, такъ, небось, все покинешь, а одну свою душу начнешь спасать! Меринъ битый сталъ... И, братъ, весь растерялся: и два куля хлѣба при мнѣ были,—везъ на просвиры,—и тѣ оба тамъ въ зажорѣ погубилъ.

— Тамъ и деньги пропали?

— Все тамъ осталось. Тридцать рублей, которые везъ бумажками, тѣ какъ на крестѣ были привязаны, такъ они и уцѣлѣли, а семьдесятъ, которые были серебряными монетами: рубли и полтинники—съ сапогомъ вмѣстѣ снялся и изъ-за голенища потонули.

Священникъ выслушалъ, поднялся съ мѣста и сказалъ Кромсая:

— Ну, да и подлецъ же ты!

— Хорошо, что хоть ты честный! — вздохнулъ Кромсай.

— Ну, смотри же: вспомни мое слово—за это разразитъ тебя Богъ!

Это надъ Кромсаямъ очень скоро и исполнилось *).

*) Настоящій замѣтитель рекрута, которому слѣдовало идти въ службу по очереди или по жребью, почитался въ народѣ за человека не только «пропацаго», но и *презрѣннаго*: о наемникѣ никогда не говорили съ жалостью, а всегда, какъ о палачѣ, говорили съ омерзѣшемъ, и отъ создать ему не было иной клички, какъ «продажная шкура». Имѣть общеніе съ наемникомъ считалось такъ же противно, какъ имѣть общеніе съ палачомъ, которому, по мнѣнію простолюдиновъ, будто даже «по

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Во вторникъ на Оминой недѣлѣ, никому не въ примѣту, съ какой стороны, взялась на небѣ сѣрая тучка и вдругъ начала темнѣть, расти и пучиться и расплзлась странно, принявъ такія очертанія, какъ баснословный пардъ или перуносный змѣй съ ланами, и полѣзло это чуднице прямо-примешенъко на Кромсасвъ дворъ. Это все видѣли. И какъ только туча подошла надъ Кромсаемъ, такъ она сейчасъ же сверкнула огнемъ и ударила прямо въ чуланъ, въ то мѣсто, гдѣ у Кромсея была примощена короватка, на которой онъ спалъ, а подъ короваткой стояла у него завіт-

даютъ причастія». А какъ таково было всеобщее презрительное отношеніе къ этимъ людямъ, то, разумѣется, объ этомъ знали и сами тѣ, кто занимался въ солдаты, и потому, за весьма рѣдкими исключеніями, это были «люди отчаянные» — зашалившіеся, загулившіе, сбившіеся съ пути или чѣмъ-нибудь особливо несчастные, по какому-нибудь роковому стеченію семейныхъ обстоятельствъ стремившіеся къ погибели. Эти послѣдніе и составляли жалостное исключеніе, да къ ихъ числу можно еще придать «крѣпостныхъ», которые, впрочемъ, могли занимать только съ согласія своихъ владѣльцевъ, и то послѣ рискованной процедуры съ освобожденіемъ ихъ на волю. Случалось, что вольный человѣкъ «выкупалъ крѣпостного» съ тѣмъ, чтобы онъ позлѣ пошелъ въ рекруты за дѣтей этого капиталиста, и выкупаемый крѣпостной обѣщался это исполнить, но, получивъ отцужскую въ свои руки, отказывался отъ «охотничая» и предлагалъ выкупнику отработать заплаченные за него деньги, или — еще проще — благодарилъ его и уходилъ иногда съ обѣщаніемъ «помодти Бога», а еще чаще съ бранью и насмѣшкою. Нанявшійся же «распутникъ» съ распутства начиналъ и въ распутствѣ продолжалъ все время своего «сговора» съ хозяйномъ. Зачиналъ это въ Орлѣ пропачій паренъ съ того, что появлялся въ безобразномъ и всего въфронтѣе въ безумномъ состояніи, въ торговый депъ (въ ятеницу), на Ильянской площади и, остановясь у вѣсовъ, кричалъ громкимъ голосомъ: «*Жару!*» Его «схватывали *жваты*» и сейчасъ же «мчали» его въ близстоявшій «Подшиваловскій трактиръ» и сразу же «подавали ему жару», то-есть воили его водкою и приглашали для «кураженія» его подходящаго свойстаго женитицъ, или «короводницъ», имѣвшихъ вблизи свое становище у мостика на Перестанкѣ. Хороводницы, или «короводницы», являлись скоро и не одна, а двѣ или три, изъ самыхъ отчаянныхъ и самыхъ безстыжихъ — согласныхъ съ охотникомъ гулить». Онъ сейчасъ же бралъ пьянаго паренъ въ свои раздольныя объятія и, обласкавъ его «до воли», начинали его «вывозить». Обвязавъ его красными платками, его вели «катать» на извозчикѣ, при чемъ «короводницы» держали охотника на сидѣннѣ извозчицкихъ дрожжъ или саней, а сами дѣлились вокругъ него, обнимали его и громко пѣли безстыжія пѣсли и говорили въ народъ сальности, и дергались, и приплясывали; а окружающій ими охотникъ сидѣлъ осовѣлый, какъ дуракъ, или по временамъ безумно вкри-

най коробья, раскрашенная цвѣтами и подъ лакомъ. Все это такъ «феваркомъ и загорѣлося». Но при этомъ еще показало удивительно, что изъ всего добра, которое тутъ было и которое сгорѣло,—выкинуло вверхъ только одну доску отъ цвѣтной коробьи, и когда она упала на землю и ее осмотрѣли, то увидали, что къ ней прилипло нѣсколько штукъ копеечекъ и все ихъ раскинуло треугольникомъ, а какъ разъ посрединѣ угла сидѣлъ серебряный рубль,—будто глазъ глядѣтъ.

Какъ увидали это люди, то все удивились и заговорили: «Это чудо! надо это показать священнику». И показали. А священникъ посмотрѣлъ и Кромсаю перстомъ погрозилъ.

Тогда Кромсай поблѣднѣлъ и сталъ каяться, что онъ утаилъ у Фантеи семьдесятъ рублей и что они были цѣлы и береглись въ узелкѣ подъ подушкою, да вотъ это ихъ-то молодой и раскинуло, и эти монетки, которые выжили въ доску, действительно были изъ тѣхъ утаенныхъ денегъ.

А когда послѣ пожара стали разгребать пепель, то нашли слитокъ серебра и возлѣ него другое чудо: деньги сплавилась, а возлѣ нихъ лежала остывшая «громовая стрѣла» или «чортовъ палець».

Кромсай отъ этого пришелъ въ такой ужасъ, что сейчасъ же сталъ жертвовать этотъ слитокъ на церковь, но священникъ недоумѣвалъ: можно ли брать эти деньги, такъ какъ «наемщикъ», или замѣститель въ солдатахъ, почитался тогда въ народѣ за что-то очень гадкое и приравнивался ко «псу продажному» (хотя псы себя никогда не продаютъ).

кивалъ и вонялъ: *«еще жару!»* Такимъ образомъ парень уже былъ афишированъ на весь городъ. А въ это время, какъ одни хлаты его такъ «окручивали», другіе уже прискивали хозяина, которому наемщикъ нуженъ. и сдавали его ему съ вознагражденіемъ себя за труды и за расходы по всей первоначальной обетановкѣ дѣла. Такая безобразная гульба продолжалась все время до сдачи наемщика въ рекруты, и онъ «давалъ себя знать» своему хозяину, который вынужденъ былъ исполнить все выдумки и капризы провацаго парня, и тотчасъ же бросалъ его, когда тому забривали лобъ и онъ дѣлался «продажною шкурою», которую на службѣ очень любили «выколачивать». До этого «погибельнаго состоянія» человѣка доводили всегда при необходимомъ и неизбежномъ участіи женщинъ, именно сихъ выше названныхъ «короводницъ», которые чаще всего сами и наводили слабыхъ людей «на эту путь», т. е. научали ихъ кричать: *«жару!»*. Склоннаго къ загулу дичка Пашу очень не трудно было провести этимъ путемъ, что Кромсай, вѣроятно, и обдѣлалъ.

А во Второзаконіи (23, 18) есть запрещеніе: «да не принесши въ храмъ мзды блудничи и цѣны песін»; но благочинный это разрѣшилъ. Онъ сказалъ, что «Второзаконіе дѣйствовало при Ветхомъ Завѣтѣ, а теперь, при Новомъ, — все новое».

Страшная гроза, сналившая Кромсаевъ дворъ, оживила нашъ воздухъ. Предчувствовалось уже въ тѣ дни, что году наступать конецъ и близятся «времена отрады». Городскіе жители начинали вспоминать о своихъ деревенскихъ друзьяхъ и родственникахъ и посѣщать ихъ. Мы снова входили въ общеніе съ міромъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Передъ тѣмъ какъ растаять рѣчкѣ, къ намъ пріѣхала тетушка Пелагея Дмитріевна, которую, въ ранніе ея годы, въ родствѣ всѣ называли «проказница». Впрочемъ, у нея была репутація очень многосторонняя и сложная, и разнообразно различнымъ ея фазисамъ и переходамъ ей давалось «новое имя».

Пелагея Дмитріевна или, по-доманинему, «тетя Полли», была мягиня и годъ тому назадъ выдала старшую дочь замужъ за очень именитаго князя.

Тетушка всегда была прекрасный человѣкъ, но въ молодости, когда на нее сердились, и потомъ, помиришь съ нею, называли ее «проказницей», — она «страдала самордаками», «Самордаки» — это такая болѣзнь, совмѣщавшая фантазію и упрямство. Своего рода «блажь». Самордаки у тети совсѣмъ никогда и не прошли, а только «переблажались». Въ голодный годъ она заблажила тѣмъ, что не продала ни пуда муки, а все искормила на дѣтскихъ мужиковъ, надъ которыми она была опекуншею, и завела такое баловство, что всѣ мужики и бабы приводили съ собою къ ней на дворъ своихъ дѣтей и всѣ у нея наѣдались.

На это двое ея сосѣдей обращали вниманіе предводителя и указывали, что она, какъ опекунша, такихъ расходовъ допускать не смѣетъ, — тѣмъ болѣе, что своимъ примѣромъ она другихъ подводить къ опасности; и предводитель ей дѣлалъ замѣчаніе, но «не могъ запретить». Тетя отвѣчала, что она «хочетъ идти подъ судъ».

Вообще тетя Полли была особа живая, смѣлая и интересная, и одолѣть ее — была не шутка...

Суда она не боялась, потому что держала въ своей совѣсти судъ надъ собою.

Теперь ей было уже лѣтъ за сорокъ, но она была еще очень красива: высокая, стройная, — что называется «король-баба», — съ черными какъ смоль густыми волосами, которые вились у лба и у пробора на темени, и съ большими сѣрыми глазами, которые у нея «умѣли говорить все, что она хотѣла».

Недавно умершій Николай Антоновичъ Ратынскій, который былъ значительно меня старше и зналъ наше орловское родство, говорилъ мнѣ, будто Тургеневъ съ тети Полли нарисовалъ въ своемъ «Помѣщикѣ» ту барыню, о которой сказалъ, что она «была не вздоръ въ нашъ вѣкъ болѣзненный и хилый».

Разумѣется, описанное въ «Помѣщикѣ» лицо имѣло сходство съ тетей Полли только во внѣшности, а въ свойствахъ духа у нихъ была схожесть развѣ въ «побѣдоносности» и въ неукротимой энергіи и настойчивости.

«Побѣдоносный, свѣтлый взоръ,—
Все въ ней дышало древней силой».

Впрочемъ, какъ тетя Полли была оригинальное и характерное лицо дворянскаго круга глухой поры (тридцатыхъ годовъ) и такъ какъ ея «блажь» составляла въ голодный годъ нѣкоторое исключительное явленіе, то мнѣ кажется, что о ней стоить разсказать поподробнѣе.

Выше уже сказано, что она пользовалась репутаціей «проказницы», но слава ея въ этомъ родѣ была сильно раздута. Таята (какъ мы ее тоже называли) по положенію своему принадлежала къ губернской знати, но по живости своего ума и характера была лицо всесловное. Она держалась со всѣми какъ нельзя болѣе просто, «знала всѣ обстоятельства» и даже очень любила поднудить надъ родовитымъ невѣжествомъ. Первый мужъ ея былъ богатъ, скучень и тучень, но не именитъ, и никакимъ особеннымъ вниманіемъ и вліяніемъ не пользовался, но рокъ, однако, судилъ такъ, что онъ цѣлые полгода исправлялъ «по случаю» предводительскую должность и съ достоинствомъ умеръ въ этомъ почтенномъ званіи.

Тетушка овдовѣла очень молодою, она имѣла всего не болѣе двадцати трехъ или четырехъ лѣтъ и уже была матерью трехъ дочерей.

Если бы не дѣти, то очень могло статься, что тетушка пошла бы въ монастырь, такъ какъ у насъ въ Орлѣ это тогда было въ модѣ между дворянствомъ (съ чего и написана Лиза у Тургенева); но дѣти этому помѣшали. Они же дали чувствамъ тети и другое направленіе, а это послѣдовало вскорѣ послѣ смерти отца, когда всѣ дѣти вдругъ опасно заболѣли.

Болѣзнь была изъ «прилипчивыхъ», и родные молодой вдовы всѣ ее покинули. Это въ благородномъ сословіи и тогда уже было въ модѣ и практиковалось безъ зазрѣнія совѣсти. О положеніи тетушки дошла вѣсть въ Послово, гдѣ жила въ замкнутомъ одиночествѣ именитая г-жа княгиня Д*, знатная дама, занимавшая передъ тѣмъ видную «позицію», но вдругъ чѣмъ-то кому-то не угодившая и удаленная.

Говорили, будто она живетъ въ Пословѣ поневолѣ и «пребываетъ» тутъ однимъ лишь тѣломъ, а что «душа ея не тутъ»—она живетъ «въ недосягаемыхъ сферахъ». Сама же княгиня Д* не считала себя равною ни съ кѣмъ и не допускала къ себѣ никого. У ней была собственная церковь, собственный пошъ и собственный врачъ, которому она не позволяла лѣчить никого, кромѣ ея особы.

Этотъ врачъ былъ французъ, съ качествами извѣстнаго по пьесѣ Дьяченко французскаго гувернера m-г Дорси: онъ былъ и пустъ, и вѣтренъ, и хорошъ собой, и великодушенъ.

Узнавъ черезъ людей, что въ сосѣднемъ селѣ такъ безжалостно всеми брошена молодая и притомъ очень интересная вдова съ больными дѣтьми, онъ «взбунтовался» и объявилъ своей важной дамѣ, что онъ «ѣдетъ лѣчить сосѣднихъ дѣтей».

Дама объ этомъ и слышать не хотѣла, но онъ продолжалъ настаивать, и когда люди не стали ему запрягать лошадей, то онъ завязалъ шею шарфомъ, надѣлъ теплые сапоги съ мѣхомъ и пришелъ къ тетѣ по снѣгу четыре или пять верстъ ибшкомъ.

Разумѣется, онъ былъ встрѣченъ тетей какъ ангель-утѣшитель и оказался вполне достойнымъ такой встрѣчи.

Онъ «воскресилъ дѣтей» и тѣмъ, понятно, произвелъ неотразимое вліяніе на сердце молодой матери. Княгиня Д* была поставлена этимъ случаемъ въ очень большія затрудненія. Сначала она сердилась и три дня не обращала вниманія, а потомъ позвала управителя и велѣла ему подать

объявленіе, что «пропаль французъ»... Докторъ и тетя объ этомъ узнали, и оба смѣялись... Имъ было хорошо и радостно, потому что дѣти выздоравливали, а они были поглощены такимъ увлеченіемъ, которое дѣлало для нихъ чужія сердечныя страданія смѣшными... Это вызвало со стороны княгини Д* рядъ мѣропріятій, изъ которыхъ одно было очень рѣшительное и имѣло успѣхъ; она сначала прислала сказать доктору, чтобы онъ не смѣлъ къ ней возвращаться изъ заразнаго дома; а потомъ, когда увидала, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не возвращается, — она прислала его звать, такъ какъ съ нею случился припадокъ какой-то жестокой болѣзни, и наконецъ, черезъ полтора мѣсяца, когда пришла весна и природа, одѣваясь въ зелень, выманила француза въ лѣсъ, пострѣлять куропатокъ для завтрака тети, на него внезапно напали четыре челоуѣка въ маскахъ, отняли у него ружье, завернули его въ коверъ и отвесли на рукахъ въ скрытую на лѣсной дорогѣ коляску и такимъ образомъ доставили его княгинѣ... Здѣсь съ нимъ было или только ему угрожало происшествіе смѣшное и тяжкое, изъ котораго онъ вышелъ благополучно только благодаря тому, что изъявилъ согласіе сію же минуту, немедленно, сочетаться съ княгинею Д* законнымъ бракомъ, что и было исполнено въ ея собственной церкви, ея священникомъ и при ея людяхъ...

Тетушка узнала объ этомъ только на другой день и горько плакала—участь бѣднаго француза казалась ей необыкновенно трогательною, и она укоряла себя, зачѣмъ она сама была такъ увлечена обаятельностью своего положенія, что не оформила всего по образцу княгини. Вѣдь это было такъ просто и такъ возможно, и даже не нужно было этихъ низкихъ угрозъ, которыми и его, и себя унизила Д*... Онъ бы самъ охотно на все согласился... Но ужъ дѣло было потеряно и вдобавокъ требовался коррективъ, и тетушка, какъ думали, запылала мщеніемъ и «не снесла обиды», а отомстила княгинѣ какъ настоящая «проказница»: она, совершенно ни съ кѣмъ не посоветовавшись и для всѣхъ неожиданно, вышла замужъ за князя С—ва, въ которомъ только то и было, что онъ былъ молодъ и холостъ, но совсѣмъ необразованъ и вдобавокъ, по совершенной бѣдности, служилъ квартальнымъ...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Mésalliance былъ самый полнѣйшій, но мщеніе все-таки было совершено: Д*—родовая княгиня—черезъ замужество съ французскимъ лѣкаринкой потеряла княжескую корону, а наша милая тетя возложила ее на себя и на свое нисходящее потомство, такъ какъ князь С—въ былъ дѣйствительный, настоящій князь, изъ «Рюриковичей», и въ гербѣ у него стояли многозначительныя слова: «*ne по грамотѣ*».

Словомъ — какой это ни былъ опрометчивый поступокъ, по тетюшка о немъ не сожалѣла, такъ какъ она и вообще не сожалѣла никогда о томъ, что уже случилось, а держалась того правила: «что укоротишь—того не воротишь: надо съ другого конца надшивать или надвѣзывать».

Впрочемъ, ея князь не былъ совсѣмъ особенно плохъ: въ немъ было что-то «породистое» и самую «форму кварталнаго» онъ носилъ съ военнымъ шикомъ. Съ этой стороны онъ былъ замѣтенъ и ради того по представительности своей былъ отличенъ начальствомъ и употреблялся для сношеній съ благородными лицами города. А потому, когда представилась надобность объявить тетюшкѣ бумагу, присланную изъ московскаго онекунскаго совѣта, о какихъ-то ея онекунскихъ дѣлахъ, то по распоряженію полицеймейстера къ ней былъ посланъ съ этою бумагою кварталный-князь, и онъ былъ принятъ тетюшкою не такъ, какъ принимали обыкновенныхъ кварталныхъ. Тетюшка велѣла позвать его къ себѣ въ залъ, гдѣ она сидѣла въ это время въ распашномъ пеньюарѣ за утреннимъ чаемъ, и, посмотрѣвъ на него, пригласила его сѣсть,—что было тоже необычайностью для лицъ его сана.

Князь сѣлъ, и пока тетюшка пробѣжала принесенную ей бумагу и потомъ потребовала себѣ перо и чернильницу для того, чтобы расписаться «о прочтеніи оной», она успѣла «бросить на него взглядъ ока», и сейчасъ же сообразила: на что находящійся передъ нею человѣкъ можетъ быть годеи и какъ за это дѣло надо взятыся.

А дѣло не допускало промедленія.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

С—въ тутъ же получилъ отъ тетюшки порученіе по какому-то частному ея дѣлу — по поводу какихъ-то ея хло-

потъ съ принадлежащимъ ей пустопорожнимъ мѣстомъ ка берегу, гдѣ производилась погрузка хлѣба на барки, — и князь исполнилъ данное ему порученіе охотно, быстро и съ блестящимъ успѣхомъ.

За это онъ былъ вознагражденъ денежнымъ подаркомъ сверхъ мѣры заслугъ и кромѣ того удостоился разговора, вхожаго въ его положеніе, которое тетушка находила несоотвѣтствовавшимъ его родовому званію, такъ какъ князья С—вы въ самомъ дѣлѣ принадлежали къ «Рюриковичамъ» и были князья «не по грамотѣ».

С—въ былъ не глупъ и не уменъ, а то, что называется «человѣкъ средній», и участіе довольно пменитой и весьма интересной дамы его такъ тронуло и согрѣло, что онъ почувствовался и осмѣлился поцѣловать поданную ему на прощанье руку. Тогда это, впрочемъ, было въ обычаѣ, и тетушка этимъ не обидѣлась и даже общала ему принять въ немъ участіе и о немъ подумать.

Князь былъ въ восторгѣ и провелъ нѣсколько дней въ размышленіи: какъ бы настроить ее такъ, чтобы она выпросила ему у губернатора мѣсто смотрителя тюремнаго замка или гдѣ-нибудь городничаго.

Но тетушка имѣла на него гораздо болѣе важные виды: черезъ нѣсколько дней она позвала его къ себѣ и спросила, не хочетъ ли онъ «измѣнить свой карьеръ».

Князь былъ готовъ на все и несказанно обрадовался, когда услышалъ, что тетушка желаетъ принять его къ себѣ управителемъ. Онъ сейчасъ же подалъ въ отставку, снялъ квартальническую форму и переселился въ тетушкино имѣніе, гдѣ пріучался къ хозяйству подъ ея непосредственнымъ руководствомъ, и для того ѣздилъ съ ней вдвоемъ въ кабриолетѣ безъ кучера, а жилъ во флигелѣ, но потомъ въ одинъ прекрасный день переведенъ въ домъ и обвѣнчанъ съ хозяйкою въ ихъ деревенской церкви, точно такъ же скромно, какъ Д* обвѣнчалась у себя съ французомъ.

Бывшая Д*, не будучи нимаю знакома съ тантою, прислала ее поздравить «отъ себя и отъ мужа». Это была дерзость, но тетя была умна и не обратила на это вниманія, а въ вознагражденіе за то французъ прислалъ ей двусмысленное утѣшеніе, состоявшее изъ одной фразы: «Le nombre des sots est infini».

Тетушку и это уже не занимало: она усиленно хозяйни-

чала, и одинъ разъ, поѣхавъ на поле, такъ растряслась по кочкамъ, что въ тотъ же день Богъ далъ ей дочь— прехорошенькую княжну. Къ счастью, ребенокъ хотя пришелъ на свѣтъ немножко и рановременно, но это ему не повредило.

Маленькая неудача сказалась въ другомъ: тихій и благопристойный Рюриковичъ, послѣ того, какъ тетушка къ нему поближе присмотрѣлась, не выдержала самой снисходительной критики и оказался еще скучнѣе перваго ея мужа, предводителя.

Кромѣ того, тетѣ неприятно было, что князь все болтался и ничего не дѣлалъ и вдобавокъ,—какъ она убѣдилась,—ничего и не умѣлъ дѣлать, кромѣ клееня коробочекъ изъ картона и цвѣтной бумаги съ золотыми бордюрами.

По мнѣнію родныхъ, тетя сама была во многомъ виновата, потому что она была со своимъ княземъ *очень суха*; но потомъ это переменялось, и она сдѣлалась къ нему матерински нѣжна и неожиданно устроила его вполне по его вкусу: какъ онъ когда-то мечталъ, такъ и получилъ вдругъ мѣсто городничаго въ отдаленномъ городѣ, куда отбылъ одинъ, и его лѣтъ шесть не видали. Во все это время про князя никто и не говорилъ, а тетя-княгиня заперлась отъ всѣхъ и «предалась книгамъ». Дѣти, книги и хозяйство ее поглотили, и о ней стали говорить, что она «вознеслась надъ жизнью». Но вдругъ князь потерялъ мѣсто и снова прибылъ въ деревню. Танта отвела ему помѣщеніе въ мезонинѣ, даже пожертвовала ему свой письменный столъ для кабинета, но сама осталась при дочеряхъ, изъ которыхъ старшая, Сусанна, *не-княжна*, имѣла въ это время уже шестнадцать лѣтъ и смотрѣла невѣстою.

Она и двѣ ея младшія, единокровныя и единоутробныя сестры, очень любили мать и ея младшую дочку, *княжну* Валою, но самого князя не могли переносить.

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ онѣ были въ мать — «ужасныя читалки и игралки»,—т.-е. вѣчно были за книгой или за музыкальными занятіями, и ихъ занимали живые бытовые вопросы и литература, а князя не занимало ничто. Если онъ не клеилъ коробокъ, то онъ только могъ ходить да свистать, или сидѣть въ своихъ комнатахъ у окна и переговаривался съ проходящими мимо бабами и мужиками — и всегда о пустякахъ. Всякое обращеніе съ книгою ему

было противно, и хотя онъ зналъ, что онъ невѣжда и что это не хорошо, но преодолѣть свою вражду къ книгѣ не могъ.

Онъ понималъ, что онъ своей женѣ не пара и что «попалъ въ честь по случаю», и терпѣлъ это, и не нахальничалъ. Онъ только завидовалъ, что жена его, при ея запасѣ врожденнаго ума и начитанности, всегда занята и всегда ей вездѣ весело, а ему вездѣ скучно,—и единственное ему спасеніе—быть городничимъ.—ходить, свистать и покрикивать.

Въ семьѣ изъ этого ничего стройнаго не выходило, и благодаря тому, что падчерицы его не всегда умѣли скрыть, что онъ имъ непріятенъ и что онѣ страдаютъ за свою умную и образованную мать, видя ее женою такого осто-лопа,—князь страдалъ отъ своего положенія и даже сталъ возбуждать къ себѣ состраданіе въ сердцѣ очень чувствительной и доброй танты.

Тетя стала за него заступаться и говорила дочерямъ:

— Что онъ вамъ мѣшаетъ? Онъ очень простой человѣкъ, но что же онъ дѣлаетъ вреднаго?.. Онъ проводитъ время, какъ умѣетъ, и его можно оставить въ покоѣ. Онъ и безъ того всѣхъ избѣгаетъ и вѣчно одинъ.

И кивгиня стала навѣщать бѣднаго князя въ его уединеніи, и чтобы это не имѣло видъ сентиментальности, она писала письма на письменномъ столѣ, перенесенномъ въ его кабинетъ. Такъ шли дѣла въ теченіе всей зимы, а по веснѣ Сусанна одинъ разъ окинула мать испытующимъ взглядомъ и сказала:

— Однако, что же это, мама?!

— Что такое?—спросила тетя и покраснѣла.

— То-то и есть, мама... вы краснѣете!.. И должно краснѣть!

— Чего же мнѣ краснѣть?—отозвалась, оправясь, тетя.

— Того, что мы уже взрослые, а вы... ходите письма писать... Мы перенесемъ вашъ письменный столъ въ вашу комнату.

Но дѣло было уже не поправимо, и у Сусанны съ ея сестрами явился еще маленькій братецъ. Ребенка опять всѣ любили и ласкали, кромѣ самого князя, у котораго это удовольствіе было отнято, и на этотъ разъ — увви! — навсегда. Князю снова достали соответственное городничеству мѣсто на Кавказѣ, и онъ тамъ ходилъ, курилъ, свисталъ и по-

крикивалъ, и тамъ же и умеръ, выкупавшись послѣ жирнаго обѣда въ холодномъ Терекѣ.

Смерть мужа, взятаго точно напрокатъ и поставленнаго ни вѣсть на какую позицію, уязвила сердце тети сознаниемъ своего грѣха передъ этимъ человѣкомъ, который былъ принесенъ ею въ жертву самымъ эгоистическимъ соображеніямъ, весьма ничтожнаго свойства. Онъ, живой человѣкъ, пришедшій въ міръ, чтобы свободно исполнить на землѣ какое-то свое назначеніе, былъ обращенъ ею въ метелку, которою она замахнула сорный слѣдъ своего коллоброда, и потомъ смела его съ рукъ и сбросила въ Терекъ...

Ей было ужасно стыдно и ужасно его жаль,—и она заперлась въ спальнѣ и плакала о немъ много и долго; и тутъ же, запершись, въ уединеніи отъ дочерей, которыя не могли сдерживать своего презрѣнія къ захудалому глуховатому «Рюриковичу», исполнявшему и глуховатую роль въ жизни,—она обдумала себя. Дѣвицы и теперь раздражало и обижало, что мать была такъ потрясена событіемъ и относилась къ князю съ «чувствомъ»... Онѣ были въ томъ «счастливомъ» возрастѣ, который даетъ возможность разсуждать обо всемъ не только очень эгоистично, но и очень ошибочно, и имъ было *стыдно* за то, что «она, значить, все-таки его любила»... Имъ, для ихъ семейнаго достоинства, не хотѣлось, чтобы это было такъ; но онѣ не понимали, что это именно *такъ* и не было! Тети Полли не оплакивала въ князѣ человѣка, котораго бы она предпочитала вѣсьмъ другимъ людямъ, — что выражаетъ банальное требованіе такъ-называемой «любви»,—но она оплакивала въ немъ человѣка-брата, котораго она встрѣтила случайно, заставила его продѣлать все, что хотѣла, и къ которому не оказала благоволенія. Какіе бы доводы ей ни представляли, что она ни въ чемъ передъ нимъ не виновата, она чувствовала свою вину и хотѣла утолить ее. Тети сдѣлала трауръ двумъ младшимъ дѣтямъ и сама надѣла черное платье,—отстояла на колѣняхъ заупокойную обѣдню и панихиду, и еще рядъ другихъ панихидъ, но утоленія не было: покой къ ней не приходилъ. Она находила, что это все не то... И вотъ она вдругъ уѣхала куда-то парюю, въ маленькой бричкѣ съ однимъ кучеренкомъ, и, возвратясь черезъ десять дней, сказала, что она была въ Оптинской пустыни у «старца», но на разпросы о томъ: что тамъ

Такое? — съ странною разбѣянностью отвѣчала: «Опять все это не то». И подаренныя ей старцемъ маленькія книжечки она прочла разъ и ботѣ ихъ не открывала: опять было «не то». Она послала къ приходскому священнику, чтобы тотъ далъ ей Библию. Но Библии въ церковномъ обиходѣ не было. За нею послали въ Орелъ, но и въ Орлѣ продажной Библии не нашли, а достали ее «почитать» у семинарскаго ректора, и то съ предвареніемъ отъ своего священника, что «это книга мірская и читать ее небезпечно».

И другіе тоже пробовали отговаривать тетю, «чтобы не сошла съ ума, прочитай Библию»; но она была «неимоверная»: она таки прочитала всю Библию и, разумѣется, какъ слѣдуетъ,—сошла съ ума и начала дѣлать явныя несообразности.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Такъ, на примѣръ, окончивъ чтеніе Библии, тетя не задала себѣ труда повторить это, какъ дѣлаютъ многіе одолѣвшіе названную книгу, а она отложила ее въ сторону разъ и навсегда и «понесла фантазию» въ родѣ того, что «хорошихъ временъ еще не было», или что «лучшая жизнь на землѣ будетъ впереди насъ, а не та, которая осталась позади насъ»... И она въ это не только вѣрила, но говорила, что «въ такой вѣрѣ только и находить силу жить и трудиться для того, чтобы равнять путь лучшему, которое идетъ и непременно придетъ — когда горы и доли сравняются и левъ ляжетъ съ ягненкомъ и не завредитъ ему».

Эти «глупости» танти основательные люди передавали другъ другу и, весело смѣясь, называли ее лицемѣрной фантазеркой и даже душой. Препрежнее игривое наименованіе «проказницы» было уже теперь для нея слабо, такъ какъ оно не выражало опаснаго характера ея нынѣшняго настроенія, и то, старое названіе было у нея отнято.

— *Была* проказница, — говорили о ней: — но тогда была зато хоть живая и преинтересная, а теперь стала Богъ знаетъ на что похожая — противная, скучная фантазерка, съ которой старикамъ нечего дѣлать, потому что она ихъ не слушаетъ, а молодежь... даже страшно оставлять съ нею!

Одинъ изъ основательныхъ дворянъ, имѣвшихъ «голосъ въ собраніи и въ обществѣ», во время выборовъ сдѣлалъ

заявленіе, что слѣдовало бы обратить вниманіе на то, въ какомъ духѣ танта воспитываетъ своихъ дочерей. Но предводитель, очень добрый и мягкій человекъ, пашель, что какъ у княгини всѣ ея дочери—дѣвочки, то какъ бы она ихъ ни воспитывала—это не важно.

Воспитывала же она ихъ странно—безъ учителей,—всему обучая ихъ сама, при содѣйствіи выписанной изъ Англій *квакерши*, Гильдегарды Васильевны, которая была бы чрезвычайно красива, если бы «совершила» себя не безобразна», нося постоянно сѣрое платье въ складкахъ и лѣтомъ широкую соломенную шляпу, а зимою маленькую теплую черную шапочку «съ затылкомъ и съ ушками, безъ всякаго фасона».

Притомъ танта съ этою квакершею сдѣлались неразрывными друзьями и ни съ кѣмъ не церемонились.

Къ нимъ можно было заѣхать, и онѣ всякаго гостя встрѣчали очень привѣтливо, но всегда прямо желали узнавать: чѣмъ онѣ ему могутъ быть полезными. И затѣмъ сію же минуту дѣлали для него все, что могли, но потомъ, сдѣлавши это, тотчасъ же къ нему, или къ ней, охлаждали и держали себя съ гостями—какъ будто «занимать» его или ее совсѣмъ не ихъ обязанность. Онѣ оставляли прѣзжихъ въ покоѣ и сами обращались къ своимъ обыденнымъ занятіямъ, въ которыхъ наблюдали строгій порядокъ,—очень противный для людей съ истинной «широкой натурой».

Кончилось это тѣмъ, что стали находить, будто у бывшей «милой проказницы» огрубѣли манеры и пропала женственность. Она стала носить безсмѣнно однообразнаго, самаго простаго фасона черное шерстяное платье зимою и такое же свѣтлое ситцевое платье лѣтомъ; дѣчила у крестьянъ самыя неопрятныя болѣзни, сама своими руками обмывала ихъ раны и дѣлала кровавые разрѣзы и другія простыя операци, и при этомъ ни за что не хотѣла поручить присмотрѣть за больнымъ горничнымъ дѣвушкамъ, ибо она находила, что горничныя слишкомъ деликатны и «нось воротятъ». Вообще тетя Полли стала будто рѣзка и даже иногда употребляла «Антошины словечки». Оно такъ и было: тетя выражалась порою немножко во вкусѣ Антона Антоновича Сквозника-Дмухановскаго, называя вещи ихъ прямыми именами, что, впрочемъ, въ ея устахъ не было ни плоско, ни грубо, а только прямо и образно. Такъ же

рѣзки казались и ея чувства, въ которыхъ не находили самаго необходимаго—раскаянiя и сожалѣнiя о прошломъ,—что ей очень бы и очень не мѣшало... На это даже и обращали иногда ея вниманiе, и говорили: кто хочетъ показать другимъ лучшiй образъ жизни, тотъ не долженъ никогда забывать своего худшаго. «Врачу, исцѣлися самъ!»

Тетя за эти намеки нимало не сердилась и отъ нихъ не конфузилась: она, безъ сомнѣнiя, понимала, во что люди мѣтили, но все слушала спокойно и, выслушавъ, отвѣчала:

— По отношенiю ко мнѣ все это совершенно справедливо, и я постоянно чувствую, какъ не хорошо имѣть неопрытное прошлое, — чистыхъ не въ чемъ упрекать и на нихъ выдумываютъ, а о насъ можно говорить правду, которая тяжелье всякой ажи,—но то дурное, что я дѣлала, я уже оставила.

Матанъ разъ замѣтила ей, что, «переставъ грѣшить, надо начать каяться», но тетя отвѣтила ей:

— Насчетъ раскаянiй мнѣнiя различны; но я не нахожу никакой пользы въ томъ, чтобы порочный человѣкъ, сознавъ свои дурныя дѣла, сидѣлъ бы и все смотрѣлъ на свой животъ, какъ это дѣлаютъ какiе-то чудаки въ Индiи. У очень многихъ людей въ ихъ промедленiи есть порядочное болото, но что же пользы возиться въ этомъ болотѣ? Лучше поскорѣе встать да отряхнуться и идти доброй дорогой.

Такъ она и жила, «отряхнувшись», и не хотѣла жить иначе, и, несмотря на все ея «порядочное болото въ прошломъ», личность ея стала казаться свѣтлою и получила такую привлекательность, что къ ней широко запылала любовь во множествѣ сердець.

Ея дочери, которая унаслѣдовали не все ея свойства, напрасно боялись, что ея пассажъ со вторымъ бракомъ повредитъ ихъ карьерѣ: одна изъ этихъ дочерей очень скоро и очень прiятно разочаровалась въ этомъ потому, что прибывшiй въ ихъ мѣстность, для принятiя наслѣдства, молодой сынъ именитаго вельможи, князь Z., одинъ разъ побывавъ у тети Полли, такъ полюбилъ ее и ея Гильдегарду, и все ихъ семейство, что не захотѣлъ оставаться чужимъ этой семьѣ и твердо настоялъ на томъ, чтобы ему былъ разрѣшенъ бракъ съ ея старшею дочерью, съ тою самую Сусанной, которая была груба къ матери, стыдилась

ея беременности, — а потомъ еще болѣе стыдилась этой своей выходки и сдѣлалась образцомъ дочерней любви и уваженія къ матери.

Это было наградою тетѣ Полли, которая сама себя почитала «во всѣхъ статьяхъ неисправною» и никого не бралась исправлять, но до самозабвенія восторгалась, когда видѣла, что люди «ни отъ чего исправляются».

Ни отъ чего!..

Она была бы до слезъ смущена, если бы ей доказали, что это «ничто» была сама она, ушедшая «отъ своего болота».

Такъ преобразилъ ее Тотъ, Кто жалѣетъ объ уtratѣ одной овцы, и, хватившись ея, оставляетъ девяносто девять овецъ, идущихъ своею дорогою, и ищетъ въ кустахъ и тернии потерявшую путь одну овцу, и находитъ ее, беретъ ее на Свои священныя руки, и несетъ, и радуется, и даетъ радость всѣмъ, кому понятна и дорога радость, что *ожилъ челюоткъ!*

Личныхъ утѣшеній тетя Полли съ тѣхъ поръ не искала, но они ее иногда находили, и одно такое прекрасное утѣшеніе освѣтило ея закатъ: ся зять, мужъ Сусанны, отличился благороднѣйшею дѣятельностью при «освободительныхъ работахъ» въ царствованіе Александра II. II тетя, при полученіи извѣстія объ этомъ, плакала радостными слезами на груди у своей Гильдегарды и сама себя перебиwала словами:

— Нѣтъ, за что же?.. За что мнѣ такъ много дано, когда я такъ мало стѣю!

Но, увлекаясь воспоминаніями о тетѣ Полли, я отступаю отъ порядка повѣствованія, съ которымъ здѣсь пора кончить.

Возвращаюсь къ тому, когда тетушка пріѣхала къ намъ въ деревню, измученную голодомъ, которому уже былъ виденъ предѣлъ, но къ которому теперь присоединились повальныя болѣзни: онѣ сложили на землю половину живущихъ и навели уныніе и страхъ на другую половину.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Тетя Полли собственно была вызвана къ намъ отцомъ, который описалъ ей наше унылое состояніе, и она сейчасъ же пріѣхала вмѣстѣ съ Гильдегардою и привезла успокоеніе и радости.

Эта женщина всегда привозила съ собою, во-первыхъ,

свою непобѣдимую и никогда ее не оставляющую благородную веселость, а потомъ непремѣнно всѣмъ людямъ и дѣтямъ по подарку. *Дарить*—это была ее слабость и ее радость, и она имѣла удивительную способность всѣхъ помнить и всякому подобрать подарокъ, подходящій по его потребности и по вкусу.

Женщинамъ дарились головные платки, горничнымъ — ситцы на платья, лакею — «отрѣзъ на жилетъ», кучеру — «касандрійская рубаха», скотнику — рукавицы, но болѣе всего привозилось дешевыхъ алыхъ лентъ — деревенскимъ дѣвчонкамъ на «косоплетки».

Эти косоплетки, нарѣзанныя кусочками соответственнаго размѣра, тетя всегда имѣла у себя въ запасъ въ карманѣ платья, и гдѣ бы ни встрѣтила дѣвчонку, она подзывала ее къ себѣ и дарила, всегда съ шуткою:

— Дѣвки! дѣвки! подите ко мнѣ, я васъ осчастливорю!.. На-те вамъ—въ косы залетите... Ты чернуха — тебѣ вотъ ленточка алая, а ты бѣлый тараканъ — тебѣ лучше будетъ синенькую...

«Осчастливленныя» просіявали отъ счастья и съ разгорѣвшимися глазенками бѣжали за тетей и просили, чтобы къ алой была прибавлена синенькая, а къ синенькой — аленькая, и тетя увлекалась радостью дѣтей и имъ не отказывала, а иногда брала дѣвочекъ и цѣловала ихъ не совсѣмъ чистыя лица, приговаривая:

— Ахъ вы, рожницы!.. Тоже щеголихи!.. На-те вамъ, чу-мазья! на-те!

И ленты летѣли въ толпу, и деревня расцвѣчалась пестрою дѣвичьихъ косоплетокъ.

Видно было, что «баловница пріѣхала».

Было ли послѣ этого чему удивляться, что эта «баловница» (сколько у нея было *прозваній!*..) была въ то же время и общая любимица и что такое лицо, какъ она, въ лихую годину, сразу однимъ своимъ появленіемъ наполняла сердца людей довѣріемъ и упованіемъ, облегчающими въ значительной мѣрѣ всякое горе и «всякую язю въ людѣхъ»?!

А тетя Полли и Гильдегарда теперь и пришли къ намъ съ нарочитою цѣлю—принести облегченіе больнымъ, которыхъ было поддереви и которые валялись и мерли въ своихъ промзглыхъ избахъ безъ всякой помощи.

Какая это была болѣзнь—я не помню, но знаю, что надъ

распознаваніемъ ся по правиламъ науки никто не трудился. Уѣздные врачи (которыхъ тогда было по одному на уѣздъ) дѣлали только судебныя «выкрытія», а лѣчить больныхъ времени не имѣли; отецъ мой обладалъ «лѣчебникомъ штабъ-доктора Егора Каменецкаго», но не имѣлъ дара лѣчить; матушка боялась заразы, а французъ-докторъ, женатый на нашей богатой сосѣдѣ, бывшей княгинѣ Д^н, еще въ самомъ началѣ голоднаго года покинулъ жену и уѣхалъ отъ сибѣрныхъ сугробовъ Россіи на свою цвѣтущую родину, а оттуда въ палиція стени Африки, гдѣ охотился на львовъ вмѣстѣ съ Клодомъ Жераромъ.

Мы были совершенно безпомощны и знали о болѣзни, убивавшей крестьянъ, только такіе симптомы, что у нихъ сначала «заболитъ голова, а потомъ на нутрѣ сверлитъ, а потомъ весь человѣкъ слабъ сдѣлается» и валяется, пока «потмится въ лицѣ и духъ вонѣ».

У тетушки и Гильдегарды Васильевны былъ талантъ къ лѣченію больныхъ крестьянъ, и имъ это было ни почемъ, такъ какъ онѣ не боялись заразиться. Болѣзнь, которою умирали наши крестьяне, началась-было на деревнѣ и у тети Полли, но тамъ ей не дали развиваться. Тетя и Гильдегарда тотчасъ же отдѣляли больныхъ изъ семьи и клали ихъ въ просторную столярную мастерскую, гдѣ и лѣчили ихъ, чѣмъ знали, съ хорошимъ успѣхомъ.

Теперь у нихъ все было благополучно, и онѣ явились на помощь къ намъ во всеоружіи своей духовной мощи и знаній и съ запасомъ потребныхъ лѣкарствъ. Но болѣе всего полезны были ихъ мощный духъ, присутствіе котораго сразу измѣняло весь ходъ и настроеніе нашей жизни.

Тетя Полли не успѣла еще снять съ себя въ передней свой темно-зеленый шелковый ватошникъ, какъ уже давала тонъ и направленіе.

Первыя слова ея были къ отцу:

— Ну, что это за стыдь!.. мы проѣхали всю вашу деревню и не слышали ни какъ гусь гогочеть, ни какъ корова мычить. Здравствуй, братъ!.. Или у васъ уже совсѣмъ нѣтъ коровъ?

Отецъ поцѣловалъ у нея обѣ руки и отвѣчалъ, что на деревнѣ осталась всего одна корова у старосты.

— Ахъ, да!.. И правда!.. И ее, должно-быть, видѣла... Бурая?.. Но мнѣ показалось, что это неживое чучело.

Такой разговор произошел еще на самом пороге, и затѣмъ это такъ и продолжалось въ живомъ и энергичномъ тонѣ и съ однимъ и тѣмъ же надъ всѣмъ преобладающимъ стремленіемъ поставить все ниже заботъ о деревнѣ.

Тетя ласкала насъ—болѣе руками и взглядами—и въ то же время задавала отцу вопросы, требовавшіе немедленнаго исполненія ея просьбъ или приказаній, которыя вытекали изъ каждаго обстоятельства и шли одно за другимъ въ быстромъ, но стройномъ порядкѣ.

Тетя спрашивала: «сколько больныхъ на деревнѣ?» И видя, что отецъ затрудняется точнымъ отвѣтомъ, сейчасъ же сама за него отвѣчала:

— Ты не знаешь?.. Это не дурно для начала со стороны христіанина и помѣщика средней руки!.. А могу ли я видѣть твоего старосту или кого-нибудь, кто у тебя есть поумнѣе и у кого меньше упрямства и предрасудковъ?.. У тебя былъ, я помню, гдѣ-то за усадьбой пустой половень.

— Онъ сгорѣлъ,—отвѣчалъ отецъ.

— Вотъ какъ!.. Вѣрно отъ грозы?

— Нѣтъ,—мои дураки тамъ колдовали съ человѣчьимъ саломъ.

— Какъ это?

Отецъ рассказалъ ей извѣстную исторію со свѣчой изъ Кожіёнова сала, отъ которой сгорѣлъ половень.

Тетя пила чай и слушала исторію безъ улыбки, безъ ужаса и безъ гримасы, и только посмотрѣла въ бокъ на Гильдегарду, которая тоже окинула ее отвѣтнымъ взглядомъ, и было ясно, что имъ не надо было говорить болѣе, чтобы понимать другъ друга.

Когда былъ конченъ рассказъ о свѣчѣ и о всемъ томъ, что записано выше въ этихъ воспоминаніяхъ, тетя Полинъ вздохнула и сказала:

— Да!.. здѣсь юдоль плача... Голодь ума, голодь сердца и голодь души. Вотъ мотокъ, въ которомъ не знаешь, за какую нить хвататься!.. Дмитрій Ростовскій, впрочемъ, говорилъ въ дворцовой церкви, что онъ извиняетъ, когда люди «за нуждою и утѣсненіями забываютъ о Высшемъ». И теперь ужъ надо помогать одной низшей, грубой нуждѣ. Лучшее сдѣлаютъ когда-нибудь послѣ другіе, а не мы. Если половень сгорѣлъ, я прошу ригу и помѣицу въ ней больныхъ. Это первое дѣло, — ихъ начо сейчасъ отдѣлать. Мы

уже отдохнули и теперь обойдемъ съ Гильдегардою всѣ избы и сосчитаемъ всѣхъ больныхъ—и потомъ ихъ сейчасъ же перевезть...

— Больные не пойдутъ со своихъ печей и лавокъ,—заѣхитилъ отецъ.

— Ну, мы постараемся убѣдить ихъ, чтобъ они пошли, въ крайнемъ случаѣ... мы ихъ возьмемъ и унесемъ.

— Насильно?

Тетя посмотрѣла въ глаза отцу и, помолчавъ минуту, отвѣтила:

— А хотя бы и насильно!.. Какъ странно! Развы ты и я—мы всѣ ими владѣемъ по ихъ доброй волѣ? Пустяки! Того, кто тонетъ, берутъ за волосы и вытаскиваютъ *на-сильно*... Это очень грубо, но совершенно необходимо. Соломы вѣрно нѣтъ у васъ, чтобы настлатъ кучами постелей по всей ригѣ?.. Это очень жаль, но, можетъ-быть, есть конопляная костра? Есть? Ну, вотъ и прекрасно,—обойдемся съ ней... Пока мы съ Гильдегардою будемъ на деревнѣ, возьми на себя трудъ наблюсти, чтобы здоровые натаскали въ ригу сухой костры и наклали ее для больныхъ кучками... Вели дѣлать этакъ... какъ большія котлеты. въ ростъ человѣка,—и въ головашъ—повыше, а къ ногамъ—пониже. Черезъ часть тамъ уже будутъ больные... Твоя жена не можетъ намъ помогать?

Отецъ тихо отвѣтилъ:

— Она боится.

— Ну, и не нужно ея... Кто боится, тѣмъ это и вредно. А мы сейчасъ же идемъ!

Проговоривъ это, она уже стояла и покрывала свою кучерявую голову мягкимъ платкомъ, а Гильдегарда Васильевна надѣвала свою высокую, съ широчайшими полями, соломенную шляпу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Тетя и Гильдегарда взяли въ карманы крошечный карманный фонарикъ съ рефлекторомъ (для осмотра горла), флаконъ съ какой-то жидкостью и записную книжку, и ушли.

Отецъ предлагалъ имъ провожатаго, но онѣ не взяли, и сказали, что надо зайти подъ-рядъ въ каждую избу.

— На васъ могутъ напасть собаки.

— Полно, пожалуйста! Собаки такія почтенныя живот-

няя,—онѣ знаютъ, кто идетъ не съ дурнымъ намѣреніемъ, и будутъ съ нами вѣжливы.

И дѣйствительно, собаки повсемѣстно отнеслись къ нимъ превосходно, но все-таки экспедиція ихъ не обошлась безъ приключенія: бурая корова Дементія, которую тетя оскорбила, назвавъ ее «неживымъ чучеломъ», доказала, что она еще жива, и когда Гильдегарда, проходя мимо нея, остановилась, чтобы поощрить ее ласкою, тощая буренка немедленно подняла голову, сдернула съ англичанки ея соломенную шляпу и быстро удалилась съ нею на середину самой глубокой и непроходимой лужи, гдѣ со вкусомъ и съѣла шляпу, къ неопisanному удовольствію тети Полли, которая надъ этимъ очень смѣялась, а англичанка, потерявъ шляпу, повязалась своимъ носовымъ платкомъ и окончила обходъ въ этомъ уборѣ.

До вечера было сдѣлано множество вещей: въ ригѣ было настлано двадцать семь постелей изъ сухой костры и на нихъ уложили соответственное число людей, освободивъ отъ производимаго ими смрада тѣсныя избы, въ которыхъ мѣстились ихъ семейства. При этой «эвакуаціи» насилій не было, но имѣли свое мѣсто энергія и настойчивость обѣихъ женщинъ, которыя сами при этомъ работали до изнеможенія и не пришли обѣдать до темнаго вечера.

Магушка долго и напрасно ждала ихъ и сердилась. Обѣды весь перестоялся и былъ испорченъ. Отецъ стыдился покинуть тетю и англичанку однѣхъ съ больными мужиками и бабами, и тоже оставался въ ригѣ: онъ помогалъ имъ раскладывать больныхъ и защищать ихъ отъ сквозного вѣтра въ импровизированномъ для нихъ баракѣ.

Имъ тамъ было холодновато, но они тотчасъ же стали легче дышать, а въ то же время безопаснѣе и легче дышалось и тѣмъ, которые остались у себя въ избахъ.

Отецъ, тетя и Гильдегарда пришли въ домъ, когда уже былъ вечеръ, и ѣли скоро и съ аппетитомъ, а говорили мало. На лицахъ у обѣихъ женщинъ какъ будто отпечаталось то выраженіе, какое онѣ получили въ ту минуту, когда тетя проговорила:

— Это ужасно: круглый голодъ, — голодъ ума, сердца и души... И тогда уже—всякій голодъ!

Ни тетя, ни Гильдегарда не были теперь разговорчивы и даже отвѣчали суховато и какъ бы неохотно.

Мать имъ сказала:

— Извините за обѣдъ... Онъ весь перешелъ, — вы сами виноваты, что дотянули обѣдъ до звѣзды.

Гильдегарда ее, кажется, не поняла; но тетя, разумѣется, поняла, но небрежно отвѣтила:

— До звѣзды!.. Ахъ, да... и ты права: мы въ самомъ дѣлѣ очень любимъ звѣзды... ихъ видѣть такъ отрадно. Тамъ вѣдь, безъ сомнѣнй, живутъ другія существа, у которыхъ, можетъ-быть, нѣтъ столько грубыхъ нуждъ, какъ у насъ, и потому они, должно-быть, противъ насъ лучше, чище... меньше самолюбивы и больше сострадательны и добры...

— Но вѣдь это фантазія, — замѣтила мама.

Тетя ей не отвѣчала.

— И притомъ, мы все очень грѣшны, — замѣлъ намъ мечтать такъ высоко! — молвила мать, конечно, безъ всякаго намека для тети.

Тетя ее слышала и произнесла тихо:

— Надо подниматься.

— Да вѣдь какъ это сказать...

Матушка, кажется, побоялась сбиться съ лннй, а тетя ничего болѣе не говорила: она озабоченно копошилась, ища что-то въ своемъ дорожномъ баулѣ, а Гильдегарда въ это время достала изъ темнаго кожанаго футляра что-то такое, что я принялъ за ручную аптечку, и перешла съ этимъ къ окну, въ которое смотрѣлось небо, усыпанное звѣздами.

Мама вышла. Тетя закрыла баулъ, подошла къ столу, на которомъ горѣли двѣ свѣчки, и обѣ ихъ потушила, а потомъ подошла къ англичанкѣ и тихо ее обняла. Онѣ минуту стояли молча, и вдругъ по комнатѣ повеселись какіе-то прекрасные и до сей поры никому изъ насъ незнакомые звуки. То, что я принялъ за ручную аптечку, была концертина, въ ея тогдашней, примитивной формѣ, но звуки ея были полны и гармоничны, и подъ ихъ аккомпанементъ Гильдегарда и тетя запѣли тихую пѣсню — англичанка пѣла густымъ контральто, а тетя Полли — высокимъ фальцетомъ.

Онѣ пѣли «cantique» на текстъ «Приходящаго ко Мнѣ не изгоню вонъ» (Іоан. VI, 37), и слова ихъ пѣсни передъ звѣздами (въ русскомъ переводѣ) были таковы:

«Таковъ какъ есть,—во имя крови,
 За нать пролитой на крестѣ,
 За вѣрой, зрѣньемъ и прощеньемъ,
 Христоръ, я прихожу къ Тебѣ.»

Я былъ пораженъ и тихой гармоніей этихъ стройныхъ звуковъ, такъ неожиданно наполнившихъ домъ нашъ, а простой смыслъ дружественныхъ словъ нѣсни плѣнилъ мое пониманіе. Я почувствовалъ необыкновенно полную радость оттого, что всякій человѣкъ *сейчасъ* же, «таковъ какъ есть», можетъ вступить въ настроеніе, для котораго нѣтъ расторгашаго значенія времени и пространства. И мнѣ казалось, что какъ будто, когда *онъ* тронулись къ Нему «за вѣрой, зрѣньемъ и прощеньемъ», и *Онъ* тоже шелъ къ нимъ навстрѣчу, Онъ подавалъ имъ то, что дѣлаетъ иго Его благимъ и бремя Его легкимъ...

О, какая это была минута! я уткнулся лицомъ въ спинку мягкаго кресла и плакалъ впервые слезами невѣдомаго мнѣ до сей поры счастья, и это довело меня до такого возбужденія, что мнѣ казалось, будто комната наполняется удивительнымъ тихимъ свѣтомъ, и свѣтъ этотъ плыветъ сюда прямо со звѣздъ, пролетаетъ въ окно, у котораго поютъ двѣ пожилыя женщины, и затѣмъ озаряетъ внутри меня мое сердце, а въ то же время всѣ мы—и голодные мужики, и вся земля—несемъ куда-то навстрѣчу мірамъ...

О, если бы за всѣ скорби жизни земной еще разъ получить такую минуту при уходѣ изъ тѣла!

Этотъ вечеръ, который я вспоминаю теперь, когда голова моя значительно укрыта снѣгомъ житсйской зимы, кажется, имѣлъ для меня значеніе на всю мою жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

На другой день передъ обѣдомъ, когда тети Полли и Гильдегарда, съ помощью отца и двухъ дворовыхъ, перекладывали въ ригѣ больныхъ на свѣжія подстилки изъ кострики, на которую разостлали рогожи, въ ригу неожиданно вошелъ исчезнувшій по осени съ нашего горизонта майоръ Алымовъ, а за нимъ шли его легавый «Интендантъ» и мальчикъ съ табачнымъ кисетомъ и съ трубкой.

Я почему-то сразу понялъ, что майоръ напрасно вошелъ сюда, что ему здѣсь не мѣсто, и точно то же самое, очевидно, подумалъ мой отецъ, который, увидавъ майора, слегка

покраснѣть, передалъ мнѣ въ руки полоскательницу съ уксусомъ и губкой, а самъ пошелъ скорымъ шагомъ навстрѣчу Алымову и, здороваясь съ нимъ одною рукою, другою далъ знакъ мальчику, чтобы онъ удалилъ отсюда собаку.

— Ахъ, да!.. здѣсь госпиталь! — замѣтилъ Алымовъ. — Это интересно. Я еще теперь только ѣду домой.. Я всю зиму леталъ и своимъ мужикамъ не мѣшалъ жить какъ имъ угодно.. Вѣдь мы имъ, право, только мѣшаемъ... Они сами — чудесный народъ и всегда какъ-нибудь обойдутся... А вы представьте меня, пожалуйста, вашей сестрицѣ: я объ ней много наслышанъ.

Отецъ представилъ его обѣимъ дамамъ, но тѣ поклонились ему черезъ плечо, не отрываясь отъ своего дѣла, и отецъ увелъ его въ домъ, а одинъ изъ дворовыхъ, подавая тетѣ дегтярное мыло и воду, чтобы вымыть руки, доложилъ ей вкратцѣ, что это за человѣкъ г. Алымовъ и какую онъ штуку сдѣлалъ, вымочивъ въ навозной жижи рожъ, чтобы сдѣлать ее несъѣдобной.

Тетя перевела это по-англійски Гильдегардѣ, а та прошептала: «O, God!» и сконфузилась какъ ребенокъ.

Алымовъ уже не могъ ожидать встрѣтить у этихъ женщинъ симпатіи и за обѣдомъ напрасно старался втянуть тетю въ разговоры: она или молчала, или говорила съ нами, т. е. съ дѣтьми, а Гильдегарда вовсе не вышла къ столу, потому что у нея разболѣлась голова.

Новый гость могъ бесѣдовать только съ моими родителями, да и то отецъ, повидимому, не радъ былъ ни его визиту, ни говорливости, но мама въ этотъ разъ была къ нему внимательна...

Она въ душѣ не долюбливала тетю Полли, которая всегда «брала все не въ мѣру»: то была «проказница», а потомъ стала «фантазерка», и теперь развела у насъ въ домѣ близкое и опасное сношеніе съ больными людьми, чего татанъ никогда бы не допустила!

Матанъ умѣла говорить немножко «въ пику» тѣмъ, чьи «правила» ей не нравились, и присутствіе майора Алымова давало ей прекрасный поводъ поиронизировать надъ причудами и выдумками «филантроповъ», затѣи которыхъ будто нимало не полезны для нашего народа, такъ какъ нашъ народъ превосходно вѣритъ въ Бога, и Богъ спасетъ его отъ всякихъ бѣдствій.

Алымовъ былъ совершенно тѣхъ же мѣнѣй и при концѣ обѣда резюмировалъ разговоръ:

— Вотъ я ни во что не мѣшался... И прекрасно!.. Къ чему?.. Я знаю, что всѣхъ спасти нельзя, и нечего пробовать! Не правда ли?.. А если нельзя помочь всѣмъ, то какое право мы имѣемъ дѣлать однимъ людямъ предпочтеніе передъ другими!.. Не правда ли? Если уже спасать, то спасать *всѣхъ* людей!.. Это я понимаю... Не правда ли? Но если я этого не могу, то я не мѣшаюсь... Я отхожу въ сторону и ничего не порчу, и... по крайней мѣрѣ я не посяваю зависти однихъ къ другимъ, какъ это на Западѣ, гдѣ все гнѣтъ, а не понимаютъ, отчего гнѣтъ? Не правда ли?.. Но у насъ этого нѣтъ... И вотъ, когда я могу сдѣлать серьезное и существенное дѣло, которое я, какъ хозяинъ, давно задумалъ, я его и дѣлаю—я возвращаюсь на мой постъ и всѣ мои крестьяне получаютъ *ровно!*.. и если они не свиньи,—я оговариваюсь: если только они не свиньи,—то они навѣрно теперь поймутъ, что я для нихъ сдѣлалъ хорошее, а не дурное, и они благословятъ меня и отдадутъ мнѣ долгъ изъ новаго урожая!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Алымовъ уѣхалъ веселый и вдохновленный пасквозъ своимъ монологомъ, а ввечеру этого же дня къ намъ пріѣхалъ изъ Послова старикъ крѣпостной кондитеръ «бывшей княгини Д*», — очень почтенный человекъ, обучавшійся своему ремеслу въ Парижѣ. Онъ желалъ быть «допущенъ на очи» къ пріѣзжимъ дамамъ и въ витѣвато сложенной рѣчи изложилъ имъ, что онъ «рабъ своей госпожи, бывшей княгини Д*», и былъ за границей съ покойнымъ княземъ и служилъ «у него при дворѣ» въ Петербургѣ, а теперь прибылъ отъ своей госпожи, которая «болѣна мнѣнѣмъ»: она уже всю зиму не выходитъ изъ одной комнаты... въ другую переступить боится... а если переступитъ, то сейчасъ забеспокоится и говоритъ: «Я, вѣрно, что-то забыла?.. Скажите мнѣ, чтѣ я такое забыла? Боже мой!.. кака я несчастная! Отчего мнѣ никто не хочетъ напомнить?» А если сдѣлаетъ какое-нибудь распоряженіе, то очень странное. «Вотъ и теперь она прислала меня вамъ доложить, чтѣ отъ графа пришли въ посылкѣ двѣ шкуры отъ львовъ, которыхъ онъ убилъ, и она желаетъ подарить эти шкуры

бѣдственнымъ людямъ для ихъ постелей...» Поэтому его госпожа просить тетю и Гильдегарду, если онѣ позволяютъ, привезти къ нимъ эти шкуры, и очень желали бы еще отдать что-нибудь, «что можетъ годиться»...

Наши дамы выслушали этотъ докладъ обѣ вмѣстѣ, но такъ какъ Гильдегарда говорила по-русски очень дурно, то отвѣчала за себя и за нее тетя Полли.

Она сказала:

— Бѣднымъ людямъ можетъ годиться все, что имъ захотятъ дать, и даже львиныя шкуры годятся, — мы ихъ охотно возьмемъ и за нихъ очень благодаримъ, но постигать ихъ мужикамъ мы не будемъ.

— Конечно, сударыня! — съ почтительнымъ поклономъ отвѣчалъ кондитеръ. •

— Да, мы ихъ отошлемъ въ городъ и продадимъ ихъ, а на эти деньги купимъ, что понуждѣе.

— Разумѣется, сударыня! Какъ же можно иначе-съ! Я это и говорилъ компаньонкѣ... Львиныя шкуры мужикамъ!.. И много ли это... всего на двухъ человекъ... но вѣдь наша княгиня... онѣ... большыя мнѣніемъ и, — извините, — по-русски я не смѣлъ бы сказать о своей госпожѣ, а скажу по-французски, — онѣ совсѣмъ какъ... perroquet... Отъ горя своего въ послѣдней разлукѣ съ супругомъ онѣ стали совсѣмъ въ дѣтствѣ. Если бы вы осчастливили ихъ видѣть и сказали бы имъ, что надо сдѣлать... онѣ бы рады... И даже, можетъ-быть, большія благодѣянія могли бы людямъ сдѣлать... Супругу ихъ мы не можемъ достаться, потому что онъ здѣшнихъ правъ не имѣетъ владѣть живыми людьми, но мы можемъ поступить послѣ ея смерти въ раздѣлъ ихъ дальнихъ родственникамъ, въ жестокия руки... Вы извините меня, что я, какъ рабъ, и притомъ смѣю такъ говорить; но ихъ племянники и племянницы пишутъ къ ихъ компаньонкѣ и къ іерею... и эти имъ отвѣчаютъ... Все это на нашу бѣду!.. Если бѣ госпожа понимала, что можно сдѣлать, — онѣ бы сдѣлали... Онѣ теперь двухъ картофелинъ въ мундирахъ не докушиваютъ — одну ссылаютъ на подачку бѣдственнымъ... Я ихъ мнѣніе понимаю: они алкаютъ добродѣтели... и не умѣютъ... Онѣ сказали про васъ компаньонкѣ: «Какія это дамы пріѣхали? Говорятъ, добрыя... Ахъ, когда бы были на свѣтѣ гдѣ-нибудь добрые люди!.. Я даже не вѣрю: говорятъ — эти дамы всюду сами ходятъ и не боятся...

Зачѣмъ я такъ не могу?..» Ихъ, вѣдь, такъ воспитали и... графъ (мы ихъ супруга называемъ для ихъ удовольствія *графомъ*—они французъ)... графъ ихъ робковать и онъ имъ сказалъ, что надо опасаться голодныхъ людей, — и самъ уѣхалъ.—и княгиня все боится, и затомили себя въ одной комнатѣ въ домѣ... Но если бы кто ихъ посѣтилъ, къ кому онѣ, какъ къ вамъ, расположились своею мечтою...

И старикъ вдругъ упалъ на колѣни, воздѣлъ руки вверхъ и зашепталъ придыханьемъ, рыдая:

— Рабыни Господни!.. Умилосердитесь... Разрушите совѣтъ нечестивыхъ!.. Придите!.. Вложите ей мысль... Она вѣдь добра... Быть-можетъ, она завѣщаетъ отпустить насъ на волю!

А пока онъ рыдалъ и это высказывалъ, тетя и Гильдегарда переслались другъ съ другомъ своими говорящими глазами, и отвѣтъ ихъ былъ готовъ.

— Онъ есть тутъ лошадь? — спросила Гильдегарда, касаясь своимъ пальцемъ до груди слуги.

Какъ квакерша, она никому не говорила «вы», и не желая говорить «ты» тѣмъ, съ кѣмъ это было неудобно, употребляла мѣстоименія въ третьемъ лицѣ, касаясь при этомъ рукою того человѣка, къ которому относились ея слова.

Кондитеръ былъ присланъ съ кучеромъ въ рессорной разсылной телѣжкѣ, и когда Гильдегарда получила отвѣтъ, что есть на чемъ ѣхать, — она сейчасъ же встала и взяла со стола импровизированную шляпу, сшитую ей вчера теткою изъ сѣраго коленкора.

Тетя сказала ей одно только слово:

— Конечно!

Имъ было достаточно этого слова, чтобы понять въ немъ все, что было нужно.

Но этотъ день, о которомъ я рассказываю, приводя къ концу мои воспоминанія о нашихъ домашнихъ событіяхъ при проводахъ голоднаго года,—былъ днемъ удивительныхъ сюрпризовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Гильдегарда, уѣхавшая въ сумерки, не возвратилась къ ночи.

Для разстоянія въ четыре или въ пять верстъ, которое отдѣляло нашу деревушку отъ богатаго села Послова, было довольно времени, чтобы съѣздить въ два конца и имѣть достаточно времени для дѣловаго разговора или для перваго знакомственнаго визита, къ избалованной и одичавшей

капризницѣ и недотрогѣ, какою всѣ и не безъ основанія считали «бывшую княгиню» Д. Но Гильдегарда не возвращалась.

Отца это обезпокоило, и онъ хотѣлъ непременно послать за ней свои дрожки въ Послово,—даже и маман находила это необходимымъ, но тетя настойчиво потребовала, чтобы этого не дѣлали.

Тетя сказала о Гильдегардѣ:

— Она безъ надобности нигдѣ тратить время не станетъ, а если она находитъ, что ей тамъ есть дѣло, то для чего ее отрывать оттуда *по нашимъ соображеніямъ*, когда она пошла туда по волю Бога?

Маман было неспрiятно, что тетя такъ безцеремонно думаетъ, будто ихъ туда и сюда посылаетъ Богъ.

Она это ей и сказала, конечно, съ смягчающей шуткой, но та ей отвѣтила совершенно серьезно:

— Я не возьму моихъ словъ назадъ: Богъ дѣйствительно посылаетъ туда и сюда всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ вездѣ исполнить не свою волю, а послужить другимъ.

Тетя согласилась только на то, чтобы отецъ послалъ верхового—проѣхать до Послова и посмотреть: не случилось ли съ Гильдегардой и ея кондитеромъ что-нибудь въ дорогѣ? А негласно посланному велѣно было какъ-нибудь разузнать: отчего не возвращается англичанка?

Посланный скоро возвратился и привезъ извѣстіе, что путники доѣхали благополучно, и что англичанка у госпожи Д* и выходила съ ней на балконъ.

Тетя улыбнулась и сказала:

— Вотъ видите: она ее уже выводитъ на чистый воздухъ.

Утромъ Гильдегарда вернулась и сказала что-то тетѣ очень тихо,—въ отвѣтъ на что та покраснѣла и отвѣтила:

— Для чего ей это дѣлать? Я сама сейчасъ къ ней поѣду. Братъ! дай мнѣ лошадь въ Послово.

Такой оборотъ былъ неожиданъ и невѣроятенъ: эти двѣ женщины, соперничество которыхъ когда-то было такимъ непримиримымъ, что никто не могъ думать объ ихъ встрѣчѣ, шли нынче навстрѣчу другъ другу, и даже спѣшили одна другую предупредить въ этомъ движеніи!..

Для чего это имъ было нужно?

Но тетя уѣхала и цѣль ея поѣздки оставалась загадкою, а прежде чѣмъ она успѣла вернуться къ намъ, прискакалъ самъ на себя не похожій Алымовъ.

Онъ былъ блѣдень, разстроень и растрепанъ, его кокъ упалъ и повисъ, галстукъ сбился на бокъ и венгерка разстегнута...

— А чтò я вамъ говорилъ!—началь онъ, входя въ залу и ни съ кѣмъ не здороваясь.

Отецъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Я не помню, чтò такое вы мнѣ говорили?

— Я говорилъ вамъ вчера... и вашей сестрѣ, что наши люди—это не люди, а это скоты!

— Ну, хорошо... я этого что-то не помню; но, впрочемъ, что жъ дальше?

— Моя яровая рожь вся тю-тю!

— Какъ?

— Тю-тю вся до послѣдняго зерна!

— Но вѣдь она была у васъ подъ замкомъ?

— Подъ большимъ американскимъ замкомъ, котораго невозможно ни отпереть безъ ключа, ни сбить, не разоривъ двери.

— Ну, и что же?

— Просверлили дыры въ доскахъ въ полу и все выпустили!

— Когда же это?

— Почему же я могу это знать! Меня всю зиму не было дома... А Кромсай, подлецъ, которому я, какъ вольному чело-вѣку, поручалъ наблюдать и обѣщаль дать ему за это теленка, говоритъ: «должно-быть, зимой помаленьку цѣдили». А куда же, спрашиваю, они ее дѣли? — «Должно-быть, говоритъ, слопали»... Ну, не скоты ли!.. Вѣдь она, говорю, была вонючая!.. я ее нарочно припоганилъ! «Такъ, гово-рять, поганковатую, вѣрно, и слопали». А чего «вѣрно», когда онъ самъ же, подлецъ, ее и лопалъ!

— Почему же вы это узнали?

Алымовъ закашлялся, покраснѣлъ и, вытащивъ изъ кармана венгерки мужичью трубку съ мѣдной крышкой, швырнулъ ее на столъ и закричалъ:

— Смотрите ее!.. Вотъ почему!.. Это его, подлеца, трубка... Не правда ли? ее подъ амбаромъ нашли... Онъ еще и всю усадьбу сжечь могъ. Я ихъ теперь всѣхъ, подлецовъ, разнесу... Я имъ сказалъ: «Я прямо поѣду къ исправнику и потребую сюда временное отдѣленіе земскаго суда... Пусть васъ всѣхъ заберутъ и заморятъ!..» А онъ еще, этотъ Кромсайка... вообразите, даетъ мнѣ въ родѣ родительскаго наставленія... «Погоди, — говорить, — ты еще младъ чело-

вѣкъ, тебѣ еще много вѣку надо на землѣ жить да радоваться... а ты себя укорочать хочешь... Это моя трубка, ничего что она моя... У меня ее, брать, украли да тебѣ подкинули... Это все вороги... народъ воровской—шельмы... А ты ихъ не замай... прости... Богъ съ ними... Ты ужъ того, что пропало, не воротишь, а потерни—оно само вѣрнѣе въ другой оборотъ придеть... А то укоротятъ тебѣ вѣку»... Вообразите, краснымъ пѣтухомъ меня пугать стали!.. «Спать, — говорить, — дѣло сусѣдское: развѣ какому-нибудь жигуну огонька сунуть долго! У тебя постройка хозяйственная — весь дворъ въ кольцо — запылаеть, и живой не выпрыгнешь». Стращать меня!.. Не правда ли? Но это неправда!.. Я не французъ изъ города Бордо... я не поѣду въ Африку львовъ стрѣлять, а сейчасъ прямо къ губернатору.

Отецъ сталъ его уговаривать и увелъ къ себѣ въ кабинетъ, потому что въ это время возвратилась тетя и отецъ не хотѣлъ ей показывать Алымова, положеніе котораго было и крайне смѣшно, и жалостно.

Впрочемъ, на этотъ разъ отецъ мой имѣлъ удачу: онъ успокоилъ майора и уговорилъ его побывать у губернатора, но не сильно жаловаться, и лучше простить мужиковъ, не разыскивая, кто изъ нихъ «полопалъ» приногаженную рожь.

Губернаторъ далъ ему тотъ же самый совѣтъ, которому Алымовъ и внять, и смиловился надъ мужиками, — онъ «простилъ ихъ». А зато его Богъ простилъ и пропажа его «возвратилась другимъ оборотомъ»: дивный урожай, слѣдовавшій за голоднымъ сороковымъ годомъ, — обсменилъ его поля самосѣвомъ, и Алымовъ «сжалъ, гдѣ не сѣялъ».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Свиданіе же тети Полли съ бывшей княгиней Д*, вѣроятно, имѣло что-то неудобопередаваемое. Тети вернулась домой въ сумерки, когда всѣ мы, дѣти, сидѣли вокругъ Гильдегарды Васильевны въ отведенной для нихъ комнатѣ. Англичанка показывала сестрѣ моей, какъ надо дѣлать «квадратный пшурокъ» на рогулькѣ и въ то же время рассказывала всѣмъ намъ по-французски «о несчастномъ Іудѣ изъ Керіота». Мы въ первый разъ слышали, что это былъ человекъ, который имѣлъ разнообразныя свойства: онъ любилъ свою родину, любилъ отеческій обрядъ и испытывалъ

страхъ, что все это можетъ погибнуть при переиначеніи понятій, и онъ сдѣлалъ ужасное дѣло, «предавъ кровь неповинную».

Въ это время въ комнату вошла тетя Полли и, сказавъ всѣмъ намъ общее привѣтное слово, опустилась на стоявшее въ углу кресло.

— Что жъ вы замолкли?—сказала она:—продолжайте говорить, о чемъ вы говорили.

Гильдегарда Васильевна мелькомъ взглянула на нее и продолжала объ Иудѣ, и закончила, что если бы онъ былъ безъ чувствъ, то онъ бы не убилъ себя, а жилъ бы какъ живутъ многіе, погубивши другого.

Тетя прошептала:—Правда.

Англичанка спустила паузу и сказала:

— Ты довольна собой или нѣтъ?

Тетя Полли хрустнула пальцами руки и отвѣчала:

— Не знаю, но... она такъ трогательна, она переноситъ на меня такія чувства, что мнѣ хочется плакать.

Въ голосѣ у нея въ самомъ дѣлѣ звучали слезы. Англичанка опять дала паузу и потомъ тихо сказала:

— Титанія...

Но тетя перебила скороговоркою:

— Ахъ, конечно, конечно!.. Титанія, доразсвѣтлая Титанія, которая еще не видитъ, что она впотьмахъ цѣловала... ослала!..

— Я этого не сказала,—замѣтила, смутясь, Гильдегарда.

— Ничего, мой другъ! Ничего! я знаю, ты не хочешь, чтобы я «предавалась воспоминаніямъ», ну, и карай меня!

Тетя ласково кинула на плечи англичанкѣ свои руки и сказала:

— Ты Петръ, и это значитъ: «камень»; и ты блаженна,—но прости насъ, грѣшныхъ!

И она, кажется, хотѣла спуститься и стать на колѣни, только Гильдегарда успѣла схватить ее подъ плечи и воскликнула:

— Полли! Полли! Неужели я тебя оскорбила!?

— Нѣтъ,—отвѣчала тетя:—мнѣ просто... хочется плакать. Онѣ обнялись, и тетя два раза всхлинула, потомъ утерла слезы и, улыбувшись, сказала:

— Вотъ когда *аминь!*

Свиданіе это имѣло также и другія разнообразныя добрыя послѣдствія, изъ числа которыхъ два были очень замѣчательны. Первое состояло въ томъ, что больныхъ въ нашей мѣстности съ этихъ поръ уже не приходилось болѣе

власть на кострикѣ въ холодной ригѣ, потому что «бывшая княгиня» построила «для всей мѣстности» прекрасную больницу и обезпечила ее «на вѣчныя времена» достаточнымъ содержаніемъ; и второе: слезы кондитера, рыдавшего и воздымавшего руки къ «рабынямъ Господнимъ», были отерты: въ Пословѣ было написано завѣщаніе, дававшее послѣ смерти Д* «всѣмъ волю».

Это было величайшее событіе во всей губерніи, которая такого примѣра даже немножко испугалась.

А кромѣ того, въ день отъѣзда отъ насъ тети и Гильдегарды, «бывшая» Д* сама прѣѣхала къ намъ, чтобы еще разъ видѣть обѣихъ этихъ женщинъ.

Я ее помню, эту «Титанію», — какая она была «нетлѣнная и жалкая»: вся въ лиловомъ бархатномъ капотѣ на мягчайшемъ мѣхѣ шеншелѣ, — дробненькая, миниатюрная, съ крошечными руками, но припухлая, и на всѣхъ смотрѣла съ какимъ-то страхомъ и недоверіемъ. Ея лицо имѣло выраженіе совы, которую вдругъ освѣтило солнце: ей было и неприятно, и больно, и въ то же время она чувствовала, что не можетъ теперь сморгнуть въ сторону.

Мнѣ показалось, что вотъ это и есть онъ самъ — воплощенный голодъ ума, сердца, чувствъ и всѣхъ понятій.

Тетѣ некогда было съ нею теперь заниматься, потому что, узнавъ объ ихъ отъѣздѣ, пришло множество больныхъ и всѣ ожидали у балкона, на которомъ тетя и Гильдегарда ихъ осматривали, обмывали и гдѣ было необходимо — дѣлали проколы и надрѣзы.

«Бывшую» Д* посадили въ кресло на этомъ же балконѣ. Она сама не хотѣла отсюда удалиться и смотрѣла съ величайшимъ вниманіемъ на все, чтѣ дѣлала тетя, и наконецъ даже сама захотѣла принять хоть какое-нибудь непосредственное участіе и сказать человѣку хоть теплое слово.

Къ этому и представился поводъ въ томъ случаѣ, который особенно поразилъ вниманіе ея голоднаго ума.

Въ числѣ женщинъ, пришедшихъ съ большими дѣтьми, стояла баба неопредѣленныхъ лѣтъ, худая, съ почернѣвшей кожей; она была беременна и имѣла при себѣ трехъ дѣтей, изъ которыхъ двое тянулись за матернюю юбку, а третье безпомощно пицало у ея изможденной груди.

У всѣхъ дѣтей лица были въ красныхъ отмѣткахъ наружной болѣзни, которую въ крестьянствѣ называютъ «огинкѣ».

Это поразило даму, и она устремила на бабу пристальный взоръ и, не умѣя соразмѣрять голоса, сказала ей строго:

— Это зачѣмъ столько!?

— Что матушка?

— Зачѣмъ столько... дѣтей?

— Да вѣдь какъ же мнѣ быть-то? замужемъ я... сударынька!

— Ну, и что же такое!.. И я замужемъ... Дѣтей нѣтъ.

— Ваше дѣло иное, сударынька...

— Отчего дѣлю иное? Пустяки!

— Какъ пустяки, болѣзная: вы живете въ такихъ-то широкихъ хоромахъ... Накось какое мѣсто... занимаете... просторъ вамъ... разоидетесь и не сустрѣтитесь; а у насъ избы тѣсныя, все мы вмѣстяхъ да вмѣстяхъ...

— Ну, и не надо!

— Да не надо, а приключается.

Тутъ сразу и баба, и дама остановились, и тетя расхохоталась, а Гильдегарда сконфузилась. Тогда и «бывшая» Д* что-то поняла и, осмотрѣвъ бабу въ лорнетъ, проговорила:

— *Savez-vous: elle est maigre, mais...*

Дама вдругъ вздрогнула, нѣсколько разъ перекрестилась и прошептала:

— *Retire-toi, Satan!*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Прощаясь съ тетей, дама еще выкинула претрогательную штуку, которая была бы въ состояніи очень сконфузить тетю, если бы та не была находчива.

Когда тетя простилась и съ этою дамою, и со всѣми нами, и перецѣловала всѣхъ окружавшихъ ее дворовыхъ женщинъ и горничныхъ дѣвушекъ, и уже занесла ногу на спускную ступеньку коляски, — «бывшая» Д* ринулась къ ней, какъ дитя къ страстно-любимой нянькѣ, и закричала:

— *Arrêtez! Arrêtez!*

— Что вамъ угодно, *princesse*?

— Вотъ именно... вотъ и объ этомъ... Если можно... я могу буду вамъ это отдать?

Она держала вынутый изъ кармана капота конвертъ.

— Что это такое?

— Мой *testament*... я всѣхъ на волю.

— Ахъ, это надо послать въ опекунскій совѣтъ!

— Да, вотъ, ужъ это именно вы... Я боюсь сдѣлать именно такъ, какъ не надо.

Тетя взяла конвертъ.

— И еще... мнѣ скажите,—проговорила и залпнулась Д*:— что я могу буду или нѣтъ къ вамъ написать?

— Пожалуйста!

— И вы мнѣ будете писать отвѣтъ?

— Непремѣнно!

— Тогда... еще одно... Я могу буду васъ попросить...

— Все, что угодно.

— Не пишите мнѣ *princesse*, а... напишите мнѣ...

— Просто ваше имя?

— Нѣтъ!.. напишите мнѣ просто: *ты!*

Тетѣ, вѣроятно, показалось, что она ослышалась, и она недоумѣло и тихо спросила:

— Что?

А та ей робко и краснѣя прошептала: — «ты»! я хочу: «ты»!

Тогда тетя вдругъ вся вспыхнула, нагнулась къ ней, поцѣловала ее и сказала ей твердо и громко:

— Хорошо: я *тебѣ* напишу «ты» и буду о *тебѣ* думать съ любовью, которой «ты» стоишь.

Тутъ и произошло для финала нѣчто смутившее тетю, потому что бывшая ея соперница и «бывшая» Д* вдругъ сжала въ своихъ рукахъ и поцѣловала *ея руку!*..

Но тетя Полли, я говорю, была находчива: она успѣла взять обѣ ея руки и обѣ ихъ поцѣловала, и сказала:

— Будь счастлива—и прощай, а то я, пожалуй, при всѣхъ разревусь здѣсь, какъ дура!

Подозрѣвали тогда, что въ мозгу Д* въ это время была уже такая путаница, что она не узнавала въ тетѣ Полли лицо, нѣкогда се сильно уязвившее; но это была неправда. Компаньонка этой дамы рассказывала, что, сдѣлавъ знакомство съ тетей, Д* постоянно ею бредила и искала случая говорить о ней, и всякій разговоръ заключала словами:

— Что жъ... ее вѣдь не любить нельзя... Я *ею* понимаю... Нельзя!..

А когда Д* вскорѣ послѣ этого умерла, то въ мелкихъ вещахъ, завѣщанныхъ ею разнымъ лицамъ, нашли конвертикъ, ею самую надписанный на имя тети Полли. Онъ былъ

тщательно-прегигантально обвязанъ шелковымъ шнурочкомъ и припечатанъ два раза, и въ немъ оказался миниатюрный портретъ «робковатаго» стрѣлка львовъ, за котораго онъ когда-то взаимно ненавидѣли другъ друга, и потомъ, вѣроятно, обѣ почувствовали, что ненавидѣть другъ друга ни за что на свѣтѣ—не стоить!

Чувствительные люди, которымъ сдѣлалось извѣстно объ этомъ подаркѣ, были этимъ очень тронуты, и поняли дѣло такъ, что миниатюра подарена тетѣ Полли, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы она перешла княжнѣ Валѣ, которая приходилась слишкомъ сродни тому, чьи черты передавала миниатюра; но тети какъ-то всю эту тонкость проманкировала и о миниатюрѣ не осталось ни памяти, ни слѣда.

Эта Титанія, очевидно, уже не придавала никакого значенія миниатюрамъ прошлыхъ увлеченій, которыя померкли въ лучахъ озарившаго ее великаго Солнца Любви, свѣтящаго въ вѣчность...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Голодный годъ прошелъ: злаки взопли, и люди, и животныя стали сыты. Хлѣбъ созрѣлъ необыкновенно рано. Въ половинѣ юня мужики уже парили въ горшкахъ рожь и ѣли ее немолотую, а къ Петрову дню пекли «новый хлѣбъ».

Петровъ день—это былъ «нашъ престолъ» и «нашъ праздникъ». Духовенство обходило съ образами приходъ, пѣло молебны и собирало «новину». На улицѣ опять «шла гульба», было «сыго и пьяно»; высоко «подмахивали качели», и молодые люди, стѣной наступая другъ на друга, пѣли: «А мы просо сѣяли!» А другіе отвѣчали: «А мы просо вытопчемъ. Ой, дидъ Ладо, вытопчемъ!» А за ручьемъ на косогорѣ, гдѣ былъ кабакъ, разливало: «Наваримте, братцы, пива молодого»...

Пошла опять знакомая струя, но эти звуки, долетавшіе въ нашу дѣтскую, мнѣ уже не были милы. Я уже разсуждалъ, что это за «дидъ», что за «Ладо»? Зачѣмъ одни хотять «вытоптать» то, что «посѣяли» другіе? Я былъ тронутъ съ стараго мѣста... Я ощущалъ *голодь* ума и мнѣ были милы тѣ звуки, которые я слышалъ, когда тетя и Гильдегарда пѣли, глядя на звѣздное небо, давнее имъ «зрѣніе», при которомъ можно все простить и все въ себѣ и въ другихъ успокоить.

О „КВАКЕРЯХЪ“.

(Post-scriptum къ «Юдоли».)

«Honnuy soit qui mal y pense».

Мои ретроспективные рассказы, напечатанные подъ заглавіемъ «Юдоли», вызвали у нѣкоторыхъ лицъ недоумѣнія: нѣкоторымъ изъ читателей показалось странно, откуда взялась квакерша въ русскомъ домѣ 30 — 40-хъ годовъ?! Этимъ читателямъ помнится, что тогда въ дворянскую жизнь скорѣе врѣзывалось романтическое вліяніе римскаго католичества, къ которому покровительственно относились оберъ-прокуроръ синода кн. Голицынъ и другія вліятельныя особы тогдашней поры, но что тогда, будто бы, отнюдь неизвѣстно было «суровое — квакерское, религіозное резонерство». А потому упомянутымъ читателямъ думается, что эпизодъ съ выведенной у меня квакершей Гильдегардой какъ будто бы не подходитъ къ тому времени и отдаетъ свѣтомъ иной, позднѣйшей поры, наступившей послѣ появленія въ русскомъ обществѣ англичанина, лорда Редстока. При чемъ мнѣ дѣлаютъ указанія на сочиненія протоіерея Михаила Як. Морошкина и гр. Дм. Андр. Толстого о іезуитахъ, а также и на то, что писали о Редстокѣ кн. Мещерскій и другіе, «совоспитанные ему». Нѣкто же, болѣе прочихъ увѣренный въ основательности своихъ свѣдѣній по исторіи «постороннихъ религіозныхъ вліяній», утверждаетъ, будто «квакеровъ даже и не видали въ Россіи до вышѣшняго (1892) года, когда они прибыли сюда

подъ именемъ *Друзей* и привезли въ Россію денежную помощь для голодныхъ».

Такія замѣчанія очень многозначительны для писателя, и на всѣ эти, съ разныхъ сторонъ доходящія до меня замѣчанія я считаю необходимою дать читателямъ моихъ воспоминаній объясненіе.

Вначалѣ скажу, что я, конечно, читалъ и знаю, что писали о католичествѣ въ Россіи протоіерей Морошкинъ и графъ Дм. Толстой, а о Редстокѣ есть книга, написанная мною самимъ, и за свѣдѣніями объ этомъ англичанинѣ мнѣ нѣтъ никакой надобности обращаться къ сочиненіямъ кн. Мещерскаго,—а затѣмъ перехожу къ объясненіямъ по самому существу выраженныхъ «недоумѣній».

Совершенно справедливо и въ историческихъ изысканіяхъ послѣдняго времени съ достовѣрностью доказано, что въ тридцатыхъ годахъ среди русской знати имѣло значительный успѣхъ стороннее вліяніе римскаго католичества, а не протестантство, но это отнюдь не доказываетъ, что тогда совсѣмъ не имѣли участія въ русской жизни и другія религиозныя вѣянія, исходившія отъ людей, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ «піетистовъ» (отъ *pietas*—благочестіе), въ числѣ которыхъ были и *квакеры*.

Такъ какъ въ «Юдоли» я сообщаю воспоминанія, касающіяся только моего родственнаго круга, то для оправданія себя лично я почелъ бы достаточнымъ сказать, что по отношенію къ протестантамъ мы въ своемъ родственномъ кругу были въ особливыхъ, сближающихъ условіяхъ, такъ какъ одна изъ моихъ тетокъ была замужемъ за англичаниномъ, и всѣ мы (тогдашняя молодежь) выросли въ уваженіи къ вѣрованіямъ и благочестію родственнаго намъ англійскаго семейства, въ которомъ наши старшіе нерѣдко ставили намъ, молодымъ, на видъ образцы дѣятельной христіанской жизни, послужившіе намъ во многомъ примѣрами. Мнѣ кажется, одной этой ссылки было бы довольно, чтобы читателю стало ясно, какъ въ семью нашу проникалъ немножко духъ англійской религиозности, и почему живая душа тети Полли послѣ своихъ хромыхъ движеній туда и сюда—на оба колына—нашла облегченіе и попутный ходъ къ свѣту въ содружествѣ такой женщины, какъ описанная мною молодая и очень красивая квакерша Гильдегарда Ва-

сильевна, которую тея Полли встрѣтила случайно, быстро ее поняла и оцѣнила, а потомъ страстно къ ней привязалась и часто называла ее своею «крестною матерью», хотя безъ всякаго сомнѣнія Гильдегарда надъ моею тетушкою воднаго крещенія не повторяла.

Московскіе старожилы, которымъ сколько-нибудь памятно англійское населеніе «Шкотовскаго дома» въ Леонтьевскомъ переулкѣ, конечно знаютъ, что тамъ, въ этомъ старомъ домѣ, пока онъ принадлежалъ г-жѣ Шкотъ (мачихѣ мужа моей тетки), всегда былъ выборъ англичанокъ, занимавшихъ мѣста воспитательницъ. И это всегда были особы нравственныя, иногда очень образованныя и всегда строго религіозныя.

Отсюда онѣ разѣзжались «на мѣста» по Россіи, и по преимуществу въ тѣ губерніи, гдѣ четыре сына «старога Шкота» (Якова Яковлевича) занимались управленіемъ большими помѣщичьими имѣніями Нарышкиныхъ и Перовскихъ.

Сосѣди просили ихъ рекомендовать «англичанокъ» *благонадежныхъ* и получали какъ разъ такихъ, какихъ просили.

Изъ этихъ воспитательницъ очень многія «приросли» къ своимъ воспитанницамъ и остались друзьями ихъ *на всю жизнь*. А между ними бывали и методистки, и квакерки. Ни рекомендатели, ни наниматели въ этомъ никакой разницы не полагали *).

*) Теперь мнѣ приходится на память одинъ не важный, но характерный случай, дополняющій картину отношеній родственниковъ моихъ къ квакерскимъ женщинамъ. Изъ числа моихъ двоюродныхъ братьевъ одинъ овдовѣлъ въ очень молодыхъ годахъ и у него осталось трое дѣтей, съ которыми онъ не зналъ какъ управиться, и очень тосковалъ по своей прекрасной скончавшейся женѣ. Тетка наша, бывшая за англичаниномъ, очень сожалѣла этого своего племянника, но раздѣляла его опасенія, что жениться во второй разъ очень рискованно, ибо первобрачнымъ дѣтямъ при мачихѣ будетъ худо. Они перебирали на совѣтъ множество извѣстныхъ имъ дѣвушекъ и все находили, что «ненадежно» и «страшно»: жена можетъ выйти изрядная, а для того, чтобы вышла добрая мачиха, — ни одна этому не отвѣчала. Тогда тетка и сказала племяннику: «Развѣ вотъ что: если ты дѣйствительно честный человекъ и хочешь жениться для счастья семьи, а не для одной своей утѣхи, то поѣзжай въ Англію, найди тамъ себѣ расположеніе въ квакерской семьѣ и женись на квакеркѣ. Онѣ умѣютъ приводить миръ въ домъ». Родственникъ нашъ такъ и сдѣлалъ. — онъ уѣхалъ въ Шотландію на цѣлый годъ и возвратился оттуда съ молодою женою, которая въ первый же день своего пріѣзда въ домъ мужа собственноручно вымыла babysoap'омъ уши его дѣтямъ и повела ихъ такъ, что ничьи глупыя наущенія не по-

Слѣдовательно, квакерѣ придти въ орловское дворянское семейство тогда было очень просто, и она для этого не имѣла надобности прибѣгать ни къ какимъ хитростямъ. На этомъ, я думаю, можно бы и кончить, ибо ясно, что въ нашъ родственныи кругъ было откуда придти квакернѣ; но такимъ образомъ выяснился бы только частный случай, касающійся нашего родства; да и въ томъ читатель долженъ бы былъ принимать мои слова на-вѣру,—чего я не желаю. А я хочу и долженъ основательно удостовѣрить читателя, что квакеры впервые появились въ Россіи не въ 1892 году, «съ пособіемъ», а что они были здѣсь гораздо ранѣе, не только «до Редстока», но даже и до нашего рожденія,—и что присутствіе ихъ (мужчинъ и женщинъ, и даже *особенно женщинъ*) у насъ тогда уже очень чувствовалось и даже вызывало правительственныя мѣры. Къ этому теперь и прошу вниманія.

Я не знаю, по какому случаю въ Сибирь были сосланы изъ Россіи «слѣдователи квакерской ереси: квакеры и квакеры» (*sic*), но въ числѣ нѣсколькихъ бумагъ о «сибирской старинѣ», подаренныхъ мнѣ покойнымъ сибирскимъ уроженцемъ,—извѣстнымъ золотопромышленникомъ и русскимъ генералъ-майоромъ Веніаминомъ Ивановичемъ Асташевымъ, есть обстоятельная записка именно «о квакереяхъ» (т.-е. женщинахъ), и въ этой интересной запискѣ, составленной со ссылками на года и на лица, значится слѣдующее:

мѣшали ей овладѣть ихъ почтеніемъ и любовью. А когда это такъ пошло, то другой братъ этого родственника, холостой, тоже пожелалъ жениться на англичанкѣ и притомъ на такой, которую ему посоветуетъ взять свояченица. Та это обдумала и исполнила: она дала ему письмо въ свою родную семью, гдѣ онъ нашелъ себѣ суженую въ младшей сестрѣ жены своего брата, и не избѣгъ этой судьбы: онъ женился на ней и остался навсегда въ Англии, въ семьѣ престарѣлаго тестя своего, а свое имѣніе въ Россіи передалъ брату и съ нимъ расчитался. Не возвращался онъ въ Россію, какъ говорили, потому, что здѣсь бракъ двухъ братьевъ съ двумя сестрами могъ быть признанъ незаконнымъ, а также и потому, что очень полюбилъ семейство жены и не хотѣлъ огорчать ее разлукою съ ея отцомъ. Итакъ, этотъ нашъ чистосердечный родственникъ съ очень милою, поэтической натурою навсегда отчуждился отъ родины и мы его совѣтъ потеряли изъ вида, но слышали, что онъ пользовался въ общинѣ прекрасною репутаціею и видѣлъ на себѣ и на семьѣ своей «благословеніе Божіе». — что по ихъ манерѣ выражаться замѣняетъ понятіе, усвояемое словомъ: онъ «былъ счастливъ».

«*Квакереями* въ преданіяхъ томскихъ старожиловъ называются *последовательницы квакерской ереси*, сосланныя въ томскій дѣвичь-монастырь, въ послушаніе и тяжкія монастырскія работы. Колонницы эти, числомъ двадцать двѣ, имѣли большое вліяніе на религіозныя понятія тогдашнихъ томскихъ обывателей. «Осужденныя за богомерзкую ересь, эти женщины прибыли въ томскій дѣвичь-монастырь въ 1744 году и оставались въ немъ даже и тогда, когда самый монастырь былъ уже упраздненъ и церковь его обращена въ приходскую. О нихъ въ памяти томскихъ старожиловъ сохраняется много «разнообразныхъ преданій». Преданія эти довольно обширны и излагать ихъ въ подробностяхъ для нашей цѣли нѣтъ надобности, но изъ всѣхъ изъ нихъ вытекаетъ прямой выводъ, что въ Сибири о «квакереяхъ» знали и сначала судили о нихъ различно, — кто хорошо, а кто худо: одни почитали «квакерей» за добрыхъ, благочестивыхъ женщинъ и относились къ нимъ съ большимъ уваженіемъ, а другіе видѣли въ нихъ вредныхъ «еретикъ» и пренебрегали ими. Эти послѣдніе обходились съ квакереями недружелюбно и желали вызывать противъ нихъ общее недобѣріе и строгости. Авторъ Асташевской записки (духовное лицо одной изъ сибирскихъ епархій), на основаніи извѣстныхъ ему соображеній, предполагаетъ, что не всѣ 22 томскія колонницы содержали квакерскую ересь, и что между ними были и другія сектантки: но во мнѣніи томскихъ обывателей всѣ онѣ неправильно почитались подъ одну стать «квакереями». Изъ нихъ, по разсказу этого очень обстоятельно освѣдомленнаго автора, особенно извѣстна была нѣкая *матерая Надѣжа Григорьевна*. По описанію, это была очень дородная женщина, «огромнаго роста», которая прославилась «благочестивою жизнью», и томскіе любители благочестія ходили къ ней молиться и «совѣтоваться въ семейныхъ дѣлахъ, а особенно въ горестяхъ»; а по сосѣдству съ «матерою Надѣжею Григорьевною» жилъ ей братъ «и другія *квакереи*», прожившія въ Томскѣ болѣе пятидесяти лѣтъ и оставившія по себѣ воспитанниковъ, подобныхъ по духу самой Надѣжѣ Григорьевнѣ». Но въ чемъ

*) О братѣ Надѣжи Григорьевны нѣтъ объясненія: былъ ли и онъ тоже квакеръ, и были ли съ нимъ сосланы тоже другія лица мужескаго пола, или онъ одинъ попалъ сюда при сестрѣ и другихъ квакереяхъ.

именно и какъ выражался духъ «матерой квакерей Надѣжи Григорьевны»—авторъ записки не разъясняетъ, но зато въ запискѣ встрѣчается отдѣльное упоминаніе о другой квакереѣ, по имени Маріи Матасовой, при которой значится, что ей ставили въ вину. Изъ отмѣтки о Матасовой видно, что въ 1826 году священникъ томскаго Благовѣщенскаго собора, Никифоръ Большанинъ, сдѣлалъ въ томское духовное правленіе «доносъ», въ которомъ притомъ прописалъ и общую характеристику дѣятельности «квакерей» (Указъ тобольской консисторіи 1826 г., за № 3067). Изъ доноса видно, что названный сибирскій духовный, надо полагать, имѣлъ что-то непріязненное противъ священника того монастыря, въ которомъ были заключены квакеры, и сочинилъ доносъ такъ, что значительная тягость помѣщенныхъ въ немъ обвиненій падала на монастырское духовенство. Соборный священникъ Большанинъ писалъ, что «хитрыя квакеры учили своихъ почитателей строго соблюдать всѣ внѣшніе обряды православія, казаться наружно православными и *задабривать, сколько возможно, приходскихъ священниковъ*, чтобы они не имѣли на нихъ никакого подозрѣнія. Эти наставленія онѣ прежде всего исполняли сами, и въ глазахъ своихъ монастырскихъ священниковъ *въ теченіе сорока лѣтъ казались строго православными*, такъ что эти священники, обязанные ежегодно доносить объ ихъ поведеніи, постоянно отзывались, что *присланныя квакерской ереси растрепанья-дѣвки житіемъ пребываютъ исправно и въру христіанскую содержатъ во всемъ, какъ христіанская должность повелываетъ*: до церкви святой для слушанія славословія Божія всегда ходятъ нелѣнно, у исповѣди и св. причастія бывають, инья по дважды, а другія по вся посты неотмѣнно, и *прежняю за ними злодѣйства нынѣ не оказывається»* («Репорты священника Шихова 1760 г. и Дульцова 1775 г.»).

Изъ вышесказаннаго ясно видно, что священники, которые должны были умѣть различать духъ ересей, разумѣли «присланныхъ» за послѣдовательницъ «квакерской ереси» и исправляли ихъ отъ «прежняго злодѣйства», которое, безъ сомнѣнія, заключалось въ квакерскомъ понятіи объ обрядахъ, о власти и о прочемъ, что отличаетъ религіозныя мнѣнія этихъ людей, ставящихъ выше всего личное духовное возрожденіе.

Такимъ образомъ записка, сохранившаяся въ бумагахъ извѣстнаго сибиряка, генерала Асташева, даетъ несомнѣнное удостовѣреніе, что «квакеры» у насъ дѣйствительно *были*, а даѣе,—эта же записка представляетъ и любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ эти квакеры дожили вѣкъ свой въ Томскѣ.

Настоятель томскаго мужскаго монастыря, архимандритъ Лаврентій, въ «промеморіи», поданной имъ посѣтившему Сибирь исторіографу Миллеру, объяснилъ, что въ дѣвничьемъ монастырѣ, въ которомъ жили присланныя двадцать двѣ дѣвки-квакеры, «положеніе бѣдственное: церковь одна, деревянная и весьма ветхая, та такова-жъ и ограда, келій шесть—все ветхія; вкладчиковъ, служителей и крестьянъ нѣтъ и земель и угодій не имѣется». А послѣ архимандрита Лаврентія самъ причтъ монастыря, гдѣ томилась квакеры, жаловался митрополиту Сильвестру, что у нихъ церковь уже «въ развалинахъ», «въ монастырѣ монахинь нѣтъ, а ссыльныя растриги *дѣвки-квакеры живутъ на мірскомъ подаяніи*» *).

*) Хотя и нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ справедливости объясненій, поданныхъ причтомъ митрополиту о томъ, что «квакеры живутъ мірскимъ подаяніемъ», но есть, однако, данныя, по которымъ можно предполагать, что и въ старости своей «квакеры» искали средствъ жить трудами рукъ своихъ и дѣлали что могли и что умѣли. Въ числѣ тѣхъ же самыхъ бумагъ, подаренныхъ мнѣ покойнымъ генераломъ Асташевымъ, есть разрозненные листки приходныхъ и расходныхъ тетрадей, изъ которыхъ видно, что старушки жили какъ-будто общиною.—сообща покупали писчую бумагу, свѣчи, чернила и краски и «писали заказы», т. е. занимались *списываніемъ книгъ*, за что получали плату и вносили ее общею статью на приходъ. Такъ же общимъ расходомъ показываны издержки на крупу, соль, масло, холстину и проч. обиходныя вещи. Есть у меня и три листка ихъ письменныхъ работъ, совершенно схожихъ съ такими же работами инокинь старовѣрческихъ скитовъ. Письмо мѣлкимъ и очень красивымъ полууставомъ, и очень красивыя заставки съ пестрою орнаментовкою, раздѣланной лазоремъ, кинноварью и золотомъ, и въ коймахъ цвѣты, птицы и травы со тщаніемъ. На одномъ листкѣ поздравительное письмо къ благодѣтельницѣ, на другомъ—отрывокъ какого-то «утѣшенія», а третій—самаго изящнаго письма и тонкаго, красиваго рисунка съ золотомъ—«стишокъ» или «пѣснь»,—весьма мпдая и особенно трогательная по положенію трудившихся надъ ея воспроизведеніемъ. Это «пѣснь къ душѣ», начинающаяся словами:

Авторъ записки, дошедшей до насъ черезъ руки генерала Асташева, доискивался и того, кто были эти томскіи квакеры, и пришелъ къ убѣжденію, что «это были *расколтницы, пристаившія къ немногимъ подлиннымъ русскимъ квакерамъ*».

Слѣдовательно, квакеры и «квакеры» были извѣстны отцамъ нашимъ.

Любопытная судьба сосланныхъ въ Сибирь квакерей, по запискѣ, дошедшей отъ генерала Асташева, кончилась тѣмъ, что двадцать изъ нихъ перемерли до 1784 года, но двѣ—Марія Дмитріевна и Анна Васильевна — жили очень долго, и когда монастырь развалился, онѣ сдѣлались предметомъ немалыхъ заботъ для начальства. Явился вопросъ о томъ, куда ихъ пристроить. «По закрытіи томскаго монастыря», который совсѣмъ обѣднѣлъ и разрушился, до того, что жить въ немъ стало невозможно, — квакерей Марью Дмитрову и Анну Васильеву «слѣдовало перевести въ енисейскій монастырь». Почему опять это такъ «слѣдовало» — изъ записки не видно, но видно, что тутъ вздумали по-смотреть на этихъ двухъ остальныхъ квакерей: каковы онѣ были въ это время, и тутъ увидали, что время ихъ не пощадило, и что онѣ уже такъ слабы и ветхи, что ихъ совсѣмъ «нельзя переводить», и «того ради» ихъ тогда рѣшились подвести подъ манифестъ «къ освобожденію изъ содержанія». Объ этомъ началась новая переписка и «продолжалась годъ», а въ апрѣлѣ 1784 года послѣдовало распоряженіе: «такъ какъ колодницы-квакеры Марія Дмитрова и Анна Васильева находятся въ Сибири чрезъ 39 лѣтъ, и *весьма престарѣлыя*, и черезъ такіе многіе годы отъ нихъ противности церкви святой не оказывается, то по старости ихъ, не переводя изъ онаго мѣста по отдаленности въ содержаніе, въ енисейскій штатный дѣвичъ

«Дума мол—странница,
 Не здѣшняго міра ты.
 Къ чему прильпнешься
 И чѣмъ очаруешься?
 Ты птичка зазетная.
 Пурхая (sic) по радостямъ,
 Пришла въ дебри страшныя,
 Невѣдѣныя дикаго».

монастырь, оставить по смерти ихъ при той же въ городѣ Томскѣ церкви (гдѣ былъ монастырь), при коей онѣ нынѣ находятся на мірекомѣ подаянн, подъ смотрѣніемъ духовнаго правленія, и приходскаго священника, и тамошняго городничаго, а вперёдъ ихъ въ числѣ колодниковъ уже не показывать».

О смерти этихъ двухъ послѣднихъ изъ «квакерей» въ запискѣ, дошедшей ко мнѣ отъ генерала Асташева, ничего не сказано, но надо думать, что старушки-квакеры и въ послѣдніе свои дни на землѣ никакихъ «противностей» и «злодѣйствъ» не оказали и ничѣмъ не испортили той доброй репутаціи, послѣдствіемъ которой было распоряженіе не посылать ихъ въ Енисейскъ, а оставить умереть тамъ, гдѣ онѣ прожили 40 лѣтъ, не причиня никакого вреда никакимъ людямъ.

Такого же духа была и «сердечный другъ» тети Поли—англичанка Гильдегарда.

Да будетъ легка какъ пухъ надъ ихъ костями земля русская и—*«Nonny soit qui mal y pense»*.

Лѣто 1892 г.

Мерекюль.

ПУСТОПЛЯСЫ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

На одномъ дорожномъ ночлегѣ по старому тракту сбилось такъ много людей, что всѣ мѣста въ просторной избѣ были заняты. Случились тутъ люди и конные, и пѣшие, и швецы, и жнецы, и удалые разносчики, и чернорабочіе, которые ходили дорогу чистить. На дворѣ было студено и всѣ, съ надворья входя, лѣзли погрѣться у припечка, а потомъ раскладывались, гдѣ кто мѣсто засталъ, и начали разговаривать. Сначала поболтали про такія дѣла, какъ неурожай да подати, а потомъ дошли и до «судьбы боже-ства». Стали говорить — отчего это Богъ Иосифу за семь лѣтъ открылъ, что въ Египтѣ «неурожай сойдетъ», а вотъ теперъ такъ не дѣлаетъ: теперъ живутъ люди и бѣды надъ собою не ожидаютъ, а она тутъ и вотъ она! И начали говорить объ этомъ всякій по-своему, но только одинъ кто-то съ печки откликнулся и сразу всѣхъ занять; онъ такъ сказалъ:

— А вы думаете, что если бы намъ было явлено, когда бѣда придетъ, такъ развѣ бы мы отвели бѣду?

— А разумѣется.

— Ну, напрасно! Мало, что ли, у всѣхъ въ виду самого яснаго, чего отвести надо, а однако не отводимъ.

— А что, напримѣръ?

— Да вотъ, напримѣръ, чего еще яснѣй того, что бѣдныхъ и несчастныхъ людей есть великое множество, и что пока ихъ такъ много, до тѣхъ поръ никому спокойно жить нельзя; а вѣдь вотъ про это никто и не думаетъ.

— Вот то-то и есть! А если бь предвѣщеніе объ этомъ было—небось бы поправились.

А тотъ съ печи отвѣчаетъ:

— Ничего бь не поправились: не въ предвѣщеніи дѣло, а въ хорошемъ разумѣ. А разума-то и не слушаютъ; ну, а какъ предвѣщенія придуть, такъ они не обрадуютъ.

Его и стали просить рассказать про какой-нибудь такой примѣръ предвѣщенія, и онъ началъ сразу сказывать.

— Я вѣдь уже старикъ, мнѣ седьмой десятокъ идетъ. Первый большой голодъ я помню за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, какъ наши на венгра шли, и вышла тогда у насъ въ селѣ удивительность.

Тутъ его перебили излишнимъ вопросомъ: откуда онъ?

Рассказчикъ быстро, но нехотя оторвалъ:

— Изъ села Пустоплясова. Знаешь, что-ль?

— И не слышали.

— Ну, такъ услышишь, что у насъ въ Пустоплясахъ случилось-то; смотри, чтобы и у васъ въ своемъ селѣ чего-нибудь на такой манеръ не состроилось. А теперь помолчите, пока я докончу вамъ: моя сказка не длинная.

Стало въ томъ у насъ удивительно, что вокругъ насъ у всѣхъ хлѣба совсѣмъ не родило, а у насъ поле какъ-то такъ островкомъ вышло задачное,—урожай Богъ далъ средственный. Люди плачутъ, а мы Бога благодаримъ,—говоримъ: слава тебѣ, Господи! А что намъ отъ сосѣдей тѣснота придетъ, о томъ понимать не хотимъ. А сосѣди намъ всѣ завидуютъ; такъ и говорятъ про насъ: «Божьи любимчики: мы у Господа въ наказаніи, а вы въ милости». «И какимъ-де вы святителямъ молились и которымъ чудотворцамъ общались?» А наши ужъ и чванятся, что въ самомъ дѣлѣ они въ любви у Господа: убираемъ, жнемъ, кошны домой возимъ и снопы на овины сажаемъ да на токахъ молотимъ... Такая трескотня идетъ, что любя-два! И сейчасъ послѣ этого сряду пошло баловство: накололи убины, свезли попамъ новины, наварили бражки, а потомъ мужики норовятъ винца понить, а бабы съ утра затѣваютъ: «аль натѣрушковъ натѣрить! аль лепсѣчекъ спечь!» И ѣдимъ да пьемъ во вредъ себѣ больше, чѣмъ надобно. По другимъ деревнямъ вокругъ мякиною и жмыхомъ давятся, а мы въ утѣху себѣ говоримъ: вѣдь мы не

причинны въ томъ, что у другихъ голодно. Мы вѣдь имъ вреда на поляхъ не дѣлали и даже вмѣстѣ съ ними по весѣ на поляхъ молились, а вотъ нашу молитву Господь услышалъ и намъ урожай сослалъ, а имъ не пожаловалъ. Все въ Его волѣ: Господь праведенъ; а мы своихъ сосѣдовъ не покидаемъ и передъ ними не горжаемся: мы имъ помогаемъ кусочками. А сосѣди-то къ намъ и взаправду повадились каждень да и безперечь, и все идутъ да идутъ и что дальше, то больше, и стали они намъ очень надокучисты. Такъ пришло, что не токмо не кажись на улицѣ, а и въ избѣ-то стало посидѣть нельзя. потому что слышно, какъ все тянутъ голодные свою скорбинку: «Б-о-ж-ь-и л-ю-б-и-м-ч-и-к-и-и! сотворите святую милостыньку Христа ради!» Ну, разъ дашь, и два дашь, а потомъ ужъ дальше постучишь въ окно да скажешь: «Богъ подасть, милые! Не прогнѣвайся!» Что же дѣлать-то! Хорошо, что мы «Божьи любимчики», а имъ хоть и пять ковригъ изрѣжь, ихъ все равно не накормишь всѣхъ! А когда отошлешь его отъ окошка, — другая бѣда: самому стыдно дѣлается себѣ хлѣбъ рѣзать... То-есть ясно, какъ не надо ясныѣ, Господь тебѣ въ сердце кладетъ, что надо не отсылать, а надо иначе сдѣлать, а пока чего должно не сдѣлаешь — пельзя и надѣяться жить во спокойствіи.

И надо бы, кажется, это понять, а вотъ, однако, не поняли; тогда и превозвѣстникъ пришелъ, — его прогнали.

Тутъ по избѣ шопоткомъ пронеслось:

— Слушайте, братцы, слушайте!

Запечный гость продолжалъ:

— Такъ доняли насъ голодные сосѣди, что намъ совсѣмъ стало жить нельзя. а какъ помочь бѣдѣ — не вѣдаемъ. А у насъ лѣсникъ былъ Федось Ивановъ, большой грамотникъ и умѣлъ хорошо всѣ дѣла разбирать. Онъ и сталъ говорить:

— А вѣдь это не хорошо, братцы, что мы живемъ какъ безчувственные! Что ни суди, а живемъ мы всѣ при жестокости: бѣдственнымъ людямъ норовимъ корочку бросить, — нешто это добродѣтель есть? — а сами для себя все вѣдь съ затѣями: то лепешечекъ намъ, то натѣрушковъ. Ахъ, не такъ-то совсѣмъ бы надо по-Божьи жить! Ахъ, по-Божьи-то надо бы намъ жить теперь въ строгости, чтобы себѣ какъ можно меньше извѣсть, а больше дать бѣдствен-

нымъ. Тогда, можетъ-быть, легкость бы въ душѣ освѣтилася, а то прямо сказать — дыханья нѣтъ! Въ безразсудьѣ-то омраченіе, а чуть станешь думать и въ свѣтъ себя приводить—такое предстанетъ терзательство, что не знаешь, гдѣ легче мучиться, и готовъ молить: убей меня, Господи, отъ разу!

Федось, говорю, начитавшись былъ и брать отъ всего къ размышленію человѣчному, какъ, то-есть, что человѣку показано... въ обществѣ... То-есть, какъ вотъ одинъ перстъ болить — и все тѣло неспокойно. Но не нравилось это Федосово слово игрунамъ и забавникамъ во всемъ Пустоплясовѣ. Онъ, бывало, говоритъ:

— Вы, почтенные старички, и вы, молодой народъ, на мои слова не сердитесь: мои слова—это не самъ я выдумалъ, а отъ другого взялъ; сами думайте: эти люди, которые хотятъ веселиться, когда за порогомъ другіе люди бѣдствуютъ, они напрасно такъ думаютъ, будто помѣхи не дѣлаютъ, — они съютъ зависть и тѣмъ суть Богу противники. Теперь, братцы, надо со страдающими пострадать, а не праздновать—не вино нить да лепешкой закусывать.

Старики за это на Федоса кривились, а молодые ему стрекотали въ отвѣтъ:

— Чего ты тутъ, дядя Федось, очень развякался! Что ты попъ, что ли, какой неостриженный? Намъ и попъ такихъ рѣчей не уставливалъ. Если намъ Богъ милость сослалъ, что намъ есть что ѣсть, то отчего намъ и не радоваться? Пьемъ-ѣдимъ тоже вѣдь все въ славу Божию: съѣдимъ и заьемъ и отойдемъ—перекрестимся: слава-те, Господи! А тебѣ-то что надобно?

Федось не сердился, а только зналъ, что отвѣтить.

— Несмысленные! что тутъ за слава? Никакой славы нѣтъ, что вы будете лепешки жевать до отвала, когда люди кожурой давятся! А вы вотъ такую славу вознесите Христу, чтобы видѣли всѣ, что вы у Него въ послушаніи... Вѣдь Его же есть слово къ намъ: «пусть знаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если имѣете любовь между собою!»

Но только ничего Федось не усилялъ, и всѣ ему наотрѣзъ грубили, и особенно ему перечила своя его собственная внучка Маврутка, — одна только она у него и осталась отъ всего поколѣнія, и онъ съ нею съ одною и жилъ въ избѣ, а была она съ нимъ несогласная: такая-то

была вертеница и Ѳедоса не слушалась, и даже озорничала съ нимъ.

— Ты,—бывало, скажетъ,—очень ужъ старъ сталъ, такъ вотъ и пужаешь всѣхъ и нѣтъ совсѣмъ при тебѣ никакой веселости. Чего ты пристаешь ко всѣмъ: «Богъ» да «Богъ»? Это мы и въ церкви слышали, и крестились, и кланялись, а теперь надо веселаго!

Онъ ей, бывало, скажетъ:—«Эй, не хорошо, Мавра! Бога падо постоянно видѣть передъ собою, на всѣхъ мѣстахъ ходящаго и къ тебѣ понятно глаголющаго, что тебѣ хорошо, а чего ненадобѣ».—А дѣвка на эти слова отъ себя зачастить-зачастить и всякій разъ кончить тѣмъ, что:—«Ты простой мужикъ, а не понъ, и я не хочу тебя слушаться».

А онъ ей:

— Я простой мужикъ—я въ поны и не суюся, а ты не суди, кто я такой, а суди только мое слово: оно вѣдь идетъ на добро и отъ жалости.

А внучка отвѣчаетъ:

— Ну, ладно: въ молодомъ-то вѣку не до жалости; въ молодомъ вѣку надо счастье попробовать.

А Ѳедось ей и сказалъ:

— Ну, что дѣлать—испробуешь, только вѣдь не насытисься.

Итакъ, гдѣ, бывало, съ дѣдомъ Ѳедосомъ люди ни сойдутся—сейчасъ всѣ противъ него; а онъ все толкуетъ, что надо жить въ тихости, безъ шума и грохота, да только никакъ съ людьми не столкуется, и съ Мавруткою къ празднику нелады у него по домашеству; пристаётъ она:

— Дай, дѣдко, мучицы просѣять, спечь лепешечекъ!

А онъ этого не хочетъ, говорить:

— Ышь рѣшотный хлѣбъ, отъ другихъ не отличай себя.

Мавра и злится:—«Насъ,—говорить,—Богъ отличилъ, а ты морить хочешь!»

Ѳедось отвѣчаетъ:—«Эхъ, глупая! еще невѣдомо, для чего вы отличены; можетъ-быть, и не для радости, а въ поученіе».

И когда разъ одинъ Маврутка такъ на Ѳедоса разсердилась, такъ взяла да и сказала ему:

— Не дай Богъ съ тобой долго жить, хоть бы померъ ты.

Но Ѳедось и тутъ не разсердился.—«Что же такое!.. Ни-

чего! Погоди, вотъ скоро похороните; можетъ-быть, потомъ поминать станете».

А молодые-то и расхохотались:

— Еще, моль, чего! Тебя, стараго ворчуна, вспоминать будемъ!

Да и старички-то, которыхъ звалъ онъ «почкенные», не на его сторонѣ становились, а тоже, бывало, говорятъ:— Чтò онъ превышается—лучше всѣхъ хотеть быть во всемъ въ Пустоплясовѣ! Довольно знаемъ мы всѣ его: вмѣстѣ и водку съ нимъ пили, и съ бабами пѣсни играли—чего великатится!

Молодые это слышать и рады, и иной озорной подойдетъ къ нему и говорить:

— Дѣдь Федось!

— А что тако?

— А вонъ чтò про тебя старики-то сказываютъ!

— Да! Ну-ка, давай, послушаемъ.

— Говорять... будто ты... Стыдно сказывать!

— Ну что?.. ну что? Не тебѣ это стыдно-то!

— Когда молодой-то былъ...

— У, былъ пакостникъ!.. Школы намъ, братцы, не было! Бойло было, а школы не было.

— Говорять, ты солдаткѣ въ половень гостинцы носилъ!

— Да и хуже того, братцы мои, дѣлывалъ. Слава Богу, многое уже позабылося... Видно, Богъ простилъ, а вотъ... людямъ-то все еще помнится. Не живите, братцы, какъ я прожилъ, живите по-лучшему: чтобъ худого про васъ людямъ вспоминать было нечего.

А мы, разъ отъ раза больше все ошибаючись, попали, братцы, передъ святками въ такое безстыжество, что мало намъ стало натѣруховъ да лепешекъ, а захотѣли мы завести забавы и игрища. Сговорились мы, потаймя отъ своихъ стариковъ, нарядиться какъ можно чуднѣе, медвѣдями да чертями, а дѣвки — цыганками, и махнуть за рѣку на постоянный дворъ шутки шутить. А Федось какъ-то узналъ про это и пошелъ ворчать:

— Ахъ, вы,—говорить,—безстыжіе! Это вы мимо голодныхъ-то, дразнить ихъ пойдете, что ли, съ пѣснями? Слушай, Мавра, итъ тебѣ моего позволенія!

Мы всѣ ее у Федоса отпрашиваемъ:

— Пусти, молю, ее, Федось Ивановичъ, что тебѣ ся вѣкъ тожить!

А онъ отвѣчаетъ:

— Пошли вы, пустошни! Какое въ этомъ утомленіе, чтобы не пустить человѣка изъ себя дурака строить!

— Ну, да ты, молю, ужь всегда такой: ото всѣхъ все премудрости требуешь!

— Не премудрости,—говорить,—а требую, что Господь велить,—на ближнія разумнія: ближній въ скорбѣхъ, и ты не попрыгивай.

— Да развѣ ближнему-то хуже отъ этого?

— А разумѣется,—не вводи его въ искушеніе, а въ себѣ не погубишь доброту ума.

— Ну, вотъ, молю, ты опять все про вумственность! Это падокуцнло! Небось, когда молодъ былъ самъ, такъ не разсуживалъ, а игралъ, какъ и прочіе.

— Ну, и что же такое,—отвѣчаетъ дѣдъ Федось.— Я вѣдь ужь не разъ сознавался вамъ, что въ молодыхъ годахъ я много худого дѣлалъ, такъ неужели же и вамъ теперь долженъ тоже совѣтовать дѣлать худое, а не доброе! Эхъ, неразумные! Съ пьянымъ-то, чай, вѣдь надо говорить не тогда, когда онъ пьянъ, а когда высинется. Молодой я пьянъ былъ всякой хмелиною, а теперь, слава Богу, повыспался. А если бы я былъ человѣкъ не грѣшный, а праведный, такъ я бы и говорилъ-то съ вами совѣтъ на другой манеръ: я бы вамъ, можетъ, прямо сказалъ: Богъ это вамъ запрещаеть, и можетъ за это придти на васъ наказаніе!

Тутъ за это слово всѣ на Федоса поднялись.

— Нѣтъ, нѣтъ!—закричали.—Что ты, какъ воронъ, все каркаешь! Это все ты самъ повывдумывалъ! Веселье и въ церквахъ поминается. Давыдъ-царь и игралъ, и плясалъ, и на свадьбѣ-то мало ли вина было пошито. Ты своего не оставяй,—это намъ не запретное. Если бы похотѣлъ Господь, чтобы поворотить народъ на другую путь, Онъ бы не тебя послалъ, а особаго посла-благовѣстника.

Федось имъ желалъ внушить, что не намъ судить, какого посла куда посылаетъ Богъ, а что слово Господне—духовное и черезъ кого оно доходитъ, черезъ того все равно и засмѣняется: кто въ божьихъ смыслахъ говорить, того и

послушайся, а нарочныхъ пословъ не жди. Нарочный-то, бываетъ, такъ придетъ, что и не поймешь его.

Ну, а все же хоть и всё съ дѣдомъ спорили, а въ открытость супротивъ его дѣлать стыдились, потому что когда вспомнится намъ то, что старики про половень говорили, мы Ѳедоса будто и не уважаемъ, а потомъ вздумаемъ, что онъ давно уже человѣкъ справедливый сталъ, а тѣ, «почтенные»-то, все еще вокругъ половни ходятъ—намъ Ѳедоса и совѣстно. Грѣшникъ-то онъ, правда, что грѣшникъ былъ. да вѣдь онъ отстоялся ужъ и повернулъ себя на хорошее! Свое-то намъ справить хочется, а его все-таки стыдно. И стали мы съ своими намѣренными крыться и сдѣлали уговоръ вечеромъ на рождественъ день собираться всё въ ригу и ждать другъ дружку въ углу, въ колосѣ, а потомъ идти всей гурьбой переряженнымъ къ дворнику. А мы знали, что у дворника праздникъ какъ слѣдуетъ: быка залобанили, трехъ свиней зарѣзали и двѣ бочки браги наварено. Пойдемъ, молъ, напоемся, а на обратномъ пути дѣвки пусть себѣ гдѣ знаютъ хоронятся.

Такія зашли затѣи хорошія!

Пошли у насъ хлопоты: разные мы одежды припасаемъ да прячемъ въ потайныхъ мѣстахъ. Боимся только, чтобы не подсмотрѣли за нами сосѣди немущіе да наши похоронки не украли бы.

Мы нягъ до сочельника все подавали кусочки, а подъ сочельникъ бабы и дѣвки сказали нягъ:

— Слушайте, вы, немущіе! вы чтобы завтра не смѣть приходите сюда, потому что мы завтра будемъ сами въ печкахъ мыться и топорами лавки скрестъ. Завтра намъ не до васъ. Обходитесь какъ знаете.

Маврутка захотѣла свои уборы вынести въ ригу, когда дѣдь Ѳедосъ въ лѣсъ пойдетъ, и вотъ, когда все, что надо было, у себя въ избѣ отмыла и отскребла, да поглядѣла въ окно, а на улицѣ, видить,—мятель и сиверка, такъ что дышать трудно. Маврутка думаетъ: «дай скорѣе сомчу, а то дѣдь воротится!» и только-что отворила дверь, какъ сдушило ее сиверкой, а передъ самымъ ея лицомъ на жерновомъ камнѣ у порожка нищенское дитя стоитъ, и какое-то будто особенное: обликъ нѣжный, а одежды на немъ только одна рваная свиточка и въ той на обоихъ плечахъ

дыры, соломкой заправлены, будто крышечки сломаны да въ соломку завернуты и тутъ же приткнуты.

Маврутка на него осердилася.

— Чего тебѣ,—говорить,—для чего въ такой день пошелъ! Ишь ты, нѣтъ на васъ пропасти!

А дитя стоитъ и на нее большими очами смотритъ.

Дѣвка говоритъ:—«Что же ты бѣльма выпучилъ! Прочь пошелъ!»

А оня и еще стоитъ.

Маврутка его повернула и сунула:

— Пошелъ въ болото!

А сама побѣжала, и никакого ей безпокоя на душѣ не было, потому что вѣдь сказано всѣмъ имъ было, чтобы не ходить въ этотъ день—чего же таскается!

Прибѣжала Мавра въ ригу да прямо въ дальній уголь и тамъ въ сухомъ колосѣ все свое убранье и закопала, а когда восклонила, чтобы назадъ идти—видитъ, что этотъ лупоглазый ребенокъ въ воротахъ стоитъ.

Маврутка на него опалилася.

— Ты, плелудивый,—говорить,—подельжасишь меня, чтобы скрасть мое доброе! Такъ я отучу тебя!—Да и швырнула въ него тяжелый цѣпъ, а цѣпъ-то такой былъ, что дитя убить сразу могъ, да Богъ даль—она промахнулася, и съ того еще больше осердилась, и погналася за нимъ. А оня не то за уголь забѣжала, не то со страху въ какой-нибудь овинъ нырнула, только Мавра не нашла его и домою пошла, и поспѣнасть, чтобы придти прежде, чѣмъ дѣдъ Ѳедосъ воротится изъ лѣсу, а на самоѣ на нее сталъ страхъ нападать, будто какъ какая-то бѣда впереди ея стоитъ или позади вслѣдъ за ней гонится.

И все чѣмъ она шибче бѣжитъ, тѣмъ сильнѣе въ ней духъ занимается, а тутъ еще видитъ, что у нихъ на заваленкѣ будто кто-то сидитъ...

Маврутка вдругъ стала смотреть: что это, неужели опять лупоглазый тамъ?..

Дѣвка-ровесница съ ведромъ шла и спрашиваетъ:

— Что у тебя, нога, что ли, подвихнулася?

А Маврутка машетъ ей и говоритъ:—«Послушай-ка, что тебѣ нашу избу видно?»

Та отвѣчаетъ:—«Видно».

— А что это такое тамъ у насъ подѣ окномъ на за-
валенкѣ?

— Это твой дѣдъ Федосъ сидить...

— У тебя, можетъ-быть, курья слѣпота въ глазахъ?

— Чего еще! Ярко его вижу, вонъ онъ руки въ рукави-
цахъ на костыль положилъ, а нѣдромъ носить. Тяжело его
удуше бьетъ...

— А робенка луноглазаго не видишь тамъ?

— Луноглазое дитя-то нонѣ по всему селу ходило, а те-
перь его нѣтути...

А Маврутка ей говорить, что она сейчасъ луноглазое
дитя видѣла и что онъ подсмотрѣлъ, гдѣ она свой уборъ
закопала.

— Теперь,—говорить,—то и думаю, что онъ, *стылый,
откопаетъ да и выкрадетъ.

— Пойди перепричь скорѣй!

— И то сбѣгаю!

А сама чувствуетъ, что теперь ужъ ей въ ригѣ было бы
боязно.

И тутъ Мавра съ дѣдомъ опять не въ ладъ сдѣлала,
такъ что онъ сказалъ ей:

— Ты, должно-быть, задумала что-нибудь на своемъ по-
ставить. Смотри, бѣды бѣ не вышло!

Она отвѣчаетъ:—«Не удержишь меня!»

— Чего силою держать... и не надобно... А тебѣ, слышь,
чего же тамъ понравилось?... Назадъ-то пойдете, ребята
чтобъ васъ не обидѣли.

— Закаркалъ, закаркалъ опять! Никого не боимся мы,
а тамъ праздникъ какъ слѣдуетъ,—тамъ били бычка и
трехъ свиней, и съ солодомъ брага варена...

— Вона что наготовлено изступленія! И пьяно, и убоисто...

— А тебѣ и свиней-то жаль!

— Воробья-то мнѣ и того-то жаль, и о его-то головкѣ!
вѣдь есть вышнее усмотрѣніе...

— О воробьиной головкѣ-то?

— Да!

— Усмотрѣніе?

— Да!

— Тьфу!

Мавра враскатъ громко плюнула.

Дѣдъ сказалъ:—«Чего-жъ плюешься?»

— На слова твои плюнула.
— На мой-то наплюй,—не груби только Хозяину.
— Онъ мяѣ и ненадобецъ.
— Вона какъ!
— Разумѣется!.. Пусть его илюбымъ коньямъ гривы мнеть.

— Что городишь-то, неразумная! Я тебѣ говорю про Того, Кому мы всѣ работать должны.

— Ну, а я не разумѣю и не хочу.

— Что это,—работать-то?

— Да.

— Поработаешь. Не всѣ, вѣдь, вольною волею работаютъ,—другіе неволею. И ты поработаешь.

Мавра черезъ гнѣвъ просмѣялася и говоритъ:

— Полно тебѣ, дѣдь, въ самомъ дѣлѣ, видно, правда, что ты съ ума сошелъ!

А дѣдь посмотрѣлъ и отвѣтилъ ей:

— Господь съ тобой, умная!—и самъ на нечъ полѣзъ, а она схватила подъ полу его фонарь со свѣчой и побѣжала въ ригу своей нарядъ перенячивать.

А въ ригѣ-то уже темно, и страхъ на нее тутъ такъ и налетѣлъ со всѣхъ сторонъ выѣстъ съ ужасью: такъ ее и за плечо беретъ, и ноги ея путаетъ. Думаетъ: «дай скорѣй огонь зажгу—смѣлѣй станеть». Черкнула спичкою разъ и два—что-то у самого лица будто пролетѣло. Она зажгла фонарь и перекрестилась, а только зашла въ уголь къ колосу, какъ вдругъ съ одной стороны къ ней штанка, а съ другой другая,—точно не хотять допустить ее!

И видитъ она, что это ей не кажется, а взаправду есть: откуда-то слетѣли воробушки и пали на колосъ въ свѣтъ и сидятъ-глядятъ на нее, натопорщившись...

«Давай скорѣе выхвачу да и убѣгу»,—думаетъ Мавра, и стала скорѣй руками колосъ разворачивать, а тамъ подъ рукой у нея что-то двинулось и закололося... Она—цапъ посылнѣй, а ей откуда ни снади еще воробей, и трещетъ, и чирикаетъ... «Тыфу, молъ, что тебѣ надобно? Проклятый ты!» Взяла его да и сорвала съ него головопечку, а сама не замѣтила, какъ съ сердцемъ въ злости фонарь бросила и отъ него въ-разъ солома все всполыхнула; а оттуда-то, изъ кучи-то—что вы скажете!—возстаетъ оное дитя лупоглазое и на челушкѣ у него росить кровь.

Тутъ ужъ Мавра забыла все и бросилась бѣжать, а огонь потекъ съ бурей въ повсемѣстности и истлилъ за единый часъ все, чѣмъ мы жили и куражились...

И стало намъ хуже всѣхъ тѣхъ, которые докучали намъ, потому что не только у насъ весь хлѣбъ погорѣлъ, а и жить-то не въ чемъ было, и пошли мы всѣ къ своимъ нищимъ проситься пожить у нихъ до теплыхъ дней.

А дѣдъ-то Федось на пожарѣ опека весь и вставать не сталъ; ну, а все ладилъ въ ту же стать и говорилъ другимъ съ утѣшеніемъ:

— Ничего,—говорить,—хорошо все отъ Господа посылается. Вотъ какъ жили мы въ Божьихъ въ любимчикахъ—совсѣмъ, было, мы позабылись,—хотѣли все справлять свои дурости, а теперь Господь опять насъ наставить на лучшее.

Такъ и померъ съ тѣмъ,—съ этой вѣрой-то!

А какое это было дитя, и откуда, и куда оно въ пожаръ дѣлося—такъ никогда потомъ и не дознался, а только стали говорить, будто это былъ ангелъ и за нечувствительность нашу къ нему мы будто были наказаны.

— Все равно,—говорилъ Федось:—кто бы ни былъ онъ,—бѣдное дитя всегда «Божій посоль»: черезъ него Господь наше сердце пробуетъ... Вы всѣ стерегитесь, потому что съ каждымъ вѣдъ такой посоль можетъ встрѣтиться!

ДУРАЧОКЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Кого надо считать дуракомъ? Кажется, будто это всякій знаетъ. а если начать свѣрять, какъ кто это понимаетъ, то и выйдетъ, что всѣ понимаютъ о дуракѣ не одинаково. По академическому словарю, гдѣ каждое слово растолковано въ его значеніи, изъяснено такъ, что «дуракъ—слабоумный человѣкъ, глупый, лишенный разсудка, безумный, шутъ»... Въ подкрѣпленіе такого толкованія приведенъ словесный примѣръ: «Онъ былъ и будетъ дуракъ-дуракомъ». «Дурачокъ—смягченіе слова дуракъ». Ученіе этого объясненія уже и искать нечего, а между тѣмъ въ жизни случается встрѣчать такихъ дураковъ или дурачковъ, которымъ эта кличка дана, но они, между тѣмъ, не безумны, не глупы и ничего шутовского изъ себя не представляютъ... Это люди любопытные, и про одного такого я здѣсь и расскажу.

Былъ у насъ въ деревнѣ безродный крѣпостной мальчикъ Панька. Росъ онъ при господскомъ дворѣ, ходилъ въ томъ, что ему давали, а тѣлъ на застольщинѣ вмѣстѣ съ коровницею и съ ея дѣтьми. Должность у него была такая, чтобы «всѣмъ помогать»; это значило, что всѣ должностные люди въ усадьбѣ имѣли право заставлятъ Паньку дѣлать за нихъ всякую работу, и онъ, бывало, безпрестанно работаетъ. Какъ сейчасъ его помню: бывало, зимою,—у насъ зимы бывають лютыя,—когда мы встанемъ и подбѣжимъ къ окнамъ, Панька уже везетъ на себѣ, изогнувшись, большія салазки съ вязанками сѣна, соломы и съ плетушками

колоса и другого мелкаго корма для скотины и птицъ. Мы встаемъ, а онъ уже наработался, и рѣдко увидишь его, что онъ присядеть въ скотной избѣ и ѣсть краюшку хлѣбца, и запиваетъ водою изъ деревяннаго ковшика.

Спросишь его, бывало:

— Что ты, Паня, одинъ сухой хлѣбъ жуешь?

А онъ шутя отвѣчаетъ:

— Какъ такъ «съ ухой»?—онъ, гляди-ко, съ чистой водницею.

— А ты бы еще чего-нибудь попросилъ: капустки, огурца или картошечки!

А Паня головой мотнетъ и отвѣчаетъ:

— Ну, вотъ еще чего!.. И такъ наѣлся,—слава-те, Господи!

Подпонышется и опять на дворъ идетъ таскать то одно, то другое. Работа у него никогда не переводилася, потому что всё его заставляли помогать себѣ. Онъ и конюшня, и хлѣва чистилъ, и скоту кормъ задавалъ, и овецъ на водной гоцилъ, а вечеромъ, бывало, еще себѣ и другимъ ланты плететь, и ложился онъ, бывало, позже всѣхъ, а вставалъ раньше всѣхъ до-свѣта и одѣтъ былъ всегда очень плохо и скаредно. И его, бывало, никто и не жалѣетъ, а всѣ говорятъ:

— Ему вѣдь ничего,—онъ дурачокъ.

— А чѣмъ же онъ дурачокъ?

— Да всѣмъ...

— А на примѣръ?

— Да что за примѣръ!—вонъ, коровница-то всѣ огурцы и картошки своимъ дѣтямъ отдаетъ, а онъ, хоть бы что ему... и не просить у нихъ, и на нихъ не жалуется. Дуракъ!

Мы, дѣти, не могли хорошо въ этомъ разобраться, и хоть глупостей отъ Паньки не слышали, и даже видѣли отъ него ласку, потому что онъ дѣлалъ намъ игрушечныя мельницы и тузочки изъ бересты,—однако и мы, какъ всѣ въ домѣ, одинаково говорили, что Панька дурачокъ, и никто противъ этого не спорилъ, а скоро вынешъ такой случай, что объ этомъ уже и нельзя стало спорить.

Былъ у насъ нанятъ строгій-престрогий управитель, и любилъ онъ за всякую вину человека наказывать. Ѣдетъ,

бывало, на бѣговыхъ дрожкахъ и по всѣмъ сторонамъ смотритъ: нѣтъ ли гдѣ какой несправности? И если замѣтитъ что-нибудь въ безпорядкѣ—сейчасъ же остановится, подзоветъ виноватаго и приказываетъ:

— Ступай сейчасъ въ контору и скажи моему именованному старостѣ, чтобы дали тебѣ двадцать-пять розогъ; а если слушаешь—я тебѣ вечеромъ при себѣ велю вдвое дать.

Прощенья у него ужъ и не смѣли просить, потому что онъ этого терпѣть не могъ и еще прибавлялъ наказаніе.

Вотъ разъ, лѣтомъ, ѣдетъ этотъ управляющій и видитъ, что въ молодыхъ хлѣбахъ жеребята ходятъ и не столько зелени рвутъ, сколько се топчутъ и копытами съ корнями выколупываютъ...

Управитель и расшумѣлся.

А жеребятъ въ этотъ годъ былъ приставленъ стеречь мальчикъ Петруша,—сынъ той самой Арины-коровницы, которая Панькѣ картошекъ жалѣла, а все своимъ дѣтиямъ отдавала. Петруша этотъ имѣлъ въ ту пору лѣтъ двѣнадцать и былъ тѣломъ много помельче Паньки и пофѣяше, за это его и дразнили «творожничкомъ» — словомъ, онъ былъ мальчикъ у матери избалованный и на работу слабый, а на расправу жидкій. Выгналъ онъ жеребятъ рано утромъ «на-росу», и стало его знобить, а онъ сѣлъ да укрылся свиткою, и какъ согрѣлся, то на него нашелъ сонъ—онъ и заснулъ, а жеребятки въ это время въ хлѣбъ и взошли.

Управитель, какъ увидалъ это, такъ сейчасъ стегнулъ Петю и говоритъ:

— Пусть Панька пока чь за своимъ, и за твоимъ дѣломъ посмотритъ, а ты сейчасъ иди въ разрядную контору и скажи выборному, чтобы онъ тебѣ двадцать розогъ далъ; а если это до моего возвращенья домой не исполнишь, то я при себѣ тогда тебѣ вдвое дамъ.

Сказалъ это и уѣхалъ.

А Петруша такъ и залился слезами. Весь трисется, потому что никогда его еще розгами не наказывали, и говорить онъ Панькѣ:

— Братъ милый. Панюшка, очень странно мнѣ... скажи, какъ мнѣ быть?

А Панька его по головкѣ погладилъ и говоритъ:

— И мнѣ тоже страшно было... Чтѣ съ этимъ дѣлать-то... Христа били...

А Петруша еще горче плачетъ и говоритъ:

— Боюсь я идти и боюсь не идти... Лучше я въ воду кинуся.

А Панька его уговариваль-уговариваль, а потомъ сказалъ:

— Ну, постой же ты: оставайся здѣсь и смотри за моимъ и за своимъ дѣломъ, а я скорѣй сбѣгаю, за тебя постараюсь,—авось тебя Богъ помилуетъ. Видишь, ты трусь какой.

Петруша спрашиваетъ:

— А какъ же ты, Панюшка, постараться?

— Да ужъ я штуку выдумаль—постараюсь!

И побѣжалъ Панька черезъ поле къ усадьбѣ рѣзвенько, а черезъ часъ назадъ идетъ, улыбается.

— Не робѣй,—говоритъ,—Петька, все сдѣлано: и не ходи никуда—съ тебя наказанье избавлено.

Петька думаетъ:

«Все равно: надо вѣрить ему»,— и не пошелъ; а вечеромъ управляющій спрашиваетъ у выборнаго въ разрядной избѣ:

— Что, настушонокъ утромъ приходилъ съѣхся?

— Какъ же,—говоритъ,—приходилъ, ваша милость.

— Взбрызнули его?

— Да,—говоритъ,—взбрызнули.

— И хорошо?

— Хорошо,—постарались.

Дѣло и успокоилось, а потомъ узнали, что высѣкли-то настушонокъ, да не того, котораго было назначено, не Петра, а Паньку, и пошло это по усадьбѣ и по деревнѣ, и всѣ надъ Панькой смѣялись, а Петю уже не стали съѣхъ.

— Что же,—говорили,—уже если дуракъ его выручилъ,—нехорошо двухъ за одну вину разомъ наказывать.

Ну, не дуракъ ли, взаправду, нашъ Панька былъ?

И такъ онъ все и дальше жилъ.

Сдѣлалась черезъ нѣсколько лѣтъ въ Крымѣ война и начали набирать рекрутъ. Плачь по деревнѣ пошелъ: никому на войнѣ страдать-то не хочется. Особенно матери о сыновьяхъ убиваются—всякой своего сына жалко.

А Панькѣ въ это время уже совершенные годы исполнились, и онъ вдругъ приходитъ къ помѣщику и самъ просится:

— Велите,—говоритъ,—меня отвести въ городъ—въ солдаты отдать.

— Что же тебѣ за охота?

— Да такъ, — отвѣчаетъ, — очень мнѣ вдругъ охота пришла.

— Да отчего? Ты обдумайся.

— Нѣтъ, — говоритъ, — некогда думать-то.

— Отчего некогда?

— Да нешто не слышно вамъ, что вокругъ плачутъ, а я вѣдь любимый у Господа, — обо мнѣ плакать некому, — я и хочу идти.

Его отговаривали.

— Посмотри-ка, молъ, какой ты неуклюжій-то: надъ тобой на войнѣ-то, пожалуй, всѣ расхохочутся.

А онъ отвѣчаетъ:

— То и радостнѣй: хохотать-то вѣдь веселѣе, чѣмъ ссориться; если всѣмъ весело станеть, такъ тогда всѣ и замирятся.

Еще разъ сказали ему:

— Утѣшай-ка лучше самъ себя да живи дома!

Но онъ на своемъ твердо стоялъ.

— Нѣтъ, мнѣ, — говоритъ, — это будетъ утѣшнѣе.

Его и утѣшили, — отвезли въ городъ и отдали въ рекруты, а когда сдатчики возвратились, — съ любопытствомъ ихъ стали разспрашивать:

— Ну, какъ нашъ дуракъ остался тамъ? Не видали ли вы его послѣ сдачи-то?

— Какъ же, — говорятъ, — видѣли.

— Небось, смѣются всѣ надъ нимъ, — какой увалень?

— Да, — говорятъ, — на самыхъ первыхъ порахъ-то было смѣялися, да онъ на всѣ на два рубля, которые мы дали ему награжденія, на базарѣ цѣлыя ночи широговъ съ горохомъ и съ кашей купилъ и всѣмъ по одному роздалъ, а себя позабылъ... Всѣ стали головами качать и стали ломать ему по половиночкѣ. А онъ застыдился и говоритъ:

— Что вы, братцы, я вѣдь безъ хитрости! Кушайте.

Рекрута его стали дружно похлопывать:

— Какой, молъ, ты ласковый!

А на утро онъ раньше всѣхъ въ казармѣ всталъ, да все убралъ и старымъ солдатамъ всѣмъ сапоги вычистилъ. Стали хвалить его и старики у насъ спрашивали: «что онъ у васъ дурачокъ, что ли?»

Сдатчики отвѣчали:

— Не дуракъ, а... малость средоу такъ.

Такъ Панька и пошелъ служить со своимъ дурачествомъ и провелъ всю войну въ «профосахъ»—за всѣми позади рвы копалъ да пакость закапывалъ, а какъ вышелъ въ отставку, такъ, по привычкѣ къ пастушеству, нанялся у степныхъ татаръ конскіе табуны пасти.

Отправился онъ къ татарамъ изъ Пензы и не бывалъ назадъ много лѣтъ, а скитался, гоняя коней, гдѣ-то вдали, около безводныхъ Рынъ-Песковъ, гдѣ тогда кочевалъ большой мѣстный богачъ Ханъ-Джангаръ. А Ханъ-Джангаръ, когда прѣзжалъ на Суру лошадей продавать, то на тотъ часъ держалъ себя будто и покорно, но у себя въ степи что хотѣлъ, то и дѣлалъ; кого хотѣлъ—казнилъ, кого хотѣлъ—того миловалъ.

За отдаленностью дикой пустыни слѣдить за нимъ было невозможно, и онъ, какъ хотѣлъ, такъ и своевольничалъ. Но расправлялся онъ такъ не одинъ: находились и другіе такіе же самоуправцы, и въ числѣ ихъ появился одинъ лихой воръ, по имени Хабибула, и сталъ онъ угонять у Хана-Джангара много самыхъ лучшихъ лошадей, и долго никакъ его не могли поймать. Но вотъ разъ сдѣлалась у однихъ и другихъ татаръ свалка, и Хабибулу ранили и схватили. А время было такое, что Ханъ-Джангаръ спѣшилъ въ Пензу, и ему никакъ нельзя было остановиться и сдѣлать надъ Хабибулою судъ и казнить его такою страшною казнью, чтобы навести страхъ и ужасъ на другихъ воровъ.

Чтобы не опоздать въ Пензу на ярмарку и не показаться съ Хабибулой въ такихъ мѣстахъ, гдѣ русскія власти есть, Ханъ-Джангаръ и рѣшилъ оставить при маломъ и скудномъ источникѣ Паньку съ однимъ конемъ и раненаго Хабибулу, окованнаго въ конскихъ желѣзахъ. И оставилъ имъ пшена и бурдюкъ воды и наказалъ Панькѣ строго:

— Береги этого человѣка какъ свою душу! Понялъ?

Панька говорить:

— Чего-жь не понять-то! Вполнѣ понялъ, и какъ ты сказала, я такъ точно и сдѣлаю.

Ханъ-Джангаръ со всей своей ордой и уѣхалъ, а Панька сталъ говорить Хабибулѣ:

— Вотъ до чего тебя твое воровство довело! Такой ты

большой молодецъ, а все твоё молодечество не къ добру, а къ злу. Ты бы лучше исправился.

А Хабибула ему отвѣчаетъ:

— Если я до сихъ поръ не исправился, такъ теперь ужъ и некогда.

— Какъ это «некогда»! Только въ томъ вѣдь и дѣло все, чтобы хорошо захотѣть человѣку исправиться, а остальное все само придетъ... Въ тебѣ вѣдь душа такая же, какъ и во всѣхъ людяхъ: брось дурное, а Богъ тебѣ сейчасъ начнетъ помогать дѣлать хорошее, вотъ и пойдетъ все хороше.

А Хабибула слушаетъ и вздыхаетъ.

— Идти,—говоритъ,—уже про это нестати и думать теперь!

— Да отчего же нестати-то?

— Да оттого, что я окованъ и смерти жду.

— А я тебя возьму да и выпущу.

Хабибула ушамъ своимъ не повѣрилъ, а Панька ему улыбается ласково и говоритъ:

— Я тебѣ не шучу, а правду говорю. Ханъ мнѣ сказалъ, чтобы я тебя «какъ свою душу берегъ», а вѣдь знаешь ли, какъ надо сберечь душу-то? Надо, братъ, ее не жалѣть, а пусть ее за другого пострадаетъ—вотъ мнѣ теперь это и надобно, потому что я терпѣть не могу, когда другихъ мучаютъ. Я тебя раскую и на коня посажу и ступай, спасай себя, гдѣ надѣешься, а если станешь опять зло творить—ну, ужъ тогда не меня обманешь, а Господа.

И съ этимъ присѣлъ и сломалъ на Хабибулѣ конскія жѣлѣзные путы, и посадилъ его на коня, и сказалъ:

— Ступай съ миромъ на всѣ стороны.

А самъ остался ожидать здѣсь возвращенія Хана-Джангара,—и ждалъ его очень долго, пока ручеекъ высохъ и въ бурдюкѣ воды осталось очень немножечко.

Тогда и прибылъ Ханъ-Джангаръ со своей свитой.

Осмотрѣлся Ханъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ Хабибула?

Панька отвѣчаетъ:

— Я отпустилъ его.

— Какъ отпустилъ? Что ты такое разсказываешь?

— Я тебѣ говорю то, что въправду сдѣлалъ по твоему

велѣнію и по своему хотѣнію. Ты мнѣ велѣлъ беречь его какъ свою душу, а я свою душу такъ берегу, что желаю пустить ее помучиться за ближняго... Ты вѣдь хотѣлъ замучить Хабибулу, а я терпѣть не могу, чтобы другихъ мучили,—вотъ возьми меня и вели меня вмѣсто его мучить,— пусть моя душа будетъ счастливая и отъ всѣхъ страховъ свободная, потому что вѣдь я ни тебя, ни другихъ никого не боюсь ни капельки.

Тутъ Ханъ-Джангаръ сталъ водить глаза во всѣ стороны, а потомъ на головѣ тюбетейку поправилъ и говоритъ своимъ:

— Подойдите-ка всѣ поближе ко мнѣ: я вамъ скажу, что мнѣ кажется.

Татары вокругъ Хана-Джангара стѣснились. А онъ сказалъ имъ потихонечку:

— А вѣдь Паньку, сдается, нельзя казнить, потому что въ душѣ его, можетъ-быть, ангелъ былъ...

— Да,—отвѣчали татары всѣ однимъ тихимъ голосомъ:— нельзя намъ ему вредить: мы его не поняли за много лѣтъ, а теперь онъ въ одно мгновенье всѣмъ намъ исцѣль сталъ: онъ вѣдь, можетъ-быть, праведный.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ХАРАКТЕРЫ.

Опытъ систематическаго обозрѣнія *).

«Народъ непремѣнно долженъ имѣть ясное понятіе о литературныхъ памятникахъ и источникахъ, которые вліяли на образованіе его идей и представленій».

Чт. въ Общ. Люб. Древн. Россійскихъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тридцать лѣтъ назадъ, когда у насъ много писали о женскомъ вопросѣ, не разъ было упоминаемо, будто въ Россіи репутаціи женщинъ былъ нанесенъ большой вредъ житійными сказаніями, которымъ вѣрили наши предки. Тамъ, будто, женщины постоянно выставляются соблазнительницами, стремившимися удалить мужчинъ отъ возвышенныхъ задачъ жизни и погрузить ихъ въ жизнь чувственную и безразсудную. Нѣкоторыми, болѣе горячими, чѣмъ основательными друзьями женскаго вопроса было выхвачено нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ, и тѣ примѣры, принятые безъ критики, до сей поры остаются въ непрерываемомъ значеніи убѣдительныхъ фактовъ. Между тѣмъ, на самомъ

*) Обозрѣніе это составлено по *древле-печатному, переводному* Прологу, редація котораго не соответствуетъ тому, который издается послѣ Петра Великаго. Древле-печатный, переводный Прологъ, содержащій въ себѣ приводимые здѣсь «прилоги», не входитъ въ кругъ церковныхъ книгъ и не только не пользуется церковнымъ авторитетомъ, но представляетъ книгу «отреченную», и сказанья его, по выраженію Θεοφана Прокоповича, относятся къ разряду «пустыль и смѣху достойныхъ басенъ». Интересъ имъ представляемый, есть собственно интересъ литературный и историческій.

дѣлѣ, это есть ложь, и въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто пожелаетъ познакомиться съ женскими типами Пролога.

Это здѣсь и предлагается.

Разбирая Прологъ, какъ повѣствовательный источникъ, я нашелъ въ немъ ровно *это* темъ или «прилоговъ», которые даютъ болѣе или менѣе пригодный матеріалъ для воспроизведенія въ повѣствовательномъ или пластическомъ искусствѣ, а изъ этихъ ста исторій—въ тридцати пяти участвуютъ женщины.

Годъ по Прологу начинался съ 1 сентября, и первое соблазнительное дѣло описано подъ 5-мъ числомъ сентября.

1) «По діаволу злохитрству, впаде въ блудъ иѣкій епископъ». Объ этомъ никто не зналъ въ его паствѣ; но епископъ былъ человѣкъ искренній и самъ не могъ снести своего грѣха; онъ пришелъ въ церковь, снялъ съ себя омофоръ и, ставъ предо всѣми на колѣни, началъ каяться, «глаголя: отсель не могу быти вамъ епископъ».

Словомъ—онъ принесъ публичное покаяніе въ блудномъ грѣхѣ, послѣ чего его надо было «извергнуть»; но какъ этотъ епископъ былъ человѣкъ очень добрый и люди его любили, то имъ стало жаль потерять его, и потому «возошша вси люди съ плачемъ: грѣхъ твой на насъ буди».

Епископъ отговаривался, но народъ настаивалъ на своемъ. Тогда растроганный епископъ, заливаясь слезами, потребовалъ себѣ отъ людей наказанія, а тѣ на это согласились, лишь бы онъ у нихъ остался. Но вотъ епископъ легъ на полъ у дверного порога и просилъ, чтобы каждый мірянинъ, выходя изъ церкви, толкнулъ его презрительно ногой. Люди его послушались и стали его толкать, и когда послѣдній человѣкъ, выходя изъ церкви, наступилъ на согрѣшившаго архіерея, тогда только епископъ всталъ, поклонился вышедшимъ чрезъ двери людямъ и остался служить у нихъ епископомъ, и люди не чувствовали въ этомъ смущенія, ибо всѣ были увѣрены, что грѣхъ его прощенъ ради его искренности и смиренія. «Зане запну его ногой своею» и та, которая была его соучастницей въ грѣхѣ.

2) *Сентября 15*. Одного молодого пустытника страшно мучили любовныя мечтанія. Онъ пришелъ къ старцу Пахому и просилъ у него совѣта: какъ ему отъ этого избавиться. «Онъ же (то-есть старецъ) рече: не дивися дѣлу сему: азъ бо многажды обрѣтахся въ сплехъ. Се бо видяши мя

человѣка уже стара суца и дряхла, яко уже четьредесять лѣтъ сижу въ хижинѣ и токмо и некуси о единомъ своемъ спасеніи, и уже тольми ветхъ сый, а и до днешняго дне еще не свободенъ».

3) *Октября 29.* Старець Авраамій «сочетался съ женой», но потомъ, когда вникъ въ семейную жизнь, то она ему не понравилась—онъ нашель, что домоу жить очень хлопотно и безпокойно, и вообще это гораздо трудѣе отшельничества, къ которому онъ уже привыкъ. Тогда Авраамій опять оставилъ жену и, «отшедъ, затворился въ малѣ хлевинѣ». Теперь ему не о комъ было заботиться; но когда Авраамій просидѣлъ въ затворѣ девять лѣтъ, умеръ его братъ и оставилъ семилѣтнюю дочку. Волей-неволей Авраамію пришлось взять племянницу на свое попеченіе. Авраамій вышелъ изъ «хлевинки», сдѣлалъ тутъ же рядомъ другую такую же «хлевинку» и замуровалъ туда дитя. Дѣвочка прожила замурованной въ затворѣ на глазахъ у дяди тринадцать лѣтъ и никакихъ дурныхъ примѣровъ не видала, но когда пошелъ ей двадцатый годъ, «она завистию бѣсовскою впала въ паденіе». Неизвѣстно, какъ она, замурованная, чрезъ оконце «познакомилась съ блудницами», выкарабкалась изъ затвора и ушла съ этими своими знакомками въ такую «гостиницу», гдѣ собирались въ досужное время военные люди. Военные же люди въ той странѣ такъ любили женское общество, что вездѣ подманивали къ себѣ дѣвиць, а обратно получить отъ нихъ дѣвушку было уже очень трудно. Они отпускали женщину развѣ только тогда, когда она имъ надокучитъ и они сами ее прогонятъ. Старець ихъ усовѣщивалъ, и кричалъ на нихъ, и угрожалъ имъ изъ своего затвора; но военные смѣялись, и его молоденькой затворницы ему не отдали, а увели ее и не возвращали. Зная это, старець Авраамій обратился къ хитрости, которою и достигъ желаннаго успѣха. Въ одинъ день онъ самъ вышелъ изъ своего затвора, досталъ себѣ верхового коня, добылъ воинскіе доспѣхи, «во образъ воинскій оболкся» и поѣхалъ верхомъ въ ту же самую гостиницу, гдѣ веселились съ женщинами военные, къ которымъ ушла изъ затвора его племянница. Переодѣтый воинемъ, затворникъ держалъ себя въ гостиницѣ такъ искусно, что никто его не узналъ, и даже не заподозрилъ, что это затворникъ, а всѣ сочли его за настоящаго военнаго. Даже и племянница его не узнала, а

опъ, увидя это, самъ притворился разбитнымъ гулякой и сталъ звать неузнающую его дѣвушку, чтобъ она шла съ нимъ отсюда проводить дальнѣйшее время, за что Авраамій обѣщалъ ей дать по обычаю «даръ». Молодая дѣвушка, еще недавно только пустившаяся въ гулевую жизнь, ничего хитростнаго не подозрѣвала и ушла съ Аврааміемъ изъ гостиницы, въ полномъ убѣжденіи, что ей сопутствуетъ настоящій воинъ. А когда они остались вдвоемъ, тогда Авраамій ей себя обнаружилъ и укорилъ ее, и ужъ на свободу не выпустилъ, а посадилъ опять «въ малу хлевину», гдѣ она, послѣ долгихъ стенаній и плача, «покалалась, а послѣжди, чудеса творяще, скоро почила».

4) *Октябрь 29*. Была жепщина Анна, которой хотѣлось снасти себя, живучи въ мужскихъ монастыряхъ. Она назвала себя Ефимьяномъ и стала жить съ монахами. Бороды у нея не росло, но это никого не соблазняло: монахи все думали, что Ефимьянъ—сконецъ, и нимало этимъ не смущались. Но одинъ изъ монаховъ того монастыря на свое несчастіе былъ «воображенникъ». Ему непременно хотѣлось дознаться: отчего у Ефимьяна не растетъ борода? Къ этому еще прибавилось и искушеніе: невдалекѣ отъ ихъ монастыря жила женщина, которая знала тайну Ефимьяна и притомъ была болтлива; она сказала «воображеннику»:

— Это не конецъ, а *жена-безетрастница!*

(Сказавшая сама сейчасъ же и исчезла).

А «воображеннику» съ этой поры вступило въ голову во что бы то ни было «подсмотреть Ефимьяна».

Онъ объ этомъ и началъ стараться, «тщанася низрнути Ефимьяна» и «сотвори сіе, но бысть божественною силою до полу-сухъ». Анна же «бѣжаше отъ соблазненія, имѣя съ собой точно два монаха».

5) *Февраля 9*. Братъ пѣквій жилъ въ скитѣ, не види ни одной женщины, но врагъ «вложи ему въ память пѣквіи жены прекрасны». Воспоминаніе о женской красотѣ ужасно беспокоило скитника. Одинъ разъ пришелъ къ нему другой братъ и началъ рассказывать, чтѣ случилось въ мірѣ по-ваго, и упомянулъ, что красавица, которая правилась брату, умерла. Тогда этотъ несчастный, какъ дождался ночи, взялъ свой «лентій» и побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ, по разказу, похоронили красавицу. Тутъ онъ разрылъ ей могилу, открылъ гробъ и «потре гной ея лентіемъ и возвратися, имѣя

при себѣ смрадъ той». И это его исцѣлило. Когда ему приходило на умъ, какъ эта женщина была прекрасна, онъ доставалъ этотъ «смрадъ» и, «полагая его предъ собою», говорилъ: «вотъ то, что отъ всякой красоты остается».

6) *Марта 18.* Давидъ Египтянинъ исцѣлялъ женщинъ отъ неплодства. Одинъ молодой мужъ пришелъ къ нему съ просьбой, чтобъ онъ посѣтилъ его домъ и помолился надъ его женой, которая не рождаетъ. Старецъ пошелъ по приглашенію мужа, и съ того случая молодая женщина «вогу изволившу зачать во чревѣ». Мужъ былъ очень радъ и доволенъ, но сосѣди стали смѣяться ему и говорить, будто все чудо въ томъ заключается, что жена его естественно затѣжѣла отъ старца Давида. Когда это дошло до Давида, онъ позвалъ къ себѣ смущеннаго молодого супруга и сказалъ ему: «когда у тебя родится дитя, собери всѣхъ родственниковъ на обѣдъ, и я тогда тоже приду къ тебѣ, и все дѣло разъяснится». Молодой человекъ такъ и сдѣлалъ, какъ сказалъ ему помогательный старецъ: на двадцатый день по разрѣшеніи беременности его жены, онъ собралъ къ себѣ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Пришелъ и Давидъ, и когда всѣ сѣли за столъ, старецъ взялъ на руки новорожденное дитя и спросилъ его: «кто твой отецъ?» Двадцатидневное дитя протянуло ручку и, указывая пальчикомъ на молодого супруга, проговорило: «вотъ кто».

7) *Марта 17.* Два брата жили въ пустынѣ и, сильно между собою подружившись, дали обѣтъ никогда не оставлять другъ друга, «но точію въ жизни, но и въ смерти».

Но вдругъ одинъ изъ нихъ «нача ратоваться отъ бѣса». Бѣсъ навелъ на него такую неодолимую скуку, что обуевасмый «не возмогъ стеригѣть» и сказалъ брату своему: «Отпусти меня въ людное мѣсто; я не могу здѣсь теригѣть,—хочу жить, какъ всѣ, и веселиться».

Благоразумный братъ употребилъ всѣ усилія уговорить несчастнаго, чтобъ онъ возобладалъ надъ страстью и не губилъ столькихъ лѣтъ прожитой въ чистотѣ жизни; но тотъ никакъ не могъ совладать съ собою и стоялъ на своемъ, что ему надо уйти веселиться.

— Но какъ же мнѣ быть въ такомъ случаѣ?—спросилъ благоразумный братъ. — Вѣдь вотъ ты поминишь, я далъ обѣтъ никогда съ тобою не разставаться!.. Какъ же мнѣ

быть теперь, когда ты стремишься къ распутству, въ которое я себя допустить не желаю?

— А ужъ мнѣ до этого теперь никакой заботы нѣтъ, — отвѣчалъ страстью уязвленный братъ. — Поступай, какъ знаешь, но я ни для чего остановиться не могу: я, какъ сказалъ, такъ и пойду искать угѣнительной жизни, а ты оставайся въ пустынѣ; но, впрочемъ, — добавилъ онъ, — если ты хочешь при мнѣ быть, то, пожалуй, иди со мною въ городъ и повеселимся вмѣстѣ. А можетъ-быть, мнѣ тамъ и не долго понравится, и я скоро почувствуюсь — тогда, можетъ-быть, я и возвращусь съ тобою опять сюда же.

Благоразумный братъ подумалъ: «что за несчастіе съ человѣкомъ содѣялось? Совсѣмъ омраченъ онъ, и можно ли отпустить его одного въ такомъ омраченіи? Одинъ онъ непременно попадетъ въ компанію распутниковъ, сродную вышнему его одержимому настроенію, и онъ къ нимъ такъ приблизится, что погибнетъ невозвратно, а надо лучше не выпускать его изъ глазъ и ждать въ немъ перемѣны отъ времени».

«Да, — разсудилъ благоразумный, — пусть лучше я самъ приближусь къ соблазну, но не оставлю человѣка совсѣмъ ослабѣвшаго. Итъ, не покину его, — пойду съ нимъ и буду ждать, когда умъ и чувства его опять придутъ въ свѣтлое состояніе».

Всталъ благоразумный братъ и пошелъ въ городъ вмѣстѣ съ страстнымъ братомъ.

Идти имъ было трудно, ибо путь былъ не малъ, а страстный «бѣжа скоро», и какъ пришелъ въ городъ, — сейчасъ же «скочи въ огражденіе садовное», откуда неслися «песня и пѣсни», и видѣлись женскія лица и плечи. А благоразумный братъ съѣлъ на пыльной дорожкѣ предъ этимъ «огражденіемъ», набравъ горстями земляной пыли, зарыдалъ и сталъ насыпать себѣ пыль на голову.

Люди, проходя, спрашивали его: о чемъ онъ плачетъ? А онъ имъ отвѣчалъ по правдѣ: «Любимый братъ мой, долго жившій чистою жизнью, вошелъ вотъ туда, въ садовное огражденіе». Люди надъ нимъ смѣялись, говорили: «Что же тебѣ? Иди и ты туда же и повеселись тамъ вмѣстѣ со всѣми съ нами». И сами туда же входили, а благоразумный братъ все сидѣлъ въ пыли и все плакалъ.

Такъ прошла цѣлая ночь, а братъ, «вскочившій въ огра-

жденіе», все еще не выходилъ оттуда, пока на небѣ засвѣтился новый день, и тогда вывалила изъ «огражденія» большая толпа мужчинъ и всѣ шумѣли и ссорились, и въ ихъ-то безпорядочномъ обществѣ находился страстный братъ, съ блѣднымъ лицомъ, помятыми волосами и угасшимъ взоромъ. И чуть только страстный братъ вышелъ,—благоразумный братъ вкочилъ и бросился къ нему съ радостію и заговорилъ:

— Для чего ты такъ долго тамъ оставался! насилу я тебя дождался! хорошо, что ты наконецъ вышелъ: конечно, ты видишь теперь, какъ это гадко и можетъ тебя погубить. Пойдемъ скорѣе отсюда назадъ въ нашу пустыню!

— Ахъ, отстань ты, пожалуйста! — отвѣчалъ страстный братъ. — Это совѣтъ не такъ гадко, какъ ты воображаешь: мнѣ тамъ, напротивъ, очень понравилось, и я ни за что теперь не пойду въ пустыню, а ты, если хочешь, уходи. Я тебѣ не препятствую.

Какъ благоразумный братъ ни уговаривалъ страстнаго — все оказалось безуспѣшно: страстному такъ понравилось въ «огражденіи садовѣмъ», что онъ совѣтъ пришелъ въ изступленіе и уже не боялся ни суда Божья, ни вѣчныхъ мукъ, и ни за что не хотѣлъ возвращаться съ благоразумнымъ въ пустыню. Онъ слушалъ благоразумнаго молча, а самъ въ себѣ только и помышлялъ о томъ, чтобы какъ-нибудь поскорѣе скоротать день, а потомъ опять попасть въ огражденіе, объ удовольствіяхъ котораго онъ чѣмъ больше думалъ, тѣмъ большую къ нимъ чувствовалъ несытость.

Видя такое страшное изступленіе несчастнаго, благоразумный братъ пересталъ его и уговаривать идти въ пустыню, но опять сталъ вопрошать самого себя: можно ли ему оставить друга и брата въ такомъ неистовствѣ? и, обдумавъ дѣло съ разныхъ сторонъ, благоразумный братъ увидалъ, что тотъ безъ него тутъ и погибнетъ въ безнужествѣ, и рѣшилъ самъ съ нимъ оставаться, пока надъ тѣмъ пройдетъ это «обладаніе».

Но чтобы жить въ городѣ и притомъ еще веселиться въ «огражденіи», надо было имѣть деньги, а у пустынныхъ братьевъ запасныхъ денегъ не было, и вотъ они стали оба заниматься на работы. И оба работали во всю силу, какъ благоразумный, такъ и страстный, а вечеромъ страстный братъ забиралъ себѣ и своей заработокъ, и заработокъ сво-

его благоразумнаго брата, и ночью все это истрчивалъ на свои удовольствія въ «огражденіи». Благоразумный же братъ не жалѣлъ этого и о деньгахъ своихъ со страстнымъ не спорилъ; но онъ жалѣлъ его, что тотъ такъ нравственно падъ и всякій день все глубже и глубже погружается въ смрадное болото порока, о которомъ благоразумный братъ самъ не имѣлъ никакого познанія, и изумлялся силѣ грѣха, такъ страшно возобладавшаго надъ братомъ. Но при всемъ этомъ онъ вѣрилъ, что любовь его какъ-нибудь спасетъ одержимаго, и когда страстный входилъ въ «огражденіе», благоразумный садился при дорожкѣ противъ этого «огражденія», насыпалъ себѣ на голову дорожной пыли и горестно плакалъ. Страстный это видѣлъ, но не останавливался и скорой стоіюю уходилъ внутрь «огражденія».

Такъ каждую ночь — одинъ гулялъ, а другой оплакивалъ его безуміе.

Днемъ братья между собою уже не говорили, а становились на работу молча и уходили молча, и благоразумный братъ никогда болѣе не укорялъ страстнаго. И это, наконецъ, такъ тронуло страстника, что тотъ однажды бросился благоразумному въ ноги и воскликнулъ:

— Братъ мой любимый! Ты узавилъ своимъ терпѣніемъ мою душу! возьми меня въ свою власть и сдѣлай со мною, что хочешь! Я не хочу оставаться такимъ, какимъ сдѣлался, но не могу собой править.

Тогда благоразумный братъ сейчасъ же поступилъ какъ почиталъ за лучшее: онъ взялъ страстнаго прямо отъ воротъ «огражденія», гдѣ съ тѣмъ произошелъ спасительный переломъ, и увелъ его изъ города въ пустыню и «такъ приобрѣлъ себѣ брата своего».

Видѣвъ же безумную страстность несчастнаго, благоразумный братъ и въ пустынѣ не оставилъ его на жертву его собственной волѣ, а заключилъ его въ тѣсную пещерку, гдѣ тотъ черезъ малое время много преуспѣлъ и скончался.

8) *Апрѣля 15.* Два монаха, живя вмѣстѣ, вдругъ оба наскучили одиночествомъ и пошли въ городъ. Тамъ они сейчасъ же взяли себѣ двухъ женщинъ и устроились такъ, чтобы жить съ этими подружіями, а обыты свои оставили. Но скоро они увидали, что жить съ женщинами совѣтъ не такъ легко, какъ они ожидали, а что это довольно хлопотливо, что женщины требуютъ себѣ того и другого, и

по добру хорошихъ внушеній го слушаются, а надо ихъ много усовершенывать и понуждаютъ къ покорности, а черезъ то отъ совместнаго сожителства съ ними получается не столько удовольствія и радостей, сколько безпрестанныхъ досажденій. Монахи нашли, что имъ не совладать съ семейнымъ житьемъ, и опять сговорились другъ съ другомъ покинуть взятыхъ женщинъ и убѣжали отъ нихъ назадъ въ монастырь, и тамъ рассказали про все, что съ ними было во время ихъ блужденія, и принесли покаяніе. Старшіе ихъ приняли и посадили въ затворъ и оставили каяться, а когда минуло время ихъ наказанія, то приняли на нихъ посмотрѣть, и увидѣли, что заключеніе оказало на нихъ совершенно различное вліяніе: одинъ согрѣшившій монахъ весь исхудалъ и истомился, а другой, напротивъ, былъ тѣломъ бодръ и лицомъ веселъ. Спросили исхудавшаго: «что тебѣ было?» Онъ отвѣчалъ: «Кость моя прильпе къ гортели, егда воспоминаю, что сотворихъ». Тогда спросили о томъ же бодрого, а тотъ отвѣчалъ: «я все радуюсь, отъ какой бѣды меня Господь спасъ».

Старицы обсудили оба отвѣта и нашли, что «оба брата пришли равно въ хорошее понятіе».

9) *Мал. 1.* Два брата, живучи въ скитѣ, занимались искуснымъ рукодѣлемъ, и одинъ разъ, наготовивъ работъ, пошли оба въ городъ, чтобы продать свои произведенія. Тутъ они, какъ только вступили въ городскія ворота, сейчасъ же и разошлись въ разныя стороны: одинъ пошелъ въ улицу, которая шла отъ воротъ направо, а другой—въ улицу, которая шла влѣво. И весь день они другъ друга не видѣли. Когда же настало уговоренное время, чтобы имъ собраться въ условленномъ мѣстѣ и идти назадъ въ скитъ, братъ, пошедшій влѣво, сказалъ другому, пошедшему вправо: — Знаешь ли, со мною случилось нѣчто такое, послѣ чего я уже не могу идти назадъ въ скитъ.

— Что же такое съ тобою случилось? — спросилъ второй братъ.

— А то, что когда мы съ тобою разстались, то я встрѣтилъ очень красивую женщину и поддался соблазнительно-му влеченію, и вотъ мой обѣтъ цѣломудрія мною нарушенъ.

— Это очень дурно, — отвѣчалъ другой братъ: — но ужъ, если это случилось, то тѣмъ скорѣе должно тебѣ спѣшить отсюда въ нашу пустыню.

— Итъ, братъ возлюбленный, — отвѣчали надшій: — я уже не рѣшусь теперь оскорбить наше чистое жилище своимъ присутствіемъ.

Братъ же, ходившій въ удилу направо, еще настойчивѣе звалъ его скорѣе идти въ пустыню и самъ тянулъ его за руку; но надшій не шелъ и отвѣчалъ:

— Итъ, тебѣ самому будетъ тяжело со мною. Ты — чистый.

Тогда второй братъ «номысли мало и отвѣща»:

— Не сокрушайся о томъ, что мнѣ будетъ тяжело въ твоемъ присутствіи, ибо когда мы съ тобою сегодня разстались и ты пошелъ лѣво, а я понесъ свои рукодѣля направо, то со мною въ правой сторонѣ города случилось какъ разъ то же самое, что случилось съ тобой въ лѣвой.

Тогда первый братъ ободрился и воскликнулъ:

— Значитъ, мы равны!

— Да, оба мы равны, ибо оба пали.

— Что же мы теперь сотворимъ далѣе?

— Пойдемъ оба, какъ равные, вмѣстѣ въ свой скитъ и оба вмѣстѣ покаемся старцамъ.

— А что же намъ будетъ отъ старцевъ?

— А ужъ что будетъ, то будетъ одинаково, что одному, то и другому. Не робѣй—перенесемъ вмѣстѣ по заслугамъ нашимъ, а какъ я старше тебя, то вѣрно мнѣ сдѣлаютъ наказаніе строжайшее, а тебя, младшаго,—накажутъ полегче.

Братъ, ходившій влѣво, «умилился» и пошелъ въ скитъ. Тамъ съ ними вышло, какъ говорилъ второй братъ, который собственно не былъ грѣшнень, но только сказалъ на себя грѣхъ для того, чтобы поддержать духъ надшаго брата, и тѣмъ не допустилъ его до отчаянія.

10) *Мая 21.* Одинъ братъ вышелъ изъ скита на рѣку, чтобы почерпнуть воды, и вдругъ замѣтилъ тамъ на берегу «жену перуцу ризы», то-есть прачку, моющую одежду, и «прилучися брату насти съ лею». По совершеніи же этого грѣха, братъ зачерпнулъ воды и понесъ водопосъ въ скитъ свой; но его облынали бѣсы и стали кричать ему въ уши: «Чего идешь въ скитъ! Тебѣ тамъ теперь ужъ не мѣсто; оставайся теперь съ прачкой!»

Братъ этимъ очень смутился, но сейчасъ же понялъ, что бѣсы этакъ хотятъ совсѣмъ отбить его отъ пути спасенія, и сказалъ:

— Чего вы ко мнѣ вяжетесь и для чего мнѣ досаждаете! Я не хочу отчаиваться.

И съ тѣмъ онъ пришелъ въ свою келью и «безмолвствовать», но согрѣшеніе его открылось одному старцу. Тогда братъ покаялся и разсказалъ, что онъ скрывалъ свой грѣхъ, боясь, какъ бы не впасть въ отчаяніе.— Старецъ похвалилъ его «разсужденіе».

11) *Мая 24.* Одинъ старецъ, проведя всю жизнь въ скитѣ, пошелъ разъ въ Александрію продать свое рукодѣліе и тамъ увидѣлъ, какъ одинъ монахъ входитъ въ корчму. Пустынникъ сѣлъ противъ двери, въ которую вошелъ александрійскій монахъ, и сталъ дожидаться, пока тотъ выйдетъ. Когда же монахъ черезъ нѣкоторое время показался на порогѣ, скитникъ бросился къ нему, обхватилъ его руками и, удерживая его, сталъ говорить:

— Чтѣ ты, несчастный, дѣлаешь? Или ты не вѣдаешь, что носишь ангельскій чинъ? Зачѣмъ же ты лѣзешь во вражьи сѣти, для чего входилъ въ корчменницу, гдѣ сходятся неподобные мужи и женщины? Молю тебя, бѣги къ намъ въ пустыню,—тамъ ты спасешься.

Молодой же городской монахъ отвелъ руки скитника и сказалъ ему:

— Иди себѣ, калугере, — Богъ ничего не ищетъ кромѣ чистаго сердца.

Старецъ «воздвигъ руки къ небу» и сказалъ:

«— Я въ пустынѣ не стяжалъ чистаго сердца, а сей ходищій въ корчменницы стяжалъ».

12) *Юня 3.* Встрѣтилъ отецъ Пафнутій въ пустынѣ нагого челоуѣка, закрывавшагося своими волосами, и сталъ его разспрашивать объ его прежнемъ житіи. Нагой челоуѣкъ сказалъ, что онъ жилъ сначала въ монастырѣ и былъ ткачомъ, но наконецъ ему не понравилось жить въ монастырѣ, а вдумалось, что лучше жить одному: «я такъ и сдѣлалъ, и сталъ работать и жить очень хорошо»; но это шло только «пока позавидовалъ мнѣ дьяволъ». Попросила меня одна черноризница устроить ей полотно. Я сдѣлалъ, и другое. Она попросила устроить другое. Я сдѣлалъ и другое, и яко уже свычай ми бысть съ нею и часъ съ часу дерзновеніе большое, то она зачещи родила беззаконіе». Тогда нашло на него раскаяніе, и онъ, бросивъ черноризницу, бѣжалъ въ пустыню, гдѣ Пафнутій и встрѣтилъ его нагого.

Пафнутій съ нимъ разговорился и спросилъ:

— Что же, я думаю, сначала-то тебѣ здѣсь и тяжело было?

— «Вельми изнемогахъ, — отвѣчалъ нагой, — и лежахъ въ пещерѣ въ тузѣ и въ страсти». Опять хотѣлось ему возвратиться къ «черноризицѣ», но «пришелъ нѣкій мужъ, какъ бы пожомъ изрѣзалъ всю мою утробу, очистилъ ее и свята вложилъ, и руками замазалъ, — и съ той поры туга и страсть оставиша мя».

13) *Юня 20.* Жилъ въ дальней пустынѣ одинъ благочестивый старецъ и имѣлъ близкую родственницу, оставшуюся въ мѣрѣ. Долго они не видались, но вдругъ этой женщиной какъ-то соскучилось и захотѣлось сходить навѣстить своего родственника. При этомъ женщина не имѣла никакого дурного умысла, а только хотѣла узнать чисто по родственному: живъ ли пустынный, или онъ уже умеръ; если же онъ живъ, то она хотѣла побесѣдовать съ нимъ о божественномъ и чѣмъ-нибудь послужить ему по силамъ своимъ. Плутала она долго по пустынѣ, пока встрѣтила «камиларя», или пастуха, который пасъ верблюдовъ. Женщина рассказала ему, кого она ищетъ. Пастухъ верблюжий зналъ пустынного и показалъ ей, какъ найти его пещерку, которая была тутъ же неподалеку. Женщина разыскала своего родственника. Онъ ее уже не могъ узнать, но она сказала ему, что «сродница твоя есмь». Тогда пустынный ее принялъ. Потомъ они стали съ нимъ бесѣдовать; но «егда приде ночь», то старецъ «престуши съ ней свой обѣтъ цѣломудрія». Это сейчасъ сдѣлалось извѣстно необычайнымъ случаемъ. Въ этой же самой пустынѣ, на нѣкоторомъ разстояніи, жилъ другой старецъ, который нимало не интересовался тѣмъ, что произошло у сосѣдняго старца; но онъ пошелъ почерпнуть воды, и только-что погрузилъ свою чашу въ воду, какъ «чаша перевернулась». Старецъ удивился, потому что до этого случая чаша у него никогда не переворачивалась. Онъ второй разъ зачерпнулъ чашу, но чуть ее поставилъ, какъ она опять перевернулась.

Тогда пустынный подумалъ:

«Вѣрно это по усмотрѣнію Божію».

А такъ какъ онъ въ одиночествѣ никакъ не могъ себѣ разъяснить, къ чему ему давалось такое знаменіе, то онъ,

не теряя времени, пошелъ къ другому пустынноику, спасающемуся въ той же пустынѣ, но въ другомъ мѣстѣ.

«Пойду и разскажу ему,—думалъ старецъ,—и вдводемъ съ нимъ мы это лучше обсудимъ».

А старецъ, къ которому онъ собирался идти, какъ разъ и былъ тотъ самый, у котораго въ это время гостила родственница.

Пошелъ къ нему пустынноикъ на совѣщаніе, но въ одинъ день не дошелъ, а започевалъ дорогой подъ стѣнами идоляскаго капища и тутъ обо всемъ узналъ. Случилось такъ, что въ этомъ капищѣ именно въ ту ночь собрались бѣсы и въ чрезвычайной радости завели шумное торжество, и стали хвастать, что соблазнили одного извѣстнаго и опытнаго пустынноика, при чемъ не разъ называли соблазненнаго и по имени.

Это былъ какъ разъ тотъ, къ кому шелъ путешествующій. Но путникъ хотя и смутился этимъ, однако все-таки пришелъ къ тому, который палъ во грѣхъ съ родственницей, и, поздоровавшись, спросилъ у него:

«— Чтѣ убо сотворю, отче, — егда наполю чашу мою водой и она во время снѣденія превращается?»

А тотъ посмотрѣлъ на него и вмѣсто отвѣта самъ предложилъ вопросъ:

«— А чтѣ убо азъ сотворю, яко азъ внадохъ въ блудъ?»

— Да, я это уже знаю,—отвѣчалъ гость: — я слышалъ объ этомъ «въ церкви идолястей».

Тогда преступившій обѣтъ цѣломудрія старецъ, какъ только услышалъ, что о немъ даже дьяволы говорятъ, вскочилъ и отчаянно закричалъ:

— Ну, если это такъ, то тогда ужъ все равно—я брошу пустыню и пойду въ міръ!

Но тотъ братъ, у котораго чашка переворачивалась, отговорилъ его отъ этого, а присовѣтовалъ прогнать только отъ себя родственницу.

«Старецъ послушался и исправилъ житіе свое».

14) *Юня 27.* Отцы Даниилъ и Палладій, приидя въ Александрію, встрѣтили молодого монаха, выходящаго изъ бань. Имъ это показалось подозрительно и непристойно, и они ему это сказали, а тотъ, вмѣсто того, чтобы покаяться, отвѣчалъ имъ: «не судите и не судимы будете». Старцы попросили у него прощенія, но скорбѣли о немъ, истому

что видѣли, какъ около него вертится два мурина. Спусти же пѣкоторое время они узнали, что этотъ молодой красавецъ-монахъ пришелъ въ Александрію изъ Константинополя и вступилъ въ связь съ «женой епарха», а слуги епарха изловили его и, желая сдѣлать свихомъ, такъ его изуродовали, что онъ чрезъ три дни умеръ, «и бысть всеѣмъ мнихомъ поруганіе и урокъ».

15) *Іюля 22.* Жилъ въ одномъ скитѣ многолѣтній старецъ и ослабѣлъ силами. Трудъ, который онъ до сего времени исполнялъ, пришлось разложить на другихъ. Это старика очень стѣсняло, и, чтобы не быть даромъ хлѣба, онъ рѣшился уйти въ Египетъ. Тамъ же жилъ съ нимъ въ скитѣ другой старецъ, Моисей, который ранѣе бывалъ въ Египтѣ и вообще былъ человѣкъ очень опытный; онъ сказалъ старцу: «не ходи въ Египетъ, — тамъ много женщинъ, и ты соблазнишься».

А старецъ этому не повѣрилъ и даже обидѣлся.

— Что ты мнѣ несообразное говоришь! — возразилъ онъ Моисею. — Ты бы долженъ постыдиться даже вспоминать мнѣ объ этомъ! Или ты не видишь, какъ я старъ, и все тѣло мое уже одряхлѣло и умерло!

Моисей же все стоялъ на своемъ и говорилъ, что какъ человѣкъ ни будь старъ, но, пока онъ живъ, ему, все равно, не безопасно побывать въ Египтѣ.

Старецъ такъ разсердился, что назвать Моисея нескромнымъ и соблазнительнымъ, а самъ сейчасъ же всталъ и ушелъ отъ него въ Египетъ. Слава же этого старца была столь велика, что его уже и въ Египтѣ знали, и объ его замѣчательной жизни рассказывали другъ другу. А потому, какъ только старецъ появился въ Египтѣ, такъ и стали приходить къ нему разные люди за духовными наставленіями и исцѣленіями. И сначала все шло очень хорошо, но одинъ разъ «пріиде также по вѣрѣ Вожіи послужити ему и пѣкая дѣва». Она была чѣмъ-то неисцѣлимо больна, «но по лѣтѣ едишемъ старецъ исцѣли ея и внадѣ съ нею въ грѣхъ и она явися неспраздна». Люди, приходящіе къ старцу, стали замѣчать особенное положеніе дѣвушки и начали говорить объ этомъ различно. «А простая же чадъ прямо спроси ея: откуда се имани?» Дѣвушка отвѣчала нагъ: «отъ старца». Одни ей вѣрили, а другіе не вѣрили, ибо «бѣ той старецъ вельми многолѣтенъ». Но старецъ,

услыхавъ эти разногласія, самъ подтвердилъ слова дѣвупки. Онъ сказалъ: «се азъ сотворихъ сіе, и вы сохраните отрока рождающагося». «И ради просьбы его бысть родшееся отрока отдоено». Спустя же нѣкоторое время въ скитѣ былъ праздникъ и собралось много народа, и тогда посреди толпы вдругъ появился оный старецъ, «пося на рамя своемъ отрока отдоенное», и вошелъ въ церковь и, оборотясь къ скитникамъ, сказалъ: «Видите ли это дитя? Это есть плодъ моего непослушанія. Берегите себя отъ этого, потому что ежели такое дѣло могло случиться со мною, при моей старости, то тѣмъ легче это можетъ случиться со всякимъ въ молодости».

«И видѣвшіе это все заплакали».

16) *Юля 25*. Въ одномъ египетскомъ монастырѣ былъ знаменитый «славный» дьяконъ. Случилось, что мѣстный князь той страны преслѣдовалъ одного простолюдина, у котораго была очень красивая жена. Преслѣдуемый, укрываясь отъ князя, прибѣжалъ съ семьей въ монастырь, чтобы здѣсь сохранили его жену отъ страстныхъ преслѣдованій неистоваго князя. Монахи пріютили супруговъ, но мужъ отъ этого ничего не выигралъ, ибо тутъ «удариста во дьякона непріязненные силы вражія», и съ женой простолюдина таки-случилось то самое, чѣмъ угрожало ей неистовство князя. Дьяконъ, замѣнившій князя, былъ избитъ и пристыженъ, и его опредѣлили «погребсти живаго въ темницу», и такъ и сдѣлали. Дьяконъ долго оставался замурованный; но въ краѣ томъ настала продолжительная засуха, и сколько ни молились о ниспосланіи съ неба дождя,—дождя все не было. Тогда явлено было одному старцу, что надо «извести наружу и поставить къ служенію сокрытаго славнаго дьякона». Сдѣлали по этому внушенію, и когда размуровали затворъ «и дьяконъ, изнедѣ и вземши санъ свой», началъ молебствовать — «сошелъ дождь на землю».

17) *Августа 12*. Въ царствованіе Леона, царя константинопольскаго, жилъ одинъ очень славный и богатый человекъ, который притомъ былъ и чрезвычайно добръ, но въ то же время былъ и большой грѣшникъ. Онъ имѣлъ неодолимое влеченіе къ красѣ женщинъ и находился въ постоянномъ съ ними обращеніи, и такъ къ этому привыкъ, что каковъ былъ смолоду — точно такимъ же оставался и въ

старости, — «занеже устарѣся въ немъ той злой обычай». Въ такомъ страстномъ обдержаніи этотъ именитый и добрый человекъ и умеръ. При погребеніи его, у патріарха Гермогена и епископовъ, а также и у мірскихъ знатныхъ лицъ въ Византіи возникло огромное недоумѣніе: какъ почитать этого усопшаго, за праведника или за грѣшника, и въ какомъ мѣстѣ онъ долженъ быть помѣщенъ послѣ смерти, то-есть въ рай ли съ праведниками, — чего онъ былъ достоинъ по свойствамъ своей доброй души, или въ аду съ грѣшниками, куда ему слѣдовало идти за свой любострастный «обычай». Долго объ этомъ разсуждали важнѣйшіе духовные люди въ Византіи и никакъ не могли придти къ рѣшенію. Тогда захотѣли спросить Небо, и патріархъ Гермогенъ повелѣлъ всеѣмъ монастырямъ и затворникамъ молиться, чтобы «явлено было о человекѣ семь пользы ради человѣческія». И Небо отвѣтило: открыто было нѣкоторому затворнику слѣдующее: «видѣлъ онъ мѣсто нѣкое, имущее одесную рай, а ошуюю озеро огненное, и между ближняго рая и страшнаго пламени стояше привязанъ умершій мужъ и злѣ стеланше, позирая на рай. А ангелъ Господень говорилъ ему: «напрасно, человекче, стоиши, ибо ради милосердія твоего избавленъ еси отъ муки, — за скверну же любострастія лишишь рай».

Прослѣдованное нами въ семнадцати «прилогахъ» ясно показываетъ, что изъ тридцати пяти случаевъ, гдѣ имѣеть мѣсто любовный соблазнъ, — въ семнадцати случаяхъ женщины Пролога не обнаруживаютъ никакого обольстительнаго коварства для совращенія мужчинъ, а напротивъ, мужчины сами увлекаются въ эту сторону съ чрезвычайною неразборчивостью и легкостью.

Этимъ кончается первая категория женскихъ лицъ, за которою слѣдуютъ другія, представляющія собою характеры болѣе сложные и болѣе интересныя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прямыми соблазнительницами женщины Пролога являются въ слѣдующихъ исторіяхъ:

18) (1) *Октября 7*. Въ Александріи былъ славный художникъ, дѣлавшій необыкновенно изящныя вещи изъ серебра и золота. Его звали Зенонъ (въ Прологѣ онъ назы-

вается «златокузнецъ»). Онъ былъ потаенный христіанинъ. По художеству его ему нигдѣ не было равнаго. Самыя именитыя женщины роскошнаго города панеребой непремѣнно хотѣли имѣть украшенія, сдѣланныя этимъ искуснымъ мастеромъ, а Зенонъ не успѣвалъ исполнять всѣхъ дѣлаемыхъ ему заказовъ. Богатыя щеголихи Александріи или панеребой одна передъ другой и платили очень дорого, чтобы перещегоолять другъ друга, но только и это не помогало. Тогда въ Александрію пріѣхала изъ Антиохіи одна молодая красавица, необычайно своеобразнаго и самостоятельнаго характера. Она имѣла привычку ни предъ чѣмъ не останавливаться для достиженія своей самонамѣненной цѣли, а цѣль ея въ Александріи была превзойти здѣсь свою пышностью всѣхъ александрійскихъ женщинъ. Имя ея было Нефора или Нефора. Вся Антиохія знала ее, какъ самую первую красавицу, затмевавшую собою всѣхъ иныхъ въ роцѣ Дафны. Она захотѣла во что бы то ни стало имѣть «головную утварь на красоту своего тѣла» и не послала звать къ себѣ художника, потому что знала, что Зенонъ откажется, а она взяла золото и драгоценныя камни и сама пошла къ нему и стала его «умолять»—сдѣлать для нея такое головное украшеніе, которое какъ можно болѣе шло бы къ ней и еще сильнѣе возвысило «красоту ея изящнаго тѣла».

Зенонъ, удаляясь отъ шума, жилъ за городомъ въ красивой мѣстности, до которой было довольно далеко. Нефора шла сначала тѣнистою аллеей, по которой ей встрѣчались рабы, несшіе въ паланкинахъ женщины, и съ грохотомъ проѣзжали колесницы на коняхъ съ подстриженными гривами; потомъ путь становился безлюднѣе и тише. Отъ аллеи начинались мелкіе свертки по тропинкамъ въ удоля, утонувшія въ рощахъ. У одного изъ этихъ свертковъ подъ вѣтвистымъ деревомъ сидѣлъ старикъ и кормилъ своего верблюда. Нефора спросила его, гдѣ живетъ Зенонъ златокузнецъ. Онъ ей указалъ на долину, гдѣ зрѣли ароматныя дыни, межъ сирени, жасминовъ и розъ, а сзади катился ручей и за нимъ въ чащѣ кустовъ стоялъ бѣлый домикъ. Вокругъ было тихо—только черныя дрозды сидѣли на бѣломъ карнизѣ и пѣли. Дверей не было видно. Нефора ударила три раза въ стѣну—и передъ ней раздвинулась наполь и ее встрѣтилъ Зенонъ.

Онъ былъ пораженъ и педоволенъ ея поѣнциемъ, но принялъ ее въ свою мастерскую. Это была большая квадратная комната безъ оконъ,—свѣтъ проникать въ нее черезъ потолокъ, съвозъ фіолетовую слюду, отчего все вещи казались обвитыми какою-то тонкою дымкой. По серединѣ комнаты стоялъ бронзовый ибисъ и изъ его клюва струилась свѣжая вода; въ углахъ помѣщались обширные тазы, въ которыхъ росъ златоглавый мускусъ и напоить всю атмосферу своимъ запахомъ. Все стѣны были покрыты художественными произведеніями искусства. Здѣсь были и Аписъ, и фараоновы кони, и шесты, и посуда.

Застигнутый дома врасплохъ, «златогүзнецъ» не могъ отдѣлаться отъ этой бойкой и настойчивой гостью и сталъ съ нею разговаривать, невольно замѣчая, что она чрезвычайно красива и одѣта къ лицу, такъ что красота ея выдается еще ярче. Чернокудрая голова ея была покрыта широкимъ и тонкимъ полосатымъ кефь, мягкія складки котораго облевали, какъ воздухъ, ея черноснія кудри. Кефь перевязано было желтымъ инуромъ. Вся уши, руки и пальцы были украшены серьгами, кольцами и браслетами, а на шеѣ было золотое ожерелье изъ множества тонкихъ цѣпочекъ и на концѣ каждой изъ нихъ дрожали жемчужные перлы. Рѣспицы ея были подведены, а концы пальцевъ подрумянены и тонкіе ногти отливали радужными перламутромъ. На поясѣ ея, который обхватывалъ пріятнаго сѣраго цвѣта тунику съ красною каймой, висѣло маленькое зеркальце и такой же маленький сосудъ съ пахучею индійскою эссенціей.

Она сѣла, не ожидая приглашенія хозяйина, взглянула въ свое зеркало, прыснула на себя и передъ собою духами и пригласила художника, чтобъ онъ помогъ ей обсуждать: какъ ей можно еще «примножить ея красоту». И когда увидала, что онъ растерялся, то, дабы не дать ему опомниться и сразу преклонить его на свою сторону и получить отъ него такую изящную «утварь», какой нѣтъ ни у какой другой именитой жепщины во всей Александріи, она стала прельщать его своею красотой, съ намѣреніемъ довести это до крайняго результата. «Тогда,—думала она,—онъ, какъ любовницъ своей, сдѣластъ для меня уборъ всехъ лучше, а вреда моей чести отъ этого никакого не будетъ, ибо никто даже и не подумаетъ, что я, будучи столь знатна

и богата, согласилась бы такую цѣною златокузную его купить». Подходы щеголихи были такъ ясны, что художникъ не могъ ихъ не понять; но она еще ихъ усилила, — она сказала ему:

— Здѣсь жарко, и ты долженъ видѣть тѣло мое безъ постороннихъ прикрасъ: сѣрый и красный цвѣтъ отгѣняютъ цвѣтъ моей кожи. Я должна сбросить тунику.—И она ее сбросила, и въ это же время вилась передъ нимъ, перемѣняя прически, а онъ примѣривалъ къ ее лицу и головѣ то тѣ, то другія снизи и пронизи и безпрестанно имѣлъ въ своихъ объятіяхъ ее тѣло, покрытое одною сорочкой, которая держалась застежкой на правомъ плечѣ и шла внизъ подъ лѣвую руку, такъ что въ глаза ему была прелесть ее тѣла, и это его туманило... Художникъ «блазняшася на ню», а она ему «подаваше помизаніе очима и неподобенъ смѣхъ». Онъ опускалъ свои вѣки, чтобъ ее не видѣть, но она, смѣясь, насильно открывала ихъ своими тонкими пальцами,—онъ опять ее видѣлъ и душа его играла и прыгала, какъ молодая лань въ горахъ или какъ горный потокъ въ стремнинахъ Ливана. Зеновъ просилъ ее удалиться. Нефора смѣялась и тихо шептала: «зачѣмъ?»

— Я хочу быть царемъ моей совѣсти

— Э! оставь это! Повѣрь, веселѣе быть червемъ, гложущимъ туювый листъ въ роцѣ Дафны, чѣмъ томиться въ царственной скукѣ. Дай мнѣ вина и лобзанье въ память нагого ребенка!

Зеновъ ей подаль фіаль; она отпила половину, а другую половину, смѣясь, влила ему во уста и держала его все это время въ своихъ объятіяхъ, а потомъ, бросивъ пустой фіаль, поцѣловала Зенона въ честь Вакха...

Страсть, какъ темная гора, покрыла сердце Зенона.

Случай могъ быть чрезвычайно опаснымъ для обоихъ, но златокузнецъ александрійскій былъ тайный христіанинъ, и это спасло обоихъ. Въ самую безумную минуту, «егда устремися уже грѣху, — поминуся художному мужу слово евангельское: аще соблазняетъ тебя рука твоя или нога — отсеѣцы ее, или око—избоди е». И онъ, воззрѣвъ на жену, рече: «мало ми отступи» (отойди немножко) и иземъ ножъ ударилъ въ око десное и рече: «Видь, Господи, яко сохранитель заповѣди Твоя есмь, — да егда и азъ востребую

помощи отъ Тебя — Ты не удалися». Соблазнительница ужаснулась и убѣжала.

Вскорѣ въ Александріи случилось гоненіе на христіанъ. Гонитель ихъ былъ человѣкъ не только жестокій, но и насмѣшливый, — онъ хотѣлъ издѣваться надъ христіанами и, призвавъ ихъ епископа, сказалъ ему: «Не нахожу въ вашей вѣрѣ ничего основательнаго и твердаго, да не вѣрю, чтобы вы и сами могли вѣрить въ то, о чемъ рассказываете. Вотъ я задамъ вамъ рѣшительное испытаніе: если вы его выдержите, то вы останетесь цѣлы, и все, что у васъ есть, — ваше будетъ; а если не выдержите, тогда я поступлю съ вами, какъ съ обманщиками, и оберу у васъ все, что вы имѣете, на государя. Испытаніе же вѣрѣ вашей назначаю вамъ по вашимъ книгамъ; тамъ написано: *если кто имѣетъ веру* и скажетъ горѣ — «стронься съ мѣста и иди въ воду», то будто гора непременно тронется и пойдетъ. Вонъ, видите, тамъ недалеко отъ берега Нила есть гора Адеръ. Она стоитъ тамъ много лѣтъ, огнемъ земнымъ выдвинутая еще въ началѣ созданія земли, когда не было ни пирамидъ, ни сфинксовъ, ни праотцевъ нашихъ, трудившихся надъ этими постройками. Выберите изъ себя такого истинно вѣрующаго, который могъ бы сдѣлать надъ Адеромъ то, что представится за возможное въ вашихъ книгахъ; если гора Адеръ стронется съ мѣста и пойдетъ, то я повѣрю, что въ вашихъ книгахъ писана правда, а если вы ничего этого не сдѣлаете, то вы тѣмъ докажете, что всѣ вы лгуны, и тогда я поступлю съ вами какъ съ недостойными уваженія обманщиками, а всѣ ваши имущества возьму у васъ на государя.

Христіане пришли въ ужасъ. Они знали, что ихъ правитель жестокъ и пощады имъ отъ него не будетъ: если гора Адеръ не тронется съ своего мѣста и не пойдетъ въ Ниль, тогда всѣмъ имъ доведется погибнуть съ позоромъ, а все добро, которое они собрали трудами въ теченіе всей своей жизни, будетъ расхвачано или поверстано въ казну, а дѣти ихъ останутся нищими и съ осмѣянною религіей и безъ руководства родителей перейдутъ въ вѣру торжествующихъ отцовскихъ мучителей...

Въ такомъ ужасномъ положеніи всѣ христіане, жившіе въ сосѣдствѣ горы Адера, надѣли на себя неподрубленными одежды печали, постились, молились и плакали, а между тѣмъ время шло и приближался уже срокъ, назначенный

правителемъ. Никто, — ни одинъ изъ христіанъ не чувствовалъ въ себѣ той увѣренности, чтобы сказать горѣ при людяхъ: «стройся съ мѣста и иди въ воду».

Скорбь христіанъ сдѣлалась извѣстна и иновѣрнымъ людямъ въ городѣ, и тогда къ христіанскому епископу пришла тайно та самая египетская красавица, которая ранѣе приходила соблазнить «златокузнецъ», и она сказала епископу:

— Я узнала о вашемъ горѣ и мнѣ васъ жалко; но вы, можетъ-быть, напрасно приходите въ отчаяніе, ибо если только вѣрѣ все возможно, то у васъ есть такой человекъ, который имѣетъ настоящую вѣру, и его вѣра можетъ выдержать всякое испытаніе.

— Какъ! — воскликнулъ епископъ: — неужели ты, нехристіанка, увѣрена, что гора можетъ сдвинуться?

— Да, я вѣрю въ это потому, что я видѣла вѣру, которая преодолѣла законы естества; но меня очень удивляетъ, что этого-то одного человека я и не вижу между тѣми, которыми ты себя здѣсь окружаешь и съ которыми совѣтуешься!

— Скажи же скорѣе, сострадательная госпожа, — кто онъ такой?

— Онъ златокузнецъ, художникъ.

— Неужто Зенонъ окривилый, который дѣлаетъ кумиры и утварь для женскихъ уборовъ?

— Да, это Зенонъ.

— Помилуй! — воскликнулъ христіанскій епископъ: — ты говоришь невозможную вещь.

— Почему?

— Зенонъ искусный художникъ, ни слова объ этомъ; но онъ въ вѣрѣ нашей не крѣпокъ, онъ въ постоянномъ общеніи съ людьми разныхъ вѣръ, и ты имя его можешь увидѣть на неподрахъ различныхъ кумировъ, — крокодиловъ, мерзостныхъ, страстнаго ибиса и быка съ чернымъ пятномъ и коней фараона; притомъ Зенонъ часто бываетъ лѣнивъ: онъ не посѣщаетъ къ общей со всѣми молитвѣ; въ день недѣльный, когда много заказовъ, онъ одинаково трудится, будто какъ въ будень; онъ живетъ безъ жены и нимало не занятъ тою мыслію, чтобы учредить себѣ семью или удалиться въ пустыню, а онъ охотно разговариваетъ съ посторонними женщинами, которымъ онъ пужаетъ, и угождаетъ ихъ суетности.

— Можетъ-быть, все это правда,—отвѣчала гостья:—но, быть можетъ и то, что все это не такъ важно, какъ тебѣ кажется.

— Ахъ, нѣтъ, госпожа,—что ужъ касается степени важности въ вѣрѣ, то ты повѣрь, что намъ это ближе извѣстно.

— Я и не спорю,—отвѣчала Цефорисъ:—такъ и должно быть, чтобы вамъ все было лучше извѣстно; но услышите и то, что я знаю о вѣрѣ Зенона.

— Что же тебѣ стало извѣстно?

— Миѣ извѣстно, что Зенонъ покорилъ себя волѣ Учителя вашего, котораго всѣ вы зовете Сыномъ вашего Бога, и при миѣ показалъ такую силу любви къ Его слову, какой, можетъ-быть, никто изъ васъ не видѣлъ.

Епископъ не спросилъ ее, чтобы она рассказала, что такое она видѣла, и Цефорисъ съ полною откровенностью рассказала ему всю соблазнительную сцену, которую она устроила художнику изъ желанія имѣть отъ него искусный уборъ на голову.

Старецъ всплеснулъ руками. Ему было извѣстно, что златокузнецъ недавно окривѣлъ на одинъ глазъ; но онъ не зналъ, отчего это случилось съ Зенономъ. Услыхавъ рассказъ красивой Нефоры, епископъ понялъ всю трудность борьбы, которую одолѣлъ художникъ, и далъ цѣну его по-стунку. Онъ благодарилъ гостью и сказалъ ей:

— Вѣрь, прекрасная госпожа, это никогда не позабудется въ нашемъ народѣ, что ты пожалѣла о насъ и не скрыла этого происшествія, которое при совершеннѣйшей красотѣ твоей для всякаго должно быть удивительно, и я согласенъ съ тобой, что Зенонъ доказалъ свою вѣру своимъ послушаніемъ: я сейчасъ пошлю звать его, чтобы онъ сдвинулъ гору.

Въ тотъ же часъ отъ епископа пошли за Зенономъ послы, чтобы онъ немедленно явился, а антиохійская модница, рассказавъ свою тайну и тайну Зенона, ушла, чтобы съ нимъ тутъ не встрѣтиться. Ни епископъ, ни бывшіе при немъ люди не уразумѣли настоящихъ намѣреній гостыи. Египтянка Нефора, растливая умъ свой въ Антиохіи на безумныхъ шракахъ въ роцѣ Дафны, не знакома была съ состраданіемъ, но мстила Зенону за его равнодушіе и нарочно выставляла его на самую отвѣтственную роль, въ которой онъ долженъ быть народомъ осмѣяль.

Кривой златокузнецъ не скоро пришелъ изъ своего заго-

роднаго дома, а когда пришел и епископъ рассказалъ ему, что отъ него требуется, чтобы онъ сдвинулъ гору, то онъ этому очень удивился и отвѣчалъ:

— Господи, Боже мой! Что только я слышу! Или вы это вздумали въ шутку, чтобы посмѣяться надо мной!

— Какъ!— отвѣчали ему:— да ты развѣ не знаешь, какое надъ нами случилось бѣдствіе?

— Скажите скорѣе! я живу далеко и отъ молвы городской въ сторонѣ, и ничего не знаю.

— Нашъ правитель велѣлъ намъ для испытанія вѣры нашей, чтобы мы сдвинули съ мѣста гору Адеръ.

— О, Боже великій! кто жъ это долженъ исполнить?

На это всѣ вдругъ ему отвѣтили:

— Ты!

Художникъ подумалъ, что онъ ослышался, и воскликнулъ:

— Что? Я не слышу, что вы сказали?

Но народъ еще громче вскричалъ въ одно слово:

— Ты, Зенонъ, ты сдвинешь гору!

Зенонъ закрылъ себѣ ладонями уши и стоялъ въ молчаніи минуту, а когда открылъ слухъ, — опять оглушилъ его тотъ же самый крикъ:

— Ты, Зенонъ, сдвинешь гору!

— Такъ это не въ шутку на меня возложили?

— Да, Зенонъ, да! Ты это сдѣлай. Мы всѣ тебя просимъ.

Зенонъ покачалъ головой и сказалъ:

— Кто научилъ васъ задавать мнѣ такую задачу? Неужели я во всей общинѣ всѣхъ лучше вѣрю, и илѣть чело-
вѣка, котораго смѣлѣе можно бы выставить на такое вели-
кое дѣло—испытаніе вѣры.

А епископъ ему отвѣчалъ:

— Напрасно, Зенонъ, ты стараешься спрятаться за свое смиреніе! Мы сами считали тебя въ вѣрѣ некрѣпкимъ, но узнали одну твою тайну и теперь перемѣнили свое мнѣніе. Ты напрасно будешь отговариваться: ты одинъ можешь сдвинуть гору.

— Но объясните мнѣ... о какой такой моей тайнѣ вы говорите?

— А отчего ты потерялъ глазъ?

— Глазъ?

— Да!

Зенонъ смутился и пощипъ головой.

— То-то и дѣло,—сказалъ ему, ударяя его по плечу рукой, епископъ: — сюда приходила красивая госпожа и все про тебя разсказала. Въ тебѣ природа повинуется Богу. Мы знаемъ теперь, какъ ты освободилъ себя отъ соблазновъ, входившихъ въ сердце твое черезъ глаза: ты его выкололъ. Не марай себя ложью, скажи намъ: такъ это было?

— Такъ,—уронилъ тихо Зенонъ.

— Я старъ, но не даромъ я избранъ въ епископы: я понимаю, какое ты сильное одолѣлъ искушеніе. Вѣрѣ твоей больше нельзя да и не должно гашься; какъ стариннѣйшій въ общинѣ нашей, я совлекаю съ тебя темный хитонъ твоего смиренія. Отселѣ ты, Зенонъ, долженъ просіяты всему міру и спасти насъ передъ издѣвающимся гонителемъ.

Кривой художникъ очень долго отказывался; но епископъ не освобождалъ его отъ труднаго послушанія, а видя его непреклонность, сказалъ людямъ, чтобы все люди Зенона просили, и тѣ все стали плакать, бить себя въ груди и громко кричать:

— Или ты, строя крокодиловъ изъ золота, и самъ уже сталъ крокодилъ, а не человѣкъ, и не имѣешь состраданія? Отчего же ты умѣлъ спасти себя одного, а теперь все множество людей хочешь оставить въ жесточайшемъ бѣдствіи? Устыдись своего жестокосердія, испробуй свою вѣру, повели горѣ Адеру двинуться и идти въ воду, чтобы все мы остались цѣлы въ нашихъ жилищахъ!

Такого общаго жалостнаго вопля художникъ не выдержалъ.

— Братья мои, — сказалъ онъ: — не укоряйте меня въ томъ, что я мастерствомъ моимъ произвожу изъ камней и изъ золота подобія созданныхъ въ природѣ твореній. Отъ этого нѣтъ никакого зла, и самъ я не сдѣлался черезъ то ни камнемъ, ни золотомъ, и скорбь ваша жжетъ мое сердце. Повѣрьте, что если бы для спасенія вашего нужно вамъ было, чтобы я выкололъ себѣ второй глазъ, то я бы это сдѣлалъ сейчасъ же и не искалъ бы себѣ за то ни возмездья, ни славы; но повелѣть горѣ, чтобы она двинулась съ мѣста и поверглась въ Нилъ—я не могу, потому что я не вѣрю, чтобы слабая вѣра моя на это годилась. Не себѣ, а всемъ вамъ, всемъ христіанамъ, я боюсь сдѣлать укоръ и ученію Христа постыженъ, ибо не мнѣ ту вмѣнять неудачу, а Бго стануть укорять безразсудно.

А тѣ отвѣчали:

— Оставь, Зеновъ, оставь! И мы, и епископъ, всё тебѣ вѣримъ, что крѣпка твоя вѣра, и потому не медля, свѣдѣніи прославить всеобщее унованіе на вѣру твою: помолись и повели горѣ идти съ мѣста!

Кривой золотокузнецъ воздвигнулъ плечами и воскликнулъ:

— Всемогущій и Вѣчный Отецъ! Ты видишь скорби этихъ людей, которымъ Ты далъ уразумѣть Тебя черезъ Иисуса, Отрока Твоего! Передъ Тобою открыта безконечность все-ленной и всё глубины бездны, но Ты же видишь и терзаніе моего сердца, которое не можетъ сносить слезъ моихъ братьевъ. Прости мнѣ, что смѣю Тебя умолить,—не постыди насъ всѣхъ, оживившихся вѣрою, и соверши невозможное, какъ возможно, ибо Твоя есть сила и слава во вѣки!

Всѣ александрійскіе христіане повторили эту краткую молитву кривого художника и всѣ сразу, поднявшись, зашли неслотомъ и пошли изъ города въ смиреннѣ толпой къ горѣ Адеру, а впереди ихъ шелъ, тихо молясь, ихъ епископъ.

О движеніи христіанъ въ тотъ же часъ дали знать градо-правителю, у котораго въ ту пору было много именитыхъ гостей, и онъ, и всѣ его гости захотѣли поѣхать къ горѣ, гдѣ надѣялись видѣть, какъ будутъ смѣшны христіане. Градоправитель, въ пурпуровой съ золотомъ тогѣ, ѣхалъ впереди всѣхъ въ колесницѣ, выложенной серебромъ и сло-новою костью, съ львиными головами на гайкахъ, гдѣ ко-деса были привернуты къ оси. Воронье кони его были пря-мые потомки коней фараона; ихъ челки и остриженныя гривы покрыты золотою тяжелою сѣткой работы Зенона, новодья изъ золотистаго желтаго шелка съ золотой бахро-мою. Въ другихъ колесницахъ также парадно ѣхали гости. Къ нимъ приставали по пути прохожіе на убранныхъ ос-лахъ и дорого стоявшихъ бѣлыхъ верблюдахъ съ пушистою шерстью. Пѣшіе люди въ больномъ изобиліи ихъ окружали несмѣтной толпою. Звились крестьянки съ кувшинами свѣ-жеѣ воды и съ корзинами фруктовъ. Толпа становилась все больше и больше, и всѣ шутили и смѣялись, ожидая, что когда гора не поидетъ, то правитель дастъ знакъ отряду слѣдовавшихъ за ними воинствъ, и они сгонятъ христіанъ къ Нилу и всѣхъ ихъ помечутъ съ берега въ воду. Появился на старыхъ ослахъ и закладники съ мѣшками мо-неть и съ таблицами, на которыхъ писали заклады. Никто

ни секина не хотѣлъ держать за то, что гора сдвинется, но держали за то: всѣхъ ли утопить правитель, или только немпогихъ, а другихъ отдалъ въ рабство.

Между тѣмъ христіане съ епископомъ, не снѣша, подошли къ подошвѣ горы, опять помолились и пошли обходить гору вокругъ. Со смиренной молитвой они обошли «все основанье горы», и когда возвратились на то мѣсто, откуда начали обходъ, то епископъ сказалъ кривому художнику, чтобъ онъ еще помолился. И чуть художникъ преклонилъ колѣно, какъ подъ землей послышался гулъ, и гора Адеръ колыхнулась, какъ панка на сонномъ феллахѣ.

Толпа горожанъ, забывъ смѣхъ и заклады, шарахнулась назадъ и испугала коней и верблюдовъ; вышло смятеніе, колесницы одна зацѣпляла другую, верблюды зафыркали и подняли шен, а ослы закричали и начали биться...

Напрасно трубили въ рожокъ и напрасно кричать градонаправитель: «Уймись, безумцы! Это не больше, какъ грохотъ колесъ, или простой гулъ отъ воли Нила!»

Всякій чувствовалъ, что земля подъ нимъ колебалась, и замѣтили всѣ, какъ кремнистыя ребра горы ввали, потомъ вдругъ напрялись, выжили наружу и стали крошиться. Осколки острыхъ камней и песокъ сыпались внизъ, и порой, какъ изъ пращи, разлетались въ стороны съ трескомъ; внизу же необъятымъ пластомъ ползли оползни глины... Казалось, какъ будто разрушалось созданье горы, а разстояніе, которое отдѣляло Адеръ отъ Нила, на виду у всѣхъ начало убавляться съ обѣихъ сторонъ, ибо вода въ рѣкѣ также нумѣла, билась на берегъ и затопляла пространство...

Тутъ не только тѣ, которые были на мѣстѣ, но всѣ, кто оставался въ Александріи, такъ испугались, что потеряли всякое обладанье собой; всѣ бросились скорѣе вонъ изъ своихъ колебавшихся домовъ и устремились бѣгомъ къ подножью Адера. Среди нихъ, то мѣшаясь въ толпѣ, то выдвигаясь впередъ, шла въ волненіи Нефорисъ и говорила всѣмъ о своемъ поведеніи, и о стыдѣ, и о страхѣ, которые испытывала она у Зенона, и этотъ Зенонъ теперь по ея винѣ погибаетъ. На нее смотрѣли какъ на сумасшедшую. Гдѣ спокойно стояли одни христіане со своимъ епископомъ и кривымъ художникомъ, — всѣ тѣ, которые пришли сюда съ торжествомъ и наемниками, метались, рыдали и, хватаясь одинъ за другого, другъ друга отталкивали, чтобы не стать

тяжелѣй отъ того, что другой человекъ держится, и не провалиться съ нимъ вмѣстѣ въ трещины, которыя, къ вѣщшему ужасу, стали обозначаться подъ осѣдающею глиной.

Тогда прибѣжавшіе александрійцы издали закричали христіанамъ:

— Безчинные люди! вотъ до чего довело насъ милосердіе, съ которымъ мы васъ терпѣли! Чтѣ вамъ за польза дѣлать намъ зло? Для чего вы ведете недвижную Адеръ-гору съ ея вѣковѣчнаго мѣста? Для чего хотите завалить нашу рѣку? Нилъ орошаетъ всѣ наши поля и дынные гряды; черезъ его мѣрный разливъ земля всѣхъ насъ кормитъ, а вы хотите сдѣлать такъ, чтобы гора запрудила сразу всю воду и чтобы Нилъ выступилъ вдругъ и началось по всѣмъ полямъ и по дыннымъ грядамъ потопленіе! О, проклятый народъ! о, жестокіе люди! И вы еще смѣете уничтожать крокодиловъ! Нѣтъ людей хуже насъ во вселенной! Вы злѣй гальскихъ друидовъ и вашъ Богъ — Аримана персидскаго злѣе!

Тогда христіанскій епископъ поднялъ руку и отвѣчалъ александрійцамъ:

— Богъ христіанскій проститъ и въ вину не поставитъ вамъ то, что вы, не зная Его, о Немъ говорите. Онъ есть Отецъ всѣхъ и Отецъ милосердія. Вы въ заблужденіи. Не мы, христіане, хотѣли, чтобы нарушенъ былъ священный покой мірозданія. Если же гору ведемъ, то не своею мы это дѣлаемъ волею.

— Кто же могъ вамъ это велѣть?

— Спросите о томъ своего градоправителя: это онъ повелѣлъ намъ, а мы, христіане, повинемся власти.

Въ это время проносили въ послѣдкахъ градоправителя, которому въ суматохѣ переѣхало колесницею ноги, и онъ услышалъ это и, тяжело стоная отъ мучительной боли, воскликнулъ:

— О, какъ я наказанъ, и какъ о безумствѣ моемъ сожалѣю! Но довольно: я вѣрю вамъ, вѣрю, великъ Богъ христіанскій, и я не хочу впередъ съ Нимъ состязаться! Если вы въ самомъ дѣлѣ не противитесь власти, то теперь я повелѣваю вамъ: сейчасъ же остановите гору!

— Господишь, — отвѣчалъ ему христіанскій епископъ: — мы власти покорны, но мы не знаемъ, можемъ ли мы исполнить второе твое повелѣніе. Ты вѣдь самъ перечиталъ наши

книги и ихъ знаешь: тамъ точно сказано, что можно вѣдѣть горѣ *двинуться* и *идти въ воду*; но припомни—тамъ вѣдь ничего нѣтъ о томъ, можно ли остановить гору, когда она уже тронулась и пошла со своего мѣста.

Земли же между горою и Ниломъ въ это время все убавлялось; ползучая глина тѣснила народъ съ одной стороны, а вода хлестала съ другой, и песокъ въ промежуткѣ засыпалъ людей по колѣно.

— Земля поглощаетъ насъ!—воскликнули люди. — Проклятіе правителю! Смерть ему, ненавистнику! Великъ Богъ христіанскій!

Тогда правитель остановилъ посылки и сталъ просить александрійцевъ простить ему его дерзость; но тѣ его не слушали, а сами упали предъ христіанами на колѣни и завопили:

— Святая вѣра ваша, и все мы хотимъ принять эту вѣру. Возьмите нашего правителя; мы отдаемъ вамъ его и даже сами сейчасъ бросимъ его въ Нилъ предъ вами, только спасите насъ,—пусть гора станетъ.

Епископъ сказалъ имъ:

— Нѣтъ. Вы не знаете, какого мы духа. Намъ не желанна гибель ничья. Богъ не хочетъ смерти грѣшныхъ. Со смертью кончается путь къ исправленію. Всякій же здѣсь себя обязанъ исправить. И правитель нашъ тоже жизнь имѣетъ отъ Бога. Пусть живетъ, пока дни его совершатся. Злое отвергни, въ сердцѣ съ одною любовью воскликнемъ все безъ различія:

— Помилуй, Владыко!

— Помилуй! помилуй!—прокатило въ народъ, и все пали лицами въ землю.

Все стало стихать; вѣтеръ умчался, осыни крѣпзя, сухіе камни перестали лонаться и крошиться, влажные оползни огустѣвали и твердѣли. Епископъ все тихо молился. Порядокъ возстановился. Гора, которая *двинулась* по вѣрѣ художника, стала на своемъ мѣстѣ по молитвѣ епископа. Люди и животныя какъ бы пробуждались отъ сна. Все наслаждалось покоемъ, кони трясли головами, а верблюды лежали, поджавъ подъ себя широко-копытныя лапы и жевали свою безконечную жвачку. На деревьяхъ показались глиноцвѣтные голуби и заворковали. Нефорисъ благовѣствовала: она

незамѣтно подошла тихо къ Зенону и, держа его за руку, говорила:

— О, если бы ты зналъ, какъ мнѣ тебя жаль, и какъ я чту и люблю твоего Бога и какъ укоряю себя!

— Въ чемъ ты себя укоряешь?

— Око... твое гдѣ, твое око, бѣдный Зенонъ!

— Оставь это. Зенонъ блаженъ, а не бѣденъ. Я счастлива, Нефора, что вижу въ тебѣ однимъ окомъ теперь тихую мысль христіанца, и ты сама мнѣ милѣй, чѣмъ тогда... когда я въ два глаза смотрѣла, какъ лицо твое рдѣло безстыдствомъ порока.

— О, замолчи!.. Я призналась во всемъ передъ всѣми...

— Ты очень достойно поступила, Нефора.

— Да, теперь я удаляюсь... въ пустыню.

— Въ пустыню!.. Помедли, на тебѣ есть мой долгъ.

— Долгъ мой!.. Чѣмъ должна я тебѣ?—удивилась Нефора.

— Чтобы исполнить совѣтъ моего Учителя, я отдалъ мой глазъ; ты была въ этомъ отчасти причинна; но когда ты не пожалѣла себя и обнажила передъ людьми свой сокровенный грѣхъ — ты себя исправила и привлекла меня къ себѣ. Мы теперь одного духа и можемъ быть подпорой другъ другу... Для чего намъ теперь разставаться? Нефора! будь ты женою Зенона!

И они сдѣлались супругами.

Отсюда видно, что соблазнъ, устроенный художнику модницей III вѣка, не имѣлъ успѣха. Египетская красавица не только не могла соблазнить нравственнаго человека, но еще сама была поражена твердостью христіанскихъ правилъ, и вся эта исторія послужила къ обращенію въ христіанство множества людей, не признававшихъ до тѣхъ поръ ничего выше соблазновъ чувственности.

Кривой художникъ «сдвинулъ» эту гору *).

Второй случай соблазна.

19) (2) *Декабрь 24*. Былъ монахъ Никола, который прежде служилъ въ войскѣ. Когда при Никифорѣ царѣ случилась война, онъ не утерпѣлъ, чтобы оставаться при мирныхъ занятіяхъ въ монастырѣ, и опять пошелъ воевать.

*) Нельзя не подивиться, какъ это сказаніе могло оставаться до сихъ поръ незамѣченнымъ тѣми, которые держатся буквальнаго пониманія словъ: «отѣки и броси!».

Никола былъ родомъ грекъ и находился въ цвѣтущей порѣ возраста. Онъ былъ высокій ростомъ, статный, сильный и красивый и съ молодецкою, военною выправкой.

Когда Никола проходилъ по Болгаріи, на него постоянно обращали вниманіе женщины, а онъ не замѣчалъ ихъ; но вотъ случилось ему разъ зайти переночевать въ одну болгарскую гостиницу, и тутъ случилось съ нимъ нѣчто опасное.

Пока онъ ходилъ, вечеромъ и потомъ укладывался спать, «примѣтила его юная болгарыня, дѣвица вельми младая, дочь гостинника болгарскаго, и плѣнилась его красотой». Инокъ же, виновственный Никола, ничего этого не подозрѣвалъ; онъ спокойно поужиналъ, помолился Богу и легъ спать, и какъ онъ отъ дороги очень усталъ, то сейчасъ же и заснулъ очень крѣпко. Но только-что онъ разоспался «во второй стражѣ нощи», неожиданно почувствовалъ, что его кто-то тихо, но неотступно потрогиваетъ. Монахъ простеръ руки и ощутилъ горячее человѣческое тѣло и встрѣтилъ молодья, тонкія руки, которыя страстно силелись съ его руками, и въ то же время чьи-то страстные уста во тьмѣ стали покрывать лицо его поцѣлуями. А при этомъ все прочіе люди, ночевавшіе въ гостиницѣ, спали крѣпкимъ сномъ и никто не могъ бы помѣшать страстной сценѣ, но иннокъ самъ освободился отъ искушенія.

Никола «восприяну», отстранилъ отъ себя ласкающую его прелестницу и «вопроси ея: кто еси и чего хочещи?»

«Она же отвѣща ему: дщерь есмь гостинникова, — раченіемъ любви къ тебѣ узвлечена и притекоша влекущися страсти ради неисцѣльныя».

Монахъ началъ останавливать страстную болгарку, и напомнилъ ей, какъ она еще молода, и что ей должно стараться собластою свою дѣвичью чистоту, чтобы вступитъ честно въ бракъ или сдѣлаться инокиней; но дѣвушка такъ имъ увлеклась, что не слушала его нравственныхъ увѣщаній и совѣтовъ, а обратилась къ хитростимъ, чтобы выиграть время и опять нанастъ на него, не надѣлавъ шума. Она «отползла отъ него», улеглась потихоньку на своей постели и притворилась—какъ будто заснула, но «къ третьей стражѣ нощи пакы приаде къ нему влекущи». Тогда Никола опять заговорилъ съ нею уже строго и притомъ громко. Этого дѣвушка испугалась, чтобы другіе отъ ихъ переговоровъ не проснулись, и она «сега ради отступн мало» отъ

Николы, но тяжело дышала и «влегцающе», какъ клечатъ въ гнѣздахъ молодыя орлицы, онять кинулась цѣловать Николу. Это уже переполюило «мѣру терпѣнія инока». Монахъ Никола плюнулъ, сказалъ: «ты бѣсъ, а не дѣвушка», — и, вставъ, ушелъ ночью изъ гостиницы. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Слѣдовательно, и вторая соблазнительница тоже не могла соблазнить правственнаго мужчину. Теперь увидимъ, какой успѣхъ ждалъ третью, — женщину самую смѣлую и самую настойчивую въ искусствѣ соблазна.

20) (3) *Декабря 27.* Въ одной нижне-египетской пустынѣ жилъ очень воздержный отшельникъ, о которомъ рассказывали много необычайнаго, и особенно хвалили его за то, что онъ не поддается никакимъ соблазнамъ. Соблазнить его считалось невозможнымъ. Одни этому вѣрили, а другіе нѣтъ. Разъ знатные люди, пировавшіе съ городскими гетерами, переходя отъ одного соблазнительнаго разговора къ другому, заговорили объ этомъ пустынникѣ, и кто-то изъ нихъ — шутникъ и затѣйникъ — сказалъ одной изъ самыхъ славныхъ гетеръ:

— Вотъ этотъ человекъ — не то, что мы, — онъ васъ, женщинъ, презираетъ, и никакая красавица его не соблазнить.

Гетера же отвѣчала:

— Это пустяки: я никогда не повѣрю, чтобы какой-нибудь мужчина могъ устоять передъ женщиной, если она хороша изъ себя и хочетъ его привлечь къ своимъ ласкамъ.

Съ этихъ словъ завязался оживленный разговоръ, въ которомъ приняли участіе всѣ пировавшія вмѣстѣ гетеры и угощавшія ихъ знатныя лица, и, будучи распалены виномъ и взаимнымъ сближеніемъ половъ, всѣ они стали спорить: возможно или нѣтъ, чтобы мужчина, хоть и благочестивый и постникъ, устоялъ передъ соблазномъ, который поставитъ ему красивая женщина, если она рѣшится ни передъ чѣмъ не останавливаться для достиженія своей цѣли. И гетеры, и знатные богачи высказывали на этотъ счетъ разные предположенія, и спору ихъ не предвидѣлось конца; но тогда одна самая красивая изъ всѣхъ тутъ бывшихъ гетеръ сказала: «Чтобы намъ не толковать объ этомъ долго безъ доказательствъ, я предлагаю вамъ рѣшить споръ нашъ опы-

томъ; положимъ сейчасъ же закладъ: могу ли я соблазнить вашего отшельника или нѣтъ. Это больше докажетъ, чѣмъ споръ на словахъ, и будетъ гораздо интереснѣе. А потомъ я пойду и попробую силу моей красоты надъ его благочестіемъ, и мы увидимъ на дѣлѣ, кто изъ насъ правѣе: вы ли, которые думаете, что на свѣтѣ есть твердые мужи, недоступные силѣ женской красоты, или правы мы, женщины, которые стояли за силу нашей власти надъ природой мужчины? Но только я не стану дѣлать этого задаромъ: я хочу знать, что вы мнѣ за это дадите болѣе противъ того заклада, какой я сама за себя положу вамъ?

Провавшіе же друзья необѣщали дать ей «очень дорогую вещь».

— Хорошо, — сказала гетера: — я увѣрена, что низложу вашего старца, и, не теряя времени, сейчасъ къ нему отправлюсь въ пустыню, а вы вставайте завтра утромъ раньше передъ тѣмъ, когда изъ-за горъ поднимется солнце; возьмите съ собою цвѣтовъ и вѣтвей со смолистыми шишками кедра, пусть за вами несутъ кошницы съ сочными гроздями и пусть будетъ все какъ надо идти къ новобрачнымъ, а подъ одежды себѣ сокройте свирѣль и пектиду; когда же придете къ пустынной пещерѣ, то приближайтесь безъ шума и тихо туда черезъ тынъ загляните: я вамъ ручаюсь, что анахоретъ вашъ въ утомленіи страсти будетъ лежать въ крѣпкомъ снѣ, преклонясь къ ногамъ погамъ, — и вотъ это будетъ отвѣтъ вамъ на все ваши споры со мною!

Собесѣдники весело согласились такъ сдѣлать. Тогда гетера безъ малѣйшаго промедленія переодѣлась въ сѣрую одежду съ неподрубленными краями и, имѣя видъ скромной странницы, вышла изъ города, а къ вечеру дошла до пещеры отшельника. Придя же къ самой двери отшельника, она притворилась утомленною до совершеннаго изнеможения и стала просить, чтобы онъ пустилъ ее къ себѣ переночевать. Старецъ былъ остороженъ и ни за что не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы пустить къ себѣ женщину: онъ отгонялъ ее прочь всякій разъ, какъ она къ нему «вопняла»; но она не отставала и была очень искусна въ притворствѣ. Послѣ того, какъ старецъ отгонялъ ее нѣсколько разъ, она начала прежалобно плакать и представлять ему, какимъ страшнымъ опасностямъ она вскорѣ подвергнется, если онъ не пуститъ ее хоть за ограду, окружающую его

пещерку, и она должна будетъ остаться на всю ночь въ неогражденномъ мѣстѣ.

— Разсуди, отче, — говорила она: — вѣдь и я человекъ, подобный тебѣ...

— Въ томъ-то и дѣло, что—«подобный», — отвѣчалъ тихо, какъ бы про себя старецъ.

— Такъ куда же мнѣ дѣться?

— А развѣ мала пустыня и нѣтъ въ ней пещерокъ? Иди и поищи себѣ пріюта.

Но переодѣтая притворница отвѣчала:

— Ахъ, я не знаю, гдѣ искать, и къ тому же я сегодня такъ много прошла, что мои ноги болѣе уже не носятъ моего усталого тѣла: я не могу дальше идти и бродить шпотьмахъ въ пустынѣ.

Старецъ молчалъ.

Гетера выдержала нѣсколько минутъ и продолжала со скорбною рѣшимостью:

— Ну, пусть будетъ такъ: если ты не открываешь мнѣ двери, такъ я, все равно, лягу здѣсь на голыхъ камняхъ, у колыбель твоей загородки, и тутъ наскочатъ на меня тигръ или левъ, и пусть они здѣсь же меня растерзаютъ.

Старецъ опять не отвѣчалъ, а она продолжала:

— Вотъ пусть здѣсь и найдутъ мои кости у пещеры христіанскаго отшельника. Это будетъ тебѣ похвала за то, какъ ты соблюдалъ свою славу, что согласился, чтобы женщину разорвали у твоего порога, лишь бы о тебѣ какой-нибудь болтуны не сказали пустого слова въ корчмѣ или на торжищѣ, или не посмѣялись бы надъ тобой глупыя бабы, полоская бѣлье у заруды.

Старца начало уязвлять это, но онъ все-таки не подавалъ голоса, а та еще продолжала:

— Муки и смерть моя навсегда останутся тебѣ укоризной. Оставляй меня на свѣденіе звѣрю — и будешь самъ одного достоинства со звѣремъ.

Рѣчь эта тронула пустынника. Онъ слушалъ ее, держа въ рукою за подножье деревяннаго распятія, которое было у него въ пещерѣ во впадинѣ, и все сильнѣе и сильнѣе сжималъ его въ рукахъ своихъ; но когда женщина представила въ словахъ, какъ звѣри будутъ терзать ее за его чстоколомъ, сердце старца стало смягчаться состраданіемъ, руки, ослабѣвая, освобождались и самъ онъ, обращаясь по-

темногу лицомъ къ двери, чрезъ которую у нихъ шель разговоръ, сказали пришедшей:

— Окаянница! Чтѣ за напасть ты мнѣ несешь, и откуда ты мнѣ навязалась?

— О, старче Божій! — отвѣчала искусительница. — Но все ли это равно для тебя, откуда я пришла? Стыдись объ этомъ вопрошать! «Аще богобоишь и человеколюбивъ еси», то довольно съ тебя того, что я человекъ, что я изнемогаю и что жизнь моя въ смертной опасности; а ты можешь избавить меня отъ этой опасности и ничего не дѣлаешь, да даже, кажется, еще думаешь угодить своимъ безчувствіемъ Богу, Который создалъ людей и слышитъ всѣ ихъ стоны и жалобы. О! какъ ты удаляешь себя отъ Бога! Вѣдственно теперешнее мое положеніе, но, знай, я ни за чтѣ не согласилась бы промѣнять его на твое! Оставайся въ затворѣ, жестокой старикъ! — я не хочу болѣе отягчать мученіями твою совѣсть, я не хочу, чтобы люди укоряли тебя за твою жестокость. Пусть никто, кромѣ Бога и меня, не знаетъ, какое у тебя безсогратательное сердце, — я удалиюсь въ пустыню, и пусть звѣри меня растерзають.

Пустыннику сдѣлалось жалко ее, сердце его сжалось отъ представленія объ ожидающемъ ее ужасѣ, и онъ воскликнулъ:

— Не уходи, окаянница, — такъ и быть, я виучу тебя.

— Ну, я благодарю Бога, что Онъ послалъ состраданіе ко мнѣ въ твое сердце, — скромно отозвалась гетера.

— Да; но только я все-таки не введу тебя въ мою пещерку, а виучу тебя только войти въ огородочку.

— Все равно, — для меня будетъ довольно и этого: лишь бы не съѣли меня звѣри.

Пустынникъ выгналъ изъ частогола двѣ плахи и, открывъ лазъ, випустилъ гетеру, не глядя въ лицо ей, и опять задвинулъ лазъ плахами, а ей сказалъ, чтобы она пріютилась тутъ въ этой загородкѣ и не просилась бы далѣе въ самую пещеру.

Гетера согласилась и дала ему обѣщаніе болѣе его не беспокоить до утра; но едва прошло малое время и старецъ сталъ на ночную молитву, какъ она начала потихоньку постукивать въ его дверь тонкимъ палочкомъ, а голосомъ иѣжно жаловалась, что ея одежды слишкомъ легки, а ночь становится будто очень холодна, и вотъ она сильно зябнетъ.

Старецъ выбросилъ ей черезъ оконце свое ветхое рубище и сказалъ:

— Вотъ тебѣ, окаянница, все, что у меня есть! Возьми это себѣ и помни, что больше теперь уже ничего для тебя пить! Укрой этимъ свою смрадную плоть и не мѣшай мнѣ молиться.

Гетера его благодарила, и, отбросивъ отъ себя прочь рубище пустытника, которое казалось ей столь же смраднымъ, какъ тому была смрадна ея плоть,—обѣщала быть спокойною и ничѣмъ болѣе не нарушать его молений.

Но обѣщаніе это, разумѣется, опять было неискренно, и спустя небольшое время, какъ только старецъ, начавшій продолжать прерванную молитву, «устремилъ свой умъ на высокая», безпокойная гетера опять начала къ нему тихо стучаться и царапаться, паничая легкимъ тѣломъ своимъ на узкую дверку его пещеры.

Старецъ смутился, потому что дверка, сколоченная его неискусными руками, была непрочна и во многихъ мѣстахъ сквозилась.

— Что же еще пужно тебѣ, окаянница? — спросилъ старецъ.

— Ахъ, я ужасно претерпѣваю! — отозвалась гетера. — Здѣсь на меня прыгаютъ съ земли аспиды! Ахъ, я несчастная! Это ужасно!

— Не бойся ихъ: я помолюсь за тебя, и аспиды тебѣ ничего не сдѣлаютъ.

Но гетера горько заплакала и говорила, что уже теперь странно страдаетъ, чувствуя опасный зудъ отъ увлеченій, сдѣланныхъ ей аспидами.

— Я буду молиться и объ этомъ,—сказалъ старецъ; но она, какъ бы не внимая сему, или не довѣряя таинственной силѣ молитвы, вскричала съ болью и гнѣвомъ:

— Нѣтъ, ты мнѣ не то говоришь!.. Ты злой и гордый старикъ, или ты трусъ, надъ которымъ насмѣется врагъ твой, дьяволъ, за то, что ты боишься бѣдной, слабой женщины и не хочешь прикоснуться своею свитою рукою къ моему страждущему тѣлу и исцѣлить меня отъ укушенія аспидовъ!

Старецъ ей отвѣтилъ:

— Не прикоснуся! — и вложивъ въ уши свои персты, началъ качать головою и громко молиться.

Но какъ только гетера увидала, что онъ заткнулъ уши, то она такъ сильно застучала въ дверь, что «все веко-лебалось», и старецъ невольно обратился къ ней съ вопросомъ:

— Теперь еще что тебѣ, окаянница?

— Я слышу, какъ ползутъ огромныя змѣи; вотъ онѣ шуршатъ по травѣ, — вотъ изгибаются, чтобы проникнуть межъ колеви, — сейчасъ онѣ меня уязвятъ и обольютъ смертоноснымъ ядомъ.

— О, если бы ты, окаянная, знала, koliko ты сама для меня хуже всякой змѣи! Но вотъ на тебѣ мой посохъ, — онъ изъ такого дерева, котораго змѣи боятся. Возьми его и положи возлѣ себя и спи. Когда посохъ мой будетъ возлѣ тебя, змѣи отъ тебя удалятся.

И подумавъ старецъ, что теперь уже всѣ опасности для почующей въ оградѣ женщины предотвращены, и хозяину, и гостѣмъ — обоимъ можно мирно уснуть, каждому на своемъ мѣстѣ.

Онъ уже хотѣлъ загасить мерцавшій предъ нимъ свѣтильникъ и лечь на свое жесткое, тростниковое ложе, какъ женщина вдругъ бросилась на его дверь съ страшнымъ воплемъ и въ неописуемомъ ужасѣ закричала:

— О, старецъ! старецъ! выпусти меня скорѣе къ себѣ! Я погибаю!

— Да что же еще тебѣ приключилось? — вскричалъ разгнѣванный старецъ.

— Ахъ, неужели же ты столько глухъ, сколь и жестоко-сердъ, что не слышалъ, какъ страшныя звѣри рыщутъ вокругъ твоей огорожи!

— Я ничего особеннаго не слышу, — отвѣтилъ старецъ.

— Это оттого, что ты затворилъ свое сердце, и вотъ затворяется слухъ твой и скоро затворятся очи. Но отпирай мнѣ сейчасъ! — вотъ уже одинъ левъ съ лапцею пастью поднялся на лапы, вотъ онъ бьетъ себя хвостомъ по бокамъ и уже перевѣсилъ сюда голову... О, скорѣй скорѣй! — вотъ онъ уже трогаетъ мое тѣло своимъ языкомъ... Твои ветхія колья сейчасъ обломятся, и кости мои затрещать въ его пасти...

Пустынникъ отодвинулъ трепещущею отъ страха рукою задвижку двери, чтобы удостовѣриться въ томъ, справедливо ли сказывала ему лукавая женщина, а она не дала

ему опомниться и сейчас же «выпала» къ нему «въ его затворецъ», и съ тѣмъ вмѣстѣ и дверь за собою захлопнула, и вырвала изъ рукъ старца деревянный ключъ и бросила за оконце...

— А-га, окаяница, такъ вотъ ты вскочила!—произнесъ, увидя себя обманутымъ, старецъ.

Она же посмотрѣла «безстыдно» и отвѣтила:

— Да, ты теперь въ моей власти!

И затѣмъ она сейчасъ же сѣла въ уголь и, глядя съ безстыдною улыбкой на старца, начала снимать съ себя одежды одну за другою, и съ странною быстротою сняла съ себя все, даже до послѣднихъ покрововъ...

Цѣломудренный отшельникъ былъ такъ пораженъ этимъ, что не успѣлъ ничѣмъ помѣшать поступку своей наглой гостьи; но, увидя ее уже раздѣтою, всплеснулъ руками и бросился лицомъ ницъ на землю, стона и моля гетеру:

— О, жестокая! о, окаянная! О, пощади меня... Скройся!

Она же ему отвѣтила:

— Чтò тебѣ до меня? Я тебя и не касаюсь! Ты во власти у Бога, и обладаешь собой, а я вольна надъ собой; мнѣ тяжель мои ризы, и для того я сняла ихъ.

Пустыжникъ ей что-то хотѣлъ отвѣчать, но вдругъ ощутилъ, что въ немъ побѣждало «адово пламя». и выпало ему въ мысль «повлестись» къ этой женщинѣ. И тутъ онъ одолѣлъ и себя, и ее, и любителя всякой нечистоты—дѣвола. Онъ вскочилъ съ земли, быстро расправилъ огонь въ своемъ свѣтильникѣ какъ можно пылче, и, вложивъ въ пламя свою руку, началъ жечь ее...

Кожа его затрепала и по нещериѣ поползъ острый смрадь горящаго тѣла.

Гетера ужаснулась и хотѣла вырвать у него фитиль, но онъ не далъ и оттолкнулъ ее. Тогда она отошла отъ него и заговорила:

— Оставь это безумство! — я лучше уйду отъ тебя, ибо мнѣ противно обонять запахъ твоего горящаго тѣла!

Но—увы!—сѣй выйти изъ нещеры было невозможно, потому что двери ея же хитростію были заперты и поневолѣ она и пустыжникъ должны были ночевать вмѣстѣ. И напрасно она во всю ночь молила его перестать жечь себя—пустыжникъ оставался непреклоненъ и все продолжалъ свою муку, а самъ смотрѣлъ въ сторону, ибо и при терзаніи себя

огнемъ онъ все-таки еще боялся смотрѣть на обнаженную соблазнительницу, а она, оцѣнивъ отъ страха, не могла собрать свои платья и оставалась нагою.

Такъ прошла цѣлая ночь, и къ утру рука у пустытника была вся обуглена, а гетера «окаменѣла отъ ужаса».

Когда стала заниматься заря, то, по условію между гетерой и ея пріятелями, къ пещерѣ пришли юноши и съ ними подруги этой несчастной, которая взялась соблазнить отшельника; всѣ они были еще въ пьяномъ загулѣ и приближались къ пещерѣ съ виноградными гроздями и жаренымъ мясомъ и мѣхомъ вина, а также съ пахучими шипками смолистыхъ деревь, и, ставъ у дверей частокола, заиграли на своихъ свирѣляхъ, но гетера имъ не отвѣчала. Тогда они поднялись и заглянули черезъ оконце въ пещеру и увидали, что отшельникъ продолжаетъ жечь себя на огнѣ, а обнаженная гетера сидитъ, окаменѣвши отъ ужаса.

Тутъ они выломали дверь и вынесли на свѣжій воздухъ свою лишившуюся чувствъ сообщницу, и когда она пришла къ чувству, то созналась, что не могла соблазнить старца, и горько въ своемъ напѣреніи каялась.

Такимъ образомъ выходитъ, что и третья соблазнительница тоже не имѣла успѣха, какъ и двѣ первыя, напавшія на такихъ людей, которые не искали любовныхъ забавъ. Теперь остается четвертая, которую приходится ставить въ эту группу.

21) (4) *Апрѣля 1.* Житіе прендобной Маріи Египетской въ первомъ періодѣ ея жизни описываетъ цѣлый рядъ грѣхопаденій все противъ одной и той же заповѣди о цѣломудріи. Эта, дѣйствительно, успѣвала въ соблазнѣ молодыхъ людей; но какъ она причислена къ лику святыхъ, и притомъ житіе ея весьма общеизвѣстно, то здѣсь никакихъ извлеченій изъ него дѣлать не будемъ. Но для своихъ систематическихъ выводовъ замѣтимъ, однако, что въ первомъ періодѣ жизни Маріи Египтянки соблазнительное поведеніе составляло ея профессію, такъ что и она тоже отнюдь не прилагала заботъ къ тому, чтобы соблазнять людей цѣломудренныхъ и удалявшихся отъ сближенія съ непостоянными женщинами, а она обращалась съ безнорядочными и развратными мужчинами просто потому, что жила въ такомъ кругу, гдѣ она иначе и не могла жить, пока ей открылось, что такая жизнь унижаетъ человѣка, и она, — онятъ къ

чести ея женской природы, — сама эту позорную жизнь оставила.

Соблазнительница или прелестница на 35 женщин, описанных в древнемъ, отреченномъ Прологѣ, оказывается *всего три*, и то изъ нихъ одна гетера, для которой это дѣло было ея ремесломъ. Стало-быть, отъ нея никакой высшей нравственности невозможно и требовать. Другая соблазнительница, пристававшая ночью къ монаху Николѣ въ болгарской гостиницѣ, несовершеннолѣтняя дѣвочка, была очевидно больная, всего вѣроятнѣе нервно-разстроенная. И затѣмъ, значить, въ настоящей, соблазнительной роли остается *только одна*, египетская щеголиха, употребившая чары своей красоты на то, чтобы соблазнить художника, дѣлаваго красивые женскіе уборы. Эта красавица изъ высшаго круга александрійскихъ горожанокъ дѣйствовала какъ настоящая соблазнительница изъ-за того, что хотѣла приобрести себѣ цѣной своей красоты уборъ на голову. Слѣдовательно, по разсмотрѣніи всей этой галереи, мы находимъ всего только *одну* соблазнительницу на тридцать пять женщинъ... Надо признаться, что эта доля чрезвычайно малая, но притомъ и эта изящная женщина, равно какъ и историческая болгарская дѣвочка и гетера—все въ своихъ искательствахъ на мужчинъ не имѣли успѣха...

Послѣ этого позволительно спросить: изъ чего же можно вывести, будто житійная литература представляетъ женщинъ въ особенно худомъ видѣ сравнительно съ мужчинами? Систематическое обзорѣніе нашего источника не показываетъ основаній для такого вывода.

Продолжая нашъ обзоръ, увидимъ нѣчто еще болѣе интересное и еще сильнѣе противорѣчащее старому повѣрью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

22) *Сентября 29*. «Былъ монахъ Кононъ—попъ саномъ и устроень бѣ на крещеніе». Когда онъ крестилъ дѣтей или мужчинъ, все дѣло шло у него благополучно; но когда Конону приходилось крестить взрослыхъ женщинъ—ему были искушенія: «егда мазана жены—люте соблазнишися». Какъ ни старался попъ Кононъ возобладать надъ этимъ искушеніемъ—оно отъ него не отступало, и, терзаясь такимъ образомъ при всякой новокрещеницѣ, попъ Кононъ

рѣшился оставить свое соблазнительное послушаніе и бѣжать изъ монастыря. Онъ уже и привести свое намѣреніе въ исполненіе, то-есть вышелъ изъ монастыря и пошелъ куда глаза глядятъ, только чтобъ удалиться отъ монастыря и никогда болѣе не крестить взрослыхъ женщинъ; но не успѣлъ Кононъ далеко отойти изъ монастыря, какъ ему въ степи «явился Іоаннъ Креститель» и сказалъ ему: «не ходи, — я тебя облегчу отъ этой брани». Пошъ Кононъ повѣрилъ словамъ Крестителя и воротился опять къ своему дѣлу въ монастырь. И нѣкоторое время не жалѣлъ объ этомъ. Теперь попу Конону въ самомъ дѣлѣ какъ будто было сносно, такъ что онъ уже могъ помазывать новокрещенницъ безъ особеннаго для себя мученія; но вдругъ отъ одного незначительнаго, повидимому, случая все испортилось. Пришла въ монастырь креститься одна молодая персіянка, и Кононъ ее окрестилъ въ водѣ, но никакъ не могъ помазать своими руками тѣло ея освященнымъ масломъ, — «бѣ бо толчко красна лицемъ персіяныи, яко не мощи попови помазати ногу ея». Дѣлалось съ нимъ что-то такое, что передо всѣми обнаруживало въ немъ большое страданіе, котораго онъ ни скрыть, ни преодолѣть не могъ. Что такое именно было съ Конономъ и какими припадками выражалось—въ древнемъ сказаніи не объяснено. Цѣлый день мучился съ этимъ искушеніемъ пошъ Кононъ и все-таки никакъ не могъ помазать персіянку. О происшествіи этомъ сообщили епископу Петру, и епископъ велѣлъ сейчасъ же привести персіянку къ себѣ; но отъ этого сдѣлалось не лучше, а хуже, ибо и самъ епископъ Петръ, «увидавъ персіянку, удивися добродію ея и восхоте пояти ея къ себѣ за діакона». Молодая же персіянка, хотя еще и мало была наставлена въ истиннахъ христіанской вѣры и даже была еще не совсемъ докрещена, однако, она не захотѣла согласиться на предложеніе епископа Петра, — чтобы жить при немъ подъ видомъ діакона, и, несмотря на всѣ убѣжденія епископа, «не сотвори сего». Такъ она и осталась съ непомазанными ногами, потому что когда персіянку повели къ епископу, пошъ Кононъ «разгнѣвася, вземъ ризы своя и отыде въ горы». Теперь онъ уже ни за что не хотѣлъ идти назадъ въ монастырь и муромазывать персіянку. Но когда пошъ Кононъ, разсердился на своего епископа, блуждалъ по пустынѣ, его опять встрѣтилъ Іоаннъ

Креститель и сказалъ ему: «возвратися, поле, въ монастырь, уже азъ облегчу тебя теперь отъ брани».

«Тогда Кононъ рече съ гнѣвомъ: не обращаюся, многожды бо обещался облегчить ми и не сотвори».

«Егда же его св. Іоаннъ посади и откры ризы его и знаменіемъ крестнымъ перекрести и глаголя: хотѣлъ, дабы ты имѣлъ мзду брани, но понеже не хочещи, се уже облегчихъ тя, но мзды уже не имаша отъ венци сея».

«И возвратися въ монастырь пресвитеръ, на утро же крестивъ помага персіянку, даже яко бы не разумѣвъ яко жена есть естествомъ».

Вниманіе читателя не должно проскользнуть безъ замѣчанія мимо того, что оба мужчины, то-есть поппъ Кононъ и епископъ Петръ, страдали, и Кононъ даже не могъ справиться съ собою безъ особаго чуда со стороны Іоанна Крестителя, а персіянка, дѣвушка, безъ особыхъ успій охраняла себя и воздержала отъ паденія обоихъ священнослужителей *).

23) *Апосты 29*. Нѣкоторый монахъ, жившій въ недостаточномъ монастырѣ, былъ посланъ во время рабочей поры въ міръ, чтобы поработать на людей и, прокормивъ себя, принесть бы также что-нибудь въ обитель. Монахъ этотъ зналъ одного очень честнаго и довѣрчиваго поселенца и пришелъ къ нему предложить свои услуги. Поселенникъ принялъ его съ полнымъ довѣріемъ и, встрѣтивъ

*) Въ тѣ времена, къ которымъ относится разсказъ, крестильныя обязанности соединены были для крещающаго съ довольно значительными трудами. Въ знаменитомъ «Учении двѣнадцати апостоловъ», открытомъ Бриеніемъ, встрѣчаемъ слѣдующее (см. переводъ журнала *Дѣйская Помощь*, М. 1885 г., № 8): «Что касается до омовенія (ио киевскому переводу «крещенія»), то оmyвайте (киевск. «крестите») такъ: напередъ скажите тому, кого вы оmyваете, все, что тутъ сказано (о пути жизни и о пути смерти) и *потомъ оmyвайте* во имя Отца и Сына и Св. Духа, въ водѣ проточной. Если же не имѣешь проточной воды, то оmyвай въ другой водѣ; если пѣть ни той, ни другой, то облей три раза водой голову. Предъ омовеніемъ же пусть постится *тотъ, котораго будутъ оmyвать, и тотъ, который будетъ оmyвать, и другие, если могутъ*». «Попъ, учрежденный на крещеніе», прежде чѣмъ оmyвать крещаемую, имѣлъ обязанность поститься съ ней и пунать ей: «берегись тѣлесныхъ и мірскихъ побужденій, не прелюбодѣйствуй, не распутничай, не умерщвляй младенца въ утробѣ и рожденнаго не убивай, не сквернословь, не скверномысли и не озирайся на то, чего тебѣ не надо видѣть—это ведетъ къ распутству: (стр. 426).

надобность отлучиться изъ дома, оставить монаха на хозяйствѣ «домоглядѣльцемъ», поручивъ ему также свою очень молодую дочь, которая была замужемъ всего только одинъ годъ и овдовѣла.

Суди по тому, въ какіе ранніе годы выдавали тогда дѣвочки замужъ на Востокъ, надо полагать, что эта молодая вдовица, съ которою монахъ остался «домоглядѣльцемъ», имѣла что-нибудь около 12—13 лѣтъ, то-есть, по нашимъ нынѣшнимъ представленіямъ, она сама была еще почти дитя.

Оставшись съ этою юницею, монахъ, которому было поручено охранять ее, вдругъ самъ началъ чувствовать, что «онъ побѣждается ею». Не сказано, какъ «побѣждаемый» боролся; но сказано, что онъ сразу же сталъ вести себя такъ странно, что и побѣдительница его стала это замѣчать, и побѣда ея надъ нимъ была ей нежелательною. Она испугалась своего положенія, которое и въ самомъ дѣлѣ было небезопасно, такъ какъ она оставалась съ монахомъ съ глазу на глазъ одна, и даже возлѣ дома ихъ не было близко сосѣдей, которые могли бы ей подать помощь. Молодая женщина все это сообразила и поняла, что она ни откуда не могла надѣяться получить себѣ защиту въ томъ случаѣ, если «побѣждаемый ею» монахъ совсѣмъ побѣдится и, утративъ самообладаніе, обратится къ дерзкимъ мѣрамъ насилія. Она не могла рассчитывать на свою силу, чтобы отразить его. А къ несчастію, скоро въ этомъ оказалась надобность. Монахъ однажды, «пришедъ по обычаю, нача смущатися и къ ней подвизатися». Приступъ его былъ столь рѣшителенъ, что молодицѣ казалось уже невозможно въ этотъ разъ спастись отъ него; но она, однако, отыскала средство къ спасенію. «Бывъ смышлена и благоразсудна», молодица не стала сопротивляться нику силою и даже не подняла никакого бесполезнаго шума, такъ какъ она понимала, что при всякомъ сопротивленіи «побѣжденному» перевѣсъ оказался бы не на ея побѣдной сторонѣ, и вотъ она не захотѣла сопротивляться ему какъ животному, а отважилась повлѣять на лучшую сторону его духовной природы, — не на его взбунтовавшіеся физическія силы, а на его совѣстливость.

— О, отче! — сказала она монаху: — для чего ты такъ усиленно на меня нападаешь! Развѣ я и безъ того не въ твоей власти! Мы съ тобой вдвоемъ въ цѣломъ домѣ, и я

слишкомъ слаба, чтобы тебѣ сопротивляться. Не загораживай же напрасно все двери и окна: я не птица и не муха и не могу отсюда ни улѣтъ, ни выйти. Сейчас я буду вся въ твоей власти, но только оставь мнѣ покуда еще одно малое мгновеніе, чтобы я могла сдѣлать то, что желаю.

Монахъ сказалъ:—Сдѣлай!

А она попросила, чтобы и онъ, «еще милосердъ», сдѣлать то же самое, что она будетъ дѣлать.

«—Что же ты хочешь сотворить?»—спросилъ монахъ.

«—Хочу рещи глаголь иѣкій Богу», — отвѣчала молодница:—а такъ какъ сіе и твое дѣло, то потому давай оба вмѣстѣ помолимся, и потомъ ты, помолись Богу, поступай со мной какъ пожелаешь.

Монахъ написалъ, что это ему совершенно нежелательно, и не только не стать молиться, а еще болѣе «нобѣждался, мятонася отъ брани». Тогда молодница стала умолять его, чтобы онъ хоть ей дать время помолиться. На это монахъ согласился, и она сейчасъ же начала молиться и молилась велухъ, выражая въ словахъ, относимыхъ къ Богу, свою беззащитность и свою покорность предъ несчастіемъ, которое можетъ надъ ней совершиться; а притомъ излила и свое горячее сожалѣніе о несчастномъ человѣкѣ, который хочетъ оскорбить ея чистоту, и просила простить ему грѣхъ его, потому что онъ далъ надъ собой такую власть страсти, что сталъ хуже всякаго животнаго, ибо посягаетъ на цѣломудріе женщины, которая сама довѣрилась его защитѣ... Монахъ все ее слушалъ—и совѣсть его стала пробуждаться, и, наконецъ, дѣло дошло до того, что онъ прослезился, и вдругъ увидалъ, что молящуюся женщину окружаютъ какіе-то свѣтлые духи, и онъ испугался и убѣжалъ отъ нея.

Можно подумать, что этотъ легендарный случай былъ извѣстенъ Мильтону и что онъ вызвалъ у него прекрасныя строфы:

«Такъ свято предъ очами поба дѣвство.
Что если искренно душа блюдетъ его заветы —
Тѣмы ангеловъ на службу ей готовы».

Послѣ такихъ юныхъ, иѣжныхъ и граціозныхъ женскихъ лицъ, какъ эта молодница и персіянка, встрѣчаемъ опять цѣломудренную и энергическую женщину степеннаго воз-

раста, которая, сообразно своей житейской опытности, не только себя оберегла от соблазна, но еще дала прекрасный урок соблазнителю. Эта степенная женщина тоже обрезаживает и спасает монаха, по совѣмъ инымъ пріемомъ.

24) *Юня 13.* «Братъ нѣкій посланъ бысть изъ монастыря по службѣ» и, идучи дорогою, «пришелъ на мѣсто нѣкое, имущее воду». Здѣсь ему понравилось положеніе, и онъ присѣлъ, чтобъ отдохнуть и подкрѣпить себя пищей; но едва расположился, какъ примѣтилъ женщину, которая, стоя на берегу, мыла «платно». Разстояніе мѣшало брату опредѣлить возрастъ и рассмотреть черты лица женщины, но, тѣмъ не менѣе, братъ засмотрѣлся, какъ она моетъ и нагибается, и на него сейчасъ же «приде брань»: братъ былъ неопытный и не могъ долго бороться; онъ сейчасъ же подошелъ къ этой женщинѣ близко и, не стѣсняясь тѣмъ, что женщина была значительно старше его, сдѣлалъ ей предложеніе, чтобъ она раздѣлила съ нимъ удовольствіе загорѣвшейся въ немъ страсти.

А женщина, надо полагать, была разсудительная и спокойная: она посмотрѣла на взволнованнаго инока безо-всякаго страха и отвѣчала ему съ ироніей:

— Мнѣ не трудно тебя послушаться, но только смотри, не пришла бы тебѣ послѣ отъ этого скорбь?

— А какая мнѣ можетъ быть скорбь?

— Не стала бы тебя мучить совѣсть и не впасть бы ты въ отчаяніе?

— Нѣтъ, я этого ничего не боюсь,—отвѣчалъ монахъ.

— Ну, смотри: многіе послѣ каются.

— Да нѣтъ, ужъ я себя знаю.

— Нѣтъ, ты хорошенько подумай: не стала бы ты сильно жалѣть!

— Да нѣтъ же, не безпокойся: ни о чемъ я жалѣть не буду!

— А ты сколько лѣтъ прожилъ уже въ монастырѣ?

— Семнадцать.

— И неужели тебѣ не жаль ихъ?

— Нимало.

— А ты знаешь ли еще («имани ли искусъ»,—то-есть испытать ли?), чтѣ есть жена?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, такъ какъ же ты, не зная, *что есть*, согла-

шаешься бросить за это невѣдомое то, въ чемъ наставленъ и чего добивался цѣлыхъ семнадцать лѣтъ? Ты знай, что взять женщину — это значить взять на себя большое обязательство. Я, изволь, соглашусь, на что ты манишь меня, и пусть это будетъ по-твоему; но помни, что потомъ я отъ тебя не отстану, и можетъ случиться, что тебѣ придется принять на себя еще и большую тягость.

— Какую же еще большую тягость?

— А такую, что есть ли у тебя гдѣ содержать меня и дѣтей, и чѣмъ кормить насъ?

— Нѣтъ, у меня жилья нѣтъ и кормить васъ нечѣмъ.

— Такъ какъ же ты смѣешь меня звать?

— Я объ этомъ не думаю.

— Ты, вѣрно, думалъ, что послѣ можешь удалиться?

— Да, я вотъ именно такъ намѣревался.

— Ну, такъ ты очень глупъ, а ты впередъ знай, что женщины не для того только созданы, чтобъ угашать въ васъ огонь вашей страсти, а что онѣ имѣютъ стыдъ и любовь къ дѣтямъ, и себя и своихъ дѣтей оберегаютъ и за виновникомъ ихъ рожденія всюду готовы слѣдовать. Осмѣйся-ка тронь меня, я посмотрю, куда ты отъ меня дѣнешься? Я пойду къ твоему аввѣ и скажу: авва! не дай ему ни хлѣба, ни сочива и прогони его вонъ: я черезъ него стала тяжелою и не могу больше гнаться, — пусть онъ идетъ со мною и кормить меня, и вмѣстѣ со мною питаетъ и дитя, которое имѣетъ родиться. Авва твой тебя и выгонитъ, а я тогда заставлю тебя полоскать вмѣсто меня въ водѣ портомойню.

— Ты меня вельми просвѣтила, — отвѣчалъ монахъ.

— То-то и есть. Образумься. Если ты ужъ посвятился въ монахи, то иди скорѣй въ свой монастырь, а не стой по такимъ мѣстамъ, гдѣ женщины моютъ на рѣчкѣ.

Братъ почувствовалъ себя пристыженнымъ и, испугавшись того, чѣмъ пристыжила его прачка, возвратился бѣгомъ въ монастырь и никогда больше не засматривался на женщинъ, ибо всегда помнилъ эту прачку и со встрѣчи съ нею питалъ опасеніе къ рѣшительности женскихъ характеровъ.

Трогательны и способны вызывать живое сочувствіе выведенные вельдѣ за сямъ типы профессиональных «блудницъ» и «блудницъ нищеты ради уготованныхъ».

25) *Августа 3.* Въ городъ Тиръ пришли разъ два черноризца, и когда они проходили по уединенному мѣсту, гдѣ притаивались городскія блудницы, то одна изъ этихъ несчастныхъ женщинъ, по имени Порфирія, томимая голодомъ, бросилась къ одному изъ братьевъ и, рыдая, восклицала: «Отче! спаси меня, какъ Христось спасъ блудницу!» Тутъ же были проходящіе люди и все это видѣли.

Черноризецъ зналъ, что тогдашніе люди имѣли самое невысокое мнѣніе о монашескомъ цѣломудріи и теперь, увидя его съ блудницей, навѣрное стануть смѣяться надъ нимъ и осуждать его, — особенно если онъ исполнитъ просьбу блудницы и станеть о ней заботиться; но, съ другой стороны, онъ разсудилъ, — что же важнѣе: снести ли напрасное осужденіе отъ толпы, или явно отвергнуть человѣка, который умоляетъ «спасти» его во имя Христова? Выбрать правильное рѣшеніе, разумѣется, было не трудно, и черноризецъ отвѣтилъ блудницѣ: «иди за мною» и, «взявъ ее за руки, повелъ ее сквозь народъ изъ города».

Тогда по всему городу и по окрестностямъ быстро распространилась молва, что «черноризецъ поялъ себѣ блудницу Порфирію», и всѣ видѣли въ этомъ большой соблазнъ; но ни черноризецъ, ни его игумень не обращали на это никакого вниманія, а спасенія отъ позорнаго промысла блудница Порфирія, отдохнувъ и поправясь у брата, обнаружила въ себѣ большую сердечную доброту и ибжность. Она нашла у какого-то уединеннаго бѣднаго храма брешенное дитя и, исполнившись къ нему жалости, взяла его и стала его воспитывать. «Но лѣтъ же единомъ простачадь (то-есть престолоюдины) изъ Тира» пришли для молитвенныхъ цѣлей въ обитель, куда укрыта была Порфирія, и узнали ее, а увидавъ при ней годовое дитя, заговорили: «добре чернице-черничница еси породила!» Люди эти рассказали въ Тиръ, что видѣли у черноризца Порфирію и при ней годового ребенка, какъ разъ будто похожаго на того брата, который взялъ ее и повелъ съ собою черезъ весь городъ. Черноризецъ слышалъ объ этомъ и семь лѣтъ молчалъ, а въ это время пріемышъ Порфиріи выросъ, а она сама сдѣлалась монахиней. Тогда чернецъ, чувствуя приближеніе смерти, взялъ эту женщину и ея пріемыша и пошли всѣ трое вмѣстѣ въ Тиръ. Здѣсь инокъ собралъ въ одно мѣсто сто человѣкъ и велѣлъ принести

полную кадильницу жарко горящих угольевъ, и при всѣхъ ссыпаль эти пламеннующіе уголья въ свой стихарь. Стихарь не загорѣлся и даже не чадилъ. Всѣ это видѣли и удивлялись, а черноризецъ сказалъ:— «Вотъ и смотрите: въ этомъ есть знаменіе, что я отъ рожденія своего никогда не зналъ грѣха женскаго». Раздѣлявшая же съ нимъ напраслину Порфирія, прежде бывшая тѣрекая блудница, а потомъ благочестивая отшельница, посвятила остатокъ своей жизни спасенію другихъ женщинъ, переносившихъ въ Тирѣ такое же самое унизительное положеніе, изъ котораго она вырвалась при состраданіи монаха, котораго она никогда не склоняла къ любовному сближенію со собою, а хранила къ нему только высокое чувство благодарности и уваженія.

Другая блудница къ самому паденію своему приводится такимъ трогательнымъ путемъ, какому не представляетъ равнаго никакой художественный вымыселъ.

26) *Апрѣля 8.* Въ Александріи жила одна очень молодая и очень красивая дѣвушка, египтянка. Она была круглая сврота. Родители ея умерли, едва только она вышла изъ дѣтства, и оставили ей хорошій достатокъ. Дѣвица имѣла благоустроенный домъ и обширный виноградный садъ по скату къ рѣкѣ Нилу. Наслѣдства, которое она получила, достаточно было бы, чтобъ ей прожить цѣлую жизнь въ довольствіи; но молодая египтянка была чрезвычайно участлива ко всякому человѣческому горю и ничего не жалѣла для того, чтобы помочь людямъ, впадающимъ въ бѣдствіе. Черезъ это съ нею произошелъ слѣдующій роковой случай.

Разъ передъ вечеромъ, когда схлынулъ палящій египетскій жаръ, египтянка пошла со своими служанками купаться къ Нилу. Она выкупалась и, освѣженная, покрывшись легкимъ покрываломъ, тихо возвращалась къ себѣ назадъ черезъ свой виноградникъ. Служанки ея этимъ временемъ оставались еще на рѣкѣ, чтобъ убрать купальныя вещи.

Вечеръ послѣ знойнаго дня былъ прелестный; работники, окончивъ свое дѣло, ушли, и виноградникъ былъ пустъ. Египтянка могла быть увѣрена, что она одна въ своемъ саду; но вдругъ, къ удивленію своему, она замѣтила въ одной куртнѣ присутствіе какого-то незнакомаго ей чело-вѣка. Онъ какъ-будто скрывался и въ то же время торопливо дѣлалъ что-то у одного плодovitаго дерева. Можетъ-

быть, онъ рвалъ плоды и оглядывался, боясь, что его поймутъ вертоградари.

Египтянкѣ пришло на мысль подойти ближе къ незнакомцу съ тѣмъ, чтобы помочь ему скорѣе нарвать больше плодовъ и потомъ тихо проводить его черезъ ходъ, выходящій на берегъ Пила, къ купальнѣ. Съ этою цѣлью она и пошла къ незнакомцу.

Но когда египтянка подошла ближе, то она увидала, что этотъ незнакомецъ не срываетъ плоды, а дѣлалъ что-то совсемъ другое: онъ закрѣплялъ для чего-то шнуръ къ суку стараго дерева. Это показалось ей непонятно, и она притаилась, чтобы видѣть, что будетъ дальше, а незнакомецъ сдѣлалъ изъ шнура петлю и вложилъ въ нее свою голову... Еще одно мгновеніе—и онъ удавился бы въ этой петлѣ, изъ которой слабой дѣвушкѣ не по силамъ было бы его вынуть, а пока она успѣла бы позвать на помощь людей, удавленникъ успѣлъ бы умереть... Надо было помѣшать этому немедленно.

Египтянка закричала: «остановись!» и, бросаясь къ самоубійцѣ, схватилась руками за петлю веревки.

Незнакомецъ былъ пожилой человѣкъ, эллигъ, съ печальнымъ лицомъ и въ печальной одеждѣ, съ неподрубленнымъ краемъ. Увидавъ египтянку, онъ не столько испугался, сколько пришелъ въ досаду, и сказалъ ей:

— Какое несчастіе! Злой демонъ, что ли, выслалъ тебя сюда, чтобы остановить мою рѣшимость?

— Для чего ты хочешь умереть, когда жизнь такъ прекрасна?—отвѣчала ему египтянка.

— Можетъ-быть, жизнь и прекрасна для тебя и для подобныхъ тебѣ, которыя живутъ въ полномъ довольствѣ. Раньше и я находилъ въ ней хорошее, но нынче судьба отъ меня отвернулась и жизнь моя составляетъ мнѣ несносное бремя: ты не права, что мѣшаешь мнѣ умереть. Иди отсюда своею дорогою и оставь мнѣ возможность вылезть по моей веревкѣ вонъ изъ этой житейской ямы, гдѣ я не хочу болѣе терзаться между грязью и калеными угольями.

Дѣвушка не соглашалась его оставить и сказала:

— Я не позволю тебѣ удавиться: я крикну—и сейчасъ придѣдутъ мои люди. Лучше возьми свой шнурокъ подъ одеждою и иди за мною въ мой домъ: рассказы мнѣ тамъ

твое горе, и если есть возможность облегчить его, то я это сдѣлаю, а если оно въ самомъ дѣлѣ такъ безпомощно, какъ ты думаешь, тогда... выходи отъ меня со своимъ инсуромъ куда хочешь: я тебѣ ни въ чемъ не помѣшаю, и ты еще не опоздаешь тогда повиснуть на деревѣ.

— Хорошо, — отвѣчалъ незнакомецъ: — и какъ мнѣ ни тяжело медлить на землѣ, но ты мнѣ кажешься такою участливою, въ глазахъ твоихъ столько ума, а въ голосѣ ласки, что я тебѣ хочу повиноваться. Вотъ уже инсуръ мой спрятали подъ мою одеждой, и я готовъ идти за тобою.

Египтянка привела отчаяннаго въ свой благоустроенный домъ, приказала служанкѣ подать фрукты и прохладительное питье и, усадивъ гостя среди мягкихъ подушекъ на пыльномъ коврѣ, вышла, чтобы перемѣнить свое купальное платье на другое. Когда же она возвратилась, то сѣла тутъ же рядомъ съ гостемъ, а за ними стали двѣ черныя служанки и легкимъ движеніемъ шелковыхъ кистей начали приводить въ колебаніе спускавшееся съ потолка огромное, напитанное ароматами, опахало изъ большихъ пестрыхъ перьевъ.

Египтянка желала какъ можно скорѣе узнать горестную исторію незнакомца, что онъ и исполнилъ. Разсказъ его былъ простъ и немногосложенъ. Покусившійся на самоубійство элличъ недавно еще имѣлъ большое состояніе, но потерпѣлъ неудачи въ дѣлахъ и до того задолжалъ, что не могъ разсчитаться со своимъ займодавцемъ. Въ этомъ затрудненіи онъ прибѣгнулъ къ его состраданію; но это было напрасно: богачъ соглашался оказать ему снисхожденіе, но не иначе, какъ на одномъ ужасномъ условіи.

— Въ чемъ же заключается это условіе? — спросила египтянка.

— Я не могу сказать тебѣ этого при твоихъ слугахъ.

Она велѣла служанкамъ удалиться.

— У меня есть дочь, дѣвушка твоихъ лѣтъ. Она такъ же, какъ ты, стройна станомъ и прекрасна лицомъ, а о сердцѣ ея суди какъ можешь по слѣдующему. Займодавецъ мой, большой и безправственный сластолюбецъ, сказалъ мнѣ: «отдай мнѣ твою дочь на ложе, и тогда я освобожу тебя отъ темницы, — иначе ты задохнешься въ колодкѣ». Я оскорбился и не хотѣлъ слышать объ этомъ. Это было мнѣ тѣмъ болѣе тяжело, что у моей бѣдной дочери есть женихъ.

Онъ бѣденъ, но имѣеть возвышенный умъ, и дочь моя горячо любить его съ самаго дѣтства; кромѣ того, и жена моя не снесетъ такого безчестья, чтобы дочь наша стала палочницей. Но бѣда настагаетъ бѣду: представь себѣ новое горе: дочь моя все это узнала и сегодня сказала мнѣ тихо:

«— Отецъ, я все знаю... я уже не ребенокъ... я рѣшилась, отецъ... Чтобы на твою старую шею не набили колудку... Прости мнѣ, отецъ... я рѣшилась...»

Она зарыдала, и я вмѣстѣ съ нею рыдалъ еще больше и сталъ ее отговаривать, но она отвѣчала:

«— Любовь къ тебѣ и къ матери, которая не снесетъ твоего униженія, во мнѣ теперь говоритъ сильнѣе любви къ моему жениху: онъ молодъ, — продолжала она, глотая обѣжавшія слезы:—онъ полюбитъ другую и съ ней пусть узнаетъ счастье супружеской жизни; а я... я твоя дочь... я дочь моей матери... вы меня воспитали... вы стары... Не говори мнѣ больше ни слова, отецъ, потому что я твердо рѣшилась».

Притомъ она пригрозила, что если я буду ей противорѣчить, то она не станетъ ждать завтрашняго дня, когда заимодавецъ назначилъ мнѣ срокъ, а уйдетъ къ нему сію же минуту.

Незнакомецъ отеръ набѣжавшія на лицо его слезы и кончилъ:

— Что еще скажу тебѣ дальше? Моя дочь имѣеть рѣшительный нравъ и нѣжно насъ съ матерью любить... Что она порѣшила, противъ того напрасно съ ней спорить... Я упробилъ ее только подождать до завтра, и солгалъ ей, будто имѣю еще на кого-то надежду... День цѣлый я ходилъ какъ безумный, потомъ возвратился домой, обнялъ жену и дочь и оставилъ ихъ вмѣстѣ, а самъ взялъ тихонько инсурокъ и побѣжалъ искать уединеннаго мѣста, гдѣ могъ бы окончить мои страданія. Ты мнѣ помѣшала, но зато облегчила горе мое своимъ сердобольнымъ участіемъ. Мнѣ мило видѣть лицо твое, прекрасное и доброе, какъ лицо моей дочери. Пусть благословить тебя Небо, а теперь прощай и не мѣшай мнѣ: я пойду и покончу съ собой. Когда я не буду въ живыхъ, дочь моя не станетъ бояться голодаки, которую могутъ набить на шею отцу, и она выйдетъ замужъ за своего жениха, а не продастъ себя, ради отца, богачу на безчестное ложе.

Египтянка внимательно выслушала весь рассказ незнакомца, а потом сказала, глядя ему твердо въ лицо:

— Я понимаю во всемъ твою милую дочь — она добрая дѣвушка.

— Тѣмъ это тяжелѣй для меня, — отвѣчалъ незнакомецъ.

— Я понимаю и это; но скажи мнѣ: сколько ты долженъ заимодавцу?

— О, очень много, — отвѣчалъ незнакомецъ и назвалъ очень знатную сумму.

Это равнялось всему состоянію египтянки.

— Приди ко мнѣ завтра — я дамъ тебѣ эту сумму.

Незнакомецъ изумился: онъ и радовался, и не могъ вѣрить тому, что слышитъ, а потомъ сталъ ей говорить, что онъ даже не смѣетъ принять отъ нея такую великую помощь. Онъ напомнилъ ей, что долгъ его составляетъ слишкомъ значительную сумму, и просилъ ее подумать, не подвергается ли она себя слишкомъ большой жертвѣ, которой онъ даже не въ состояніи и обѣщать возвратить ей.

— Это не твое дѣло, — отвѣчала египтянка.

— Притомъ же, — сказалъ онъ: — припомни и то, что я изъ другого народа — я эллинь, и другой съ тобой вѣры.

Египтянка опустила рѣсеницы своихъ длинныхъ, какъ миндаины, глазъ и отвѣчала ему:

— Я не знаю, въ чемъ твоя вѣра: это касается нашихъ жрецовъ; но я вѣрю, что грязь такъ же мараетъ ногу гречанки, какъ и ноги всякой иной, и одинаково каждую жжетъ уголь каленый. Не смущай меня, грекъ; твоя дочь покорила себѣ мое сердце, — иди, обними твою дочь и жену и приди ко мнѣ завтра.

А когда незнакомецъ ушелъ, дѣвушка тотчасъ же опять взяла свое покрывало и пошла къ богатому ростовщику. Она заложила ему за высокую цѣну все свое имущество и взятое золото отдала на другой день незнакомцу.

Черезъ малое же время, когда прошелъ срокъ сдѣланнаго заклада, ростовщикъ пришелъ съ закладной и взявъ за себя все имущество египтянки, а она должна была оставить свой домъ и виноградникъ и выйти въ одномъ бѣдномъ носильномъ платьѣ. Теперь у нея не было ни средствъ, ни пріюта.

Скоро увидѣли ее въ этомъ положеніи прежніе знакомые ея родители и стали говорить ей:

— Ты безумная дѣвушка и сама виновата въ томъ, до чего тебя довела твоя безразсудная доброта!

Она же имъ отвѣчала, что ея доброта не была безразсудна, потому что теперь она лишь одна потернть несчастье, а безъ этого погибало цѣлое семейство. Она разсказала имъ все о несчастьѣ элина.

— Такъ ты вдвое безумна, если сдѣлала это все для людей чужой вѣры!

— Да вѣдь не порода и вѣра страдали, а люди, — отвѣтила она.

Услыхавъ такой отвѣтъ, знакомые почувствовали противъ нея еще большее раздраженіе.

— Ты хочешь блистать своей добротою къ чужевѣрнымъ пришельцамъ, — ну, такъ живи же, какъ знаешь! — и всѣ предоставили се судьбѣ, а судьба приготовила ей жестокое испытаніе.

Великодушная дѣвушка не могла избѣжать тяжкихъ бѣдствій по причинамъ, которыя крылись въ ея воспитаніи: она совсѣмъ не была приготовлена къ тому, чтобы добывать себѣ средства своими трудами. Она имѣла молодость, красоту и свѣтлый, даже пронцающій умъ и возвышенную душу, но не была обучена никакому ремеслу. Прелестное, дѣвственное тѣло ея было слабо для того, чтобы исполнять грубыя работы — береговыя поденницы ее отгоняли; она не могла носить ни корзины съ плодами, ни кирпичи на постройки, и когда она хотѣла мыть бѣлье на рѣкѣ, то зола изъ сгорѣвшаго нильскаго тростника разбѣдала ея нѣжныя руки, а текучая вода производила у нея головокруженіе, такъ что она упала въ воду и ее, полуживую, безъ чувствъ вытащили изъ Нила.

Она очутилась въ отчаянномъ положеніи: въ мокромъ платьѣ и голодная. Съ ней подѣлилась сухою ячменною лепешкою береговая блудница, — одна изъ тѣхъ, которыя во множествѣ бродили по берегу Нила, поджидая проходившихъ здѣсь вечеромъ чужеземныхъ матросовъ (навклировъ); одна эта женщина подѣлилась съ нею и на ночь своею цыповкой, она же прикрыла ее и отъ стужи почной своею сухою одеждою, а потомъ... прекрасная египтянка стала такою же, какъ эта, прибрежной блудницею.

Всѣ знавшіе Азу отъ нея отвратились — она погибала. Иногда она приходила въ свой бывшій виноградникъ, подь

то самое дерево, на вѣтвяхъ котораго хотѣлъ удавиться избавленный ею незнакомецъ, и вспоминала его рассказы, и всегда находила, что не могла поступить иначе, какъ поступила: пусть страдаетъ она, но другіе спасены.. Это радовало египтянку и давало ей силу терпѣть ея униженіе; но случались минуты слабости, когда она была близка къ отчаянію и готова была броситься въ Нилъ. Тогда она садилась надъ кручей на красномъ, какъ сгустѣлый комъ крови, песчаномъ холмѣ и размышляла о томъ: неизбежно ли такъ должно быть, чтобы добрый всегда былъ между грязью и калеными угольями?

Или будь безучастенъ къ горю людскому, или утопи въ горѣ самъ? Третій выборъ — плетись между грязью и углемъ. Для чего же тогда нашимъ сердцамъ дано знать состраданіе? Или Небо жестоко? Зачѣмъ оттуда никто не сойдетъ и не укажетъ — какъ людямъ сдѣлать жизнь свою лучше, чтобы отверженныхъ не было, и чтобы не было гордыхъ, пресыщенныхъ и нищихъ? О, если бы сплзнула оттуда такой великій учитель, если бы былъ такой человекъ, — какъ бы она хотѣла рыдать у его ногъ и во всю жизнь исполнять все, что онъ ей прикажетъ!

Въ такомъ настроеніи она однажды тихо брела вдоль берега Нила, но уединенному мѣсту, и не встрѣчала въ этотъ день даже буйныхъ мореходцевъ. Она уже два дня не ѣла и чувствовала мучительный голодь. Въ глазахъ у нея мутилось. Она подошла къ рѣкѣ и нагнулась, чтобы напиться, но сейчасъ же отскочила въ испугѣ: такъ самой ей показалось странно ея изуренное лицо съ померкнувшимъ взглядомъ. А такъ недавно еще ее все называли «прекрасной».

— О, я понимаю теперь, что это значить. Я уже больше не «прекрасная», — я страшна даже самымъ потеряннѣмъ людямъ!.. Голодь приблизился, мучительный голодь... но я не ропщу... Я посылаю послѣдній привѣтъ мой Небу, которое внушило мнѣ рѣшеніе любить другихъ больше себя, и съ тѣмъ умираю!

Она бросилась къ рѣкѣ, чтобы утонуть, и непременно бы исполнила это, но ее неожиданно кто-то удержалъ за плечо, и она, оглянувшись, увидала передъ собой пожилого человека, скромнаго вида и въ чужестранной одеждѣ.

Египтянка приняла его за одного изъ чужестранцевъ,

приходящихъ на это мѣсто съ цѣлями, о которыхъ ей было извѣстно, и сказала ему:

— Оставь меня въ покоѣ: я не хочу идти сегодня съ тобой.

Но чужеземецъ не отошелъ, а взглянуть на нее ласково и сказалъ ей:

— Напрасно думаешь, сестра моя, что я былъ намѣренъ сказать тебѣ что-либо дурное. Миѣ показалось, что ты въ какомъ-то бореньѣ съ собой.

— Да; я вынимаю ноги мои изъ грязи и хочу ступить на горячіе уголья. Это требуетъ силы.

— Ты очень слаба.

— Я два дня не ѣла.

— Такъ ѣшь же скорѣе: со мной есть хлѣбъ и печеная рыба.

Чужеземецъ посиѣнно перебросилъ изъ-за спины холщевую сумку и подаль дѣвушка рыбу и хлѣбъ и флягу воды съ виномъ.

Египтянка стала ѣсть, закивая глотками воды, а когда первый мучительный голодъ ея былъ утоленъ, она повела глазами на незнакомца и тихо сказала:

— Не хорошо, что я ѣмъ твою пищу: ты путешествуешь и тебѣ пужень запасъ для себя.

— Не безпокойся, сестра, — я могу потернѣть, и повѣрь, что тернѣть гораздо отраднѣй, чѣмъ видѣть торнящихъ.

Египтянка вздрогнула.

— Чужестранецъ! — сказала она: — ты меня накормилъ и хорошо говоришь... но зачѣмъ ты два раза уже называешь меня своєю *сестрой*? Развѣ не понимаешь ты, кто я такая?

— Ты такое же созданіе Бога, какъ я, и сестра миѣ. Какое миѣ дѣло, чѣмъ житейское горе и жестокость людей тебя теперь сдѣлали.

Дѣвушка вирила въ него свои глаза, опять засверкавшие бывалымъ огнемъ, и вскричала:

— Ты жжешь меня своими словами! Ты, быть-можетъ, посланникъ боговъ?

— Нѣтъ, я такой же, какъ ты, простой человѣкъ.

— Но кто научилъ тебя такъ говорить, что сердце мое горитъ и трещитъ?

— Сядемъ здѣсь вмѣстѣ, и я расскажу тебѣ, кто научилъ меня такъ говорить.

Несчастливая еще больше смутилась.

— Какъ,—сказала она:—ты хочешь сидѣть со мной рядомъ! Тебя могутъ увидѣть съ блудницей почтенные люди, и что ты имъ скажешь тогда въ свое оправданіе?

— Я скажу имъ, что Тотъ, Кто велѣхъ ихъ почтенію, не гнушался такою, о какой ты вспоминаешь.

— Кто жъ это былъ онъ?.. Я о такомъ не слыхала... но ты о немъ говоришь, и слова твои льютъ новую жизнь въ мое сердце... Можетъ-быть, онъ-то и есть твой учитель?!

— Ты не ошиблась. Это Онъ—мой Учитель.

Египтянка заплакала.

— Какъ ты счастливъ, какъ ты счастливъ, чужестранецъ! Гдѣ же онъ, гдѣ этотъ небесный посланникъ?!

— Онъ съ нами.

— Съ нами!.. со мной!.. Не смѣйся надъ бѣдною блудницей!.. я несчастна... Скажи мнѣ, гдѣ онъ, и я побѣгу... Я стану его умолять... быть-можетъ, и мнѣ онъ дастъ новую жизнь!

Чужеземецъ самъ взволновался.

— Успокойся,—сказалъ онъ:—ты се будешь имѣть—новую жизнь,—развяжись только со старой,—развяжись скорѣй съ тѣмъ, что гнететъ тебя въ прошломъ.

— Слушай же, кто я такая!—воскликнула съ оживленіемъ дѣвушка, и рассказала все, что съ ней было, и когда повѣсть ея была кончена, она добавила въ свое оправданіе:

— Говорятъ, будто мнѣ надлежало иначе размыслить, но я не могла: мое сердце тогда одолѣло разсудокъ.

— Кто кладетъ руку на плугъ и самъ озирается вспять, тотъ не пахарь. Не жалѣй о томъ, какъ ты поступила.

Она потупила взоръ и сказала:

— Я не о томъ сожалею... но мнѣ тягостно думать о томъ, что было послѣ...

— Послѣ того, когда ты совершила святѣйшее дѣло любви,—прервалъ ее чужестранецъ:—послѣ того, когда ты позабыла себя для спасенія другихъ... Оставь сокрушенія эти!.. Когда каленое уголье жжетъ ноги, ноги ползутъ въ холодную грязь, но любовь покрываетъ много грѣховъ и багро-

вья пятна бѣлить, какъ волну на ягненкѣ... Подними лицо твое вверху... Прими отъ меня привѣтъ христіанскій и знай, что *Онъ*, къ Кому душа твоя рвется, перстомъ на сыпучемъ пескѣ твоей грѣхъ написалъ и оставилъ смести его вѣтру.

Египтянка подняла лицо свое и плакала, а христіанинъ глядѣлъ на нее, колѣни его незамѣтно согнулись, онъ поклонился ей въ ноги и тихо промолвилъ:

— Ты была мертвая и стала живая!

Утѣшеніе совершилось,—пришла новая жизнь въ смущенную душу египтянки. Христіанинъ разсказалъ ей, въ чемъ состоитъ ученіе Христово, и египтянка непремѣнно захотѣла узнать: есть ли люди, которые живутъ по этому ученію, во взаимной любви, и у которыхъ нѣтъ ни осужденія, ни зла, ни нищеты.

— Они были,—отвѣчалъ христіанинъ.

— Отчего же не все таковы и теперь?

— Это трудно, сестра.

— Въ чемъ же тутъ трудность?

— Слушай, какъ они жили.

Христіанинъ прочелъ ей на память мѣсто изъ *Дѣяній*:

«У множества увѣровавшихъ въ спасительность Его ученія было одно сердце и одна душа, — никто изъ имѣній своего ничего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее и все, что у нихъ было, они раздѣляли по нуждѣ каждаго и каждый день собирались вмѣстѣ и вмѣстѣ принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца» (Дѣян. IV, 32).

— Такъ вѣдь это прекрасно!—воскликнула Аза.

— Но для иныхъ это трудно!

«Такъ Юссія, прозванный отъ апостоловъ Варнавою, что значитъ «сынъ утѣшенія» — левитъ, родомъ изъ Кипра, у котораго было свое помѣстье, — продалъ его и принесъ деньги къ ногамъ апостоловъ» (37).

Послѣ многихъ сумрачныхъ дней лицо египтянки освѣтилось отрадной улыбкою: Варнава отдалъ помѣстье, и называли его: «сынъ утѣшенія»...

Она выше подняла лицо и сказала:

— Это вовсе не трудно. Это только *такъ должно!*

— Такъ иди же отсюда, куда я тебя научу, и разскажи тѣмъ людямъ, къ которымъ придеешь, все, что ты мнѣ разсказала.

Чужеземецъ назвалъ ей мѣсто, гдѣ сходятся христіане Александріи и кто ихъ епископъ.

Египтянка, ни минуты не медля, встала и пошла по его указанію.

Когда она пришла, ее сейчасъ же узналъ одинъ клирикъ и сказалъ ей:

— Красотка! мнѣ очень знакомо твое лицо: ты похожа на блудницу, которая часто ходила по берегу Нила.

— Я сама и есть та блудница,—отвѣчала египтянка:— но то уже кончено: я хочу быть христіанкой.

— Ну, это не сразу: ты должна прежде очистить себя постомъ и раскаяніемъ.

— Я все готова исполнить, что нужно.

Ей сказали, какъ надо поститься; она пошла и долго постилась, питаясь тѣмъ, что ей давали изъ состраданія. Наконецъ, она изнемогла и пришла снова съ просьбой, чтобы ее крестили и приняли со всѣми въ общенье. Клирики сказали ей: «Ты такъ мерзко жила у всѣхъ на виду, что должна принести при всѣхъ покаяніе».

— Да, я затѣмъ и пришла, чтобы сказать всѣмъ, какъ дурна моя жизнь, но я изнемогаю и боюсь, что скоро умру. Прошу васъ: скажите епископу, что я прошу скорѣе принять меня въ общеніе.

Клирики сказали епископу, и тотъ скоро велѣлъ назначить ей катехизатора, который долженъ былъ протолковать ей символъ и всѣ догматы вѣры и потомъ удостовѣрить ее познаніи, и тогда египтянку положили крестить.

Но она этого не дождалась; нетерпѣливое желаніе ее получить христіанское имя и жить съ христіанами вмѣстѣ снѣдало ее; она жаловалась и плакала, «а всѣ пренебрегали ею».

Тогда совершилось чудо: когда отверженная египтянка лежала больная «въ малой хлевницѣ», туда къ ней среди ночи вошли «два свѣтлые мужа» и одѣли ее въ бѣлыя, «крестильныя ризы». Въ нихъ и осталось на землѣ ее мертвое тѣло, а живой духъ ее отлетѣлъ въ обитель живыхъ.

Кончина египтянки, одѣтой въ крестильныя ризы, сдѣлала затрудненіе клирикамъ: они недоумѣвали, по какому обряду надо похоронить эту женщину, но неожиданно пришелъ тотъ чужеземецъ, который говорилъ съ усоницею у

берега Ила. Онъ былъ философъ и пресвитерь сирійскій, другъ Исаака-Сирійца, — онъ вернулся сюда съ дороги по внушенію духа. Онъ склонился къ усонней и сталъ читать христіанскія молитвы, а пока онъ молился, тѣло ея зарылъ въ землю, но сиріецъ еще долго стоялъ и смотрѣлъ вдаль — онъ что-то думалъ, онъ былъ въ восторгѣ и двигалъ устами.

Его спросили:

— Вѣрно ты видишь чудное что-нибудь?

— Да, — отвѣчалъ онъ: — я вижу какъ будто бы небо отверсто... и туда... кто-то входитъ...

— Неужто блудница?

— О, нѣтъ!.. блудницу вы закопали въ грязи: я вижу... какъ легкая струйка съ каменого угли сливается съ свѣтомъ; мнѣ кажется, это восходить *дочь утѣшенія*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Слѣдующее женское лицо является въ иной, но не мѣнѣ трогательной обстановкѣ, также ярко рисующей и общую картину нравовъ V вѣка.

27) *Юня 14.* Евсевій изъ Аскалона рассказывалъ, что у нихъ въ городѣ былъ купецъ, имѣвшій свои корабли, на которыхъ онъ возилъ дорогіе товары въ Африку. Разъ сдѣлалось кораблекрушеніе, и купецъ этотъ сразу обѣднѣлъ: корабли его потонули, а выкинутые на берегъ товары были расхищены. Тогда заимодавцы посадили этого купца въ тюрьму, а его молодая и очень красивая жена ходила на поденщину и что успѣвала зарабатывать, на то приготавливала нищу и приносила ее мужу въ темницу. При этихъ посѣщеніяхъ она иногда долго засиживалась съ заключеннымъ, стараясь облегчить его неспособное томленіе. Въ Аскалонѣ же у знатныхъ людей было обыкновеніе, чтобы по особливимъ днямъ ходить посѣщать содержащихся въ тюрьмахъ и подавать имъ милостыню. Одинъ изъ такихъ знатныхъ людей пришелъ разъ въ темницу, когда жена разорившагося купца сидѣла у своего мужа, и какъ только взглянулъ на нее, такъ и ильнился ею. «Уязвился вельможа сердцемъ, вида красоту ея, бѣ бо по истинѣ красна зѣло». Вельможа сейчасъ же «подосла къ ней нѣкоего странника», чтобы она подошла къ нему «пріяти милостыню».

Женщина, не подозрѣвая ничего дурного со стороны

вельможи, встала и подошла къ нему, чтобы «прить его милосердіе», а онъ сталъ ее спрашивать: за что она сидитъ въ темницѣ? Женщина отвѣчала, что заключенъ здѣсь ея мужъ, а она только приходитъ посѣщать его и остается съ нимъ по любви и состраданію, чтобы облегчать его участь. Тогда вельможа сказалъ ей прямо: «я тебѣ помогу: приходи нынче вечеромъ и пробудь со мной ночь, а я завтра выкуплю твоего мужа изъ темницы».

Женщина не обнаружила ни гнѣва, ни досады и не стала устыжать вельможу за то, какъ онъ пользуется затрудненіями бѣдности, а сказала ему:

— Я должна спросить объ этомъ своего мужа, и какъ онъ скажетъ, такъ я и сдѣлаю. Хочешь — я пойду и спрошу его?

Вельможа не стѣснялся и отвѣтилъ ей: «Спроси».

Она подошла къ мужу и передала ему съ совершенною простотой предложеніе, сдѣланное ей вельможей.

Купецъ заплакалъ и, глубоко вздохнувши, сказалъ:

— Да, не даромъ сказано: «не надѣйтесь на князи и сыны человѣческіе». Пусть проститъ ему Богъ обиду, которою онъ хотѣлъ насъ унижить еще болѣе, чѣмъ мы унижены. Подойди къ нему и скажи, что мы не хотимъ купить свободу такую цѣной.

Жена подошла и въ той же самой простотѣ передала слова мужа вельможѣ. Вельможа разсердился и вышелъ. Сидѣлъ же тутъ неподалеку отъ купца въ другомъ углѣ темницы одинъ дорожный разбойникъ, который все это видѣлъ и слышалъ. Взаимная любовь и вѣрность супругою его тронули, и онъ «поману къ себѣ жену и рече ей: азъ умилхся, видя цѣломудріе ваше. Азъ разбойникъ есмь и имамъ злато сокровенно въ зиданіи градѣмъ. Иди на мѣсто, имя рекъ, раскопай и возьми злато тамъ сокровенное на возданіе долга мужа твоего и инья потреби ваши».

Женщина пошла и нашла золото и искупила мужа милосердіемъ разбойника.

За симъ наступаетъ типъ возвышеннѣйшей деликатности.

28) *Мая 30.* Блаженный отецъ Маркъ плыль однажды на кораблѣ въ Константинополь, но поднялась буря и загнула его «кораблець» къ «нѣкоторому пустынному острову». Пока корабельщики справились съ поврежденными

спасениями, блаженный Маркъ сошелъ походить на безлюдный островъ и, къ удивленію своему, вдругъ замѣтилъ на песокѣ слѣдъ ноги человѣческой. Онъ пошелъ дальше по этому слѣду и вскорѣ увидѣлъ въ отдаленіи человѣка, который, впрочемъ, былъ въ очень странномъ и непонятномъ видѣ и, замѣтивъ Марка, видимо старался отъ него скрыться. Блаженный Маркъ, заинтересованный неожиданною встрѣчей, погнался за удалявшимся жильцомъ необитаемаго острова и скоро сталъ его настигать. Тогда преслѣдуемый имъ дикій или полудикій человѣкъ, види, что ему уже не скрыться отъ настигающаго пришельца, сталъ передъ нимъ «присѣдать», сгибаясь къ землѣ, и что-то говорилъ ему неразборчивымъ и жалобнымъ голосомъ. Бл. Маркъ, слыша этотъ жалкій и слабый стонъ или мольбы, пріостановился и сказалъ:

— Не убѣгай отъ меня: я христіанинъ и не намѣренъ сдѣлать тебѣ никакого зла.

А присѣдавшій дикарь еще ниже пригнулся и отвѣчаетъ:

— Я не боюсь тебя; но стыжусь, ибо я нагая женщина, а ты мужъ, и потому я ухожу отъ твоего взгляда. Если же ты милостивъ и хочешь со мной говорить, — то брось мнѣ что-нибудь изъ твоей одежды, чтобъ я могла хоть немножко закрыться, — тогда я стану къ тебѣ лицомъ, и мы можемъ поговорить.

Бл. Маркъ имѣлъ на себѣ въ ту пору двѣ ризы. Одну онъ оставилъ на себѣ, а другую свернулъ комкомъ и бросилъ нагой женщинѣ, а самъ отворотился. Женщина подхватила одежду, покрылась ею и подошла къ бл. Марку. Они сѣли, и когда разговорились, то бл. Маркъ узналъ отъ нея слѣдующее: женщина эта родилась въ протетомъ и бѣдномъ семействѣ и притомъ родители ея скоро умерли, а она осталась совершенно безпомощною сиротой. Попалась она какъ-то разъ на глаза одному именитому и богатому человѣку, который тронулся ея положеніемъ, изъ жалости взялъ ее къ себѣ въ домъ и сталъ воспитывать вмѣстѣ со своими дѣтьми. У него она выросла и стала красива, и обнаружила умъ и добрый характеръ, и этимъ нашла себѣ такое благорасположеніе у своего воспитателя, что онъ не хотѣлъ искать для своего сына лучшей жены, какъ эта сиротка. Молодой человѣкъ тоже лю-

билъ ее и тоже не хотѣлъ себѣ иной невѣсты, но женщины-родственницы съ материнной стороны жениха имѣли непремѣнное намѣреніе женить «наслѣдника всего имѣнія» на дѣвушкѣ богатой и знатнаго рода. Это повело къ большимъ семейнымъ непріятностямъ, отъ которыхъ молодой человѣкъ много страдалъ и, наконецъ, сильно заболѣлъ, но и лежа въ огнѣ болѣзни все одно повторялъ: «люба ми есть та, еже воспиталъ мой отецъ». Тогда, чтобъ онъ не лишился жизни, — ихъ соединили. Молодые супруги были вполне счастливы, — особенно мужъ, который и послѣ свадьбы все еще повторялъ: «люба ми есть, еже дахъ мой отецъ!» — но мать его и ея родственницы постоянно старались свѣять раздоръ въ домѣ и поносили молодого человѣка за его любовь къ женѣ, избранной имъ изъ бѣднаго и низкаго круга. Тогда эта молодая женщина, видя, что семейныя смуты въ домѣ и страданія любимаго ею мужа не прекратятся, пока ее видятъ въ домѣ, — рѣшилась пожертвовать собою и, для водворенія семейнаго покоя, бѣжала изъ дома. Сначала она шла, куда глаза глядятъ, а потомъ плыла на кораблѣ, но корабль разбило, и ее выбросило на этотъ самый безлюдный островъ, гдѣ нашелъ ее блаженный Маркъ. Здѣсь она испытала холодъ, голодъ и безпріютность и въдобавокъ ощутила въ себѣ младенца, котораго и родила, воспитала и живетъ съ нимъ уже тридцатый годъ, не видя лица человѣческаго. Блаженный Маркъ видѣлъ и сына этой великодушной женщины: совсѣмъ нагой, онъ прятался въ нѣщерѣ и былъ пораженъ ужасомъ и удивленіемъ при видѣ третьяго человѣка, притомъ покрытаго одеждами.

Слѣдующій очеркъ представляетъ женскій типъ и очень эвергическій, и не лишанный своеобразной ироніи, накомпилюющей русскую княгиню Ольгу въ ея дѣлѣ съ древліянами.

29) *Августа 14.* Въ одномъ прибрежномъ торговомъ мѣстѣ жили въ большой дружбѣ два купца: одинъ женатый, а другой холостой. У женатаго жена была очень красивая, а притомъ очень умная и цѣломудренная, но супругамъ соо счастье ихъ не было продолжительно: мужъ внезапно умеръ, а красавица-жена его осталась вдовой, и какъ она очень любила своего мужа, то не хотѣла вступать во второй бракъ, а желала посвятить остальную жизнь служенію добрымъ дѣламъ. Между тѣмъ ея красота и извѣстная скромность ея съ сожителемъ въ первомъ мужемъ влекли къ ней мно-

гихъ жениховъ, которымъ она всѣмъ спокойно отказывала, совѣтуя имъ брать себѣ въ жены дѣвушекъ. Многихъ она такъ отводила; но явился одинъ такой пылкій соискатель, съ которымъ ей нелегко было раздѣлаться. Это былъ тотъ самый искреннѣйшій другъ ея перваго мужа, въ которомъ она и не подозрѣвала, что и онъ увлеченъ ея красотой, а онъ такъ «уязвился къ ней страстію неисцѣлною, что мало не изгибе».

Тогда эта красавица, какъ женщина уже опытная и не разъ выдававшая передъ собою влюбленныхъ, замѣтила томленія друга своего покойнаго мужа и безъ ошибки разгадала, какого они свойства. Она признала за лучшее вывести дѣло на чистоту и потомъ оказать этому человѣку помощь.

— Друзе!—сказала она ему:—я вижу, что ты самъ не въ себѣ, когда говоришь со мною. Не должна ли я изъ этого заключить, что ты вѣрно имѣешь ко мнѣ что-нибудь особенное, но стѣсняешься сказать это. Прошу тебя, не продолжай далѣе такого для тебя вреднаго, да и для меня безпокойнаго состоянія, потому что я не хочу видѣть тебя страдающимъ. Скажи мнѣ, что тебѣ отъ меня надобно, и будь увѣренъ, что я сдѣлаю все, какъ могу лучше, и надъ твоимъ признаніемъ не посмѣюсь.

Онъ же, услышавъ такое поощреніе, очень обрадовался и съ откровенностію ей сказалъ, что плѣненъ ея красотой, почитаетъ извѣстныя ему ея душевныя качества и желаетъ взять ее себѣ въ жены.

Разсудительная вдова поблагодарила его за уваженіе, но отвѣчала ему, что, испытавъ радости брака съ мужемъ любимымъ, она уже не желаетъ второй разъ испытывать того же самаго съ другимъ человѣкомъ, ибо думаетъ, что лучшее время жизни уже не повторится, а худшее родитъ только сожалѣнія о прежнемъ и не составитъ ни для той, ни для другой стороны счастья. А потому она предпочитаетъ не вступать въ новый союзъ ни съ кѣмъ, а будетъ жить для дѣтей и для общественныхъ заботъ, которыя всегда достойны вниманія и поглощаютъ досугъ съ пользою для ближняго. Молодому же человѣку она указывала на молодыхъ, только донедшихъ до брачнаго возраста дѣвушекъ, съ которыми и совѣтовала ему вступить въ бракъ, ибо съ такою онъ можетъ жить въ любви, свободной отъ воспоминаній о прошломъ.

Но молодой человек «только увязнул любовью ко вдовице, как вся инья ни за что вмѣняя», — онъ не слушалъ никакихъ доводовъ и указаній на дѣвушкѣ, а нетерпѣливо «припадалъ ко вдовѣ и молилъ ее быть его женой», причемъ онъ «люте настаивалъ», былъ унылъ и «ко гробу сложился, ходилъ пенстовъ яко бы бѣсенъ».

Такая докучная неотвязчивость и непріятное приставаніе нестерпимо надоѣли вдовицу, которая рассуждала такъ, что не можетъ же она «ради влеченія его исполнить все, елико онъ хочетъ»!. И тогда, чтобы покончить съ нимъ, она ему сказала:

— Чтò ты терзаешь себя и меня? Долго ли это еще будетъ?

Онъ же отвѣчалъ ей:

— Такъ будетъ до вѣку, пока я или ты живемъ на свѣтѣ, потому что душа моя и сердце все стремится къ тебѣ, и ты напрасно говоришь мнѣ о юныхъ дѣвахъ. И ихъ види не вижу и онѣ чужды желаніямъ моего сердца, а по тебѣ настаиваютъ всѣ силы моего тѣла и мозгъ костей моихъ сворачиваются. Исцѣли меня, увязленного твоею красотой: стань женой моею, или я иначе умру.

— Горе мнѣ съ тобою! — отвѣчала вдова и, замисливъ нѣчто въ умѣ своемъ, сказала: — Да не обманываешься ли еще ты, будто такъ меня любишь, что и жить не можешь? Неужели въ самомъ дѣлѣ для счастья твоего нѣтъ ничего драгоценнѣе моей взаимности?

Купецъ клялся въ этомъ, а она ему отвѣчала какъ бы съ недовѣріемъ:

— Остановись клясться предо мною, такъ какъ я уже не дѣвица и страстнымъ мужскимъ словамъ не довѣряю. Всѣ вы таковы, что когда плѣняетесь женщиной, то становитесь безразсудны, и въ ту пору уста у васъ черезъ мѣру полны восхищеній, но послѣ бываетъ иное. Я потребую отъ тебя доказательствъ, что для твоего счастья всего потребнѣе обладаніе мною и ничто иное тебя привлечъ къ себѣ не можетъ.

Купецъ съ радостію воскликнулъ:

— «О, я вельми готовъ, и еще мнѣ мѣръ весь предложить — не взгляну на него, а къ тебѣ устремлюся».

Вдова улыбнулась и отвѣчала:

— Мѣръ весь не нашъ, а Божій, и такой великой об-

ласти для искушенія твоего я предложить не могу, но я поставлю тебѣ ничто меньшее и увидимъ: не устремилъ ли къ этому неважному, а меня, столь тебѣ необходимую, отринешь.

— Никогда этого не случится! — воскликнулъ влюбленный.

— Иди же сейчасъ отсюда домой, затворишь въ своей верхней комнатѣ, выкинь мнѣ ключъ въ окно и оставайся тамъ, пока я припру за тобой. Обѣщаешь ли мнѣ это исполнить?

— О, что говорить о такихъ пустякахъ!

— Хорошо, и если потомъ твое стремленіе будетъ все то же, то я даю тебѣ слово, что перестану вспоминать объ умершемъ мужѣ и отдамъ себя въ твое угожденіе. Теперь, съ этой минуты, все, чему быть и чему не быть—отъ тебя зависить.

Купецъ побѣжалъ домой весело, потому что почиталъ свое дѣло выиграннымъ. Онъ взвошелъ въ домъ свой и веселою рукою затворился у себя въ верхней горницѣ, а ключъ выбросилъ въ окно и велѣлъ отнести его вдовѣ въ доказательство, что онъ своей урочкѣ уже началъ. Вдова же приняла ключъ, но ничего больше жениху не сказала.

Купецъ пробылъ въ горницѣ день, провожая часы ожиданія въ любовныхъ мечтаніяхъ и ожидая, въ чемъ будетъ дальнѣе его испытаніе; но сутки прошли, а вдова ни о чемъ новомъ ему не сообщала. На другой день онъ опять думалъ о вдовѣ, но вспомнилъ также нѣсколько разъ и о своемъ желудкѣ, который былъ пусть и требовалъ нищи, а на третій день голодъ сталъ такъ напоминать ему о себѣ, что купецъ не обращая въ сладкихъ мечтахъ ко вдовѣ, а гнѣвался на нее и все думалъ о нищѣ, а въ ночи онъ не могъ спать, потому что и сонъ его наполнялся уже не видѣніями обольстительной вдовы, а запахомъ яствъ. Утро же четвертаго дня купецъ встрѣтилъ въ мучительныхъ боляхъ желудка и послалъ преданнаго ему человѣка ко вдовѣ спросить: не забыла ли она о немъ? Вдова отвѣчала, что она не забыла.

— Но онъ умираетъ! — сказали ей посланецъ.

— Не пугай меня этимъ, — отвѣчала вдова сквозь улыбку: — до смерти еще далеко. Но, впрочемъ, я не хочу томить его дольше. Пусть онъ теперь одѣвается въ гостиное

платье, я за нимъ скоро пришла, и опъ получилъ все, чего пожелаешь.

Въ предобѣденный же часъ въ домъ купца пришла довѣренная отъ вдовы и, имѣя ключъ отъ жениховой двери, открыла ее и сказала:

— Радуйся, господинъ! ты исполнилъ сдержалъ свое обѣщаніе, иди же теперь къ моему госпожѣ: она тебя ожидаетъ и, со своей стороны, свое обѣщаніе сдержитъ.

Но купецъ, одѣтый въ гостинное платье, смотрѣлъ на посланницу впавшими глазами и уныло, слабымъ голосомъ, отвѣчалъ, что готовъ за ней слѣдовать. Опъ былъ такъ изнуренъ, что надо было позвать людей, которые взяли его подъ руки и помогли ему идти.

Вдова встрѣтила гостя въ дверяхъ своего жилища. Она была во всемъ блескѣ своей красоты, ибо и она тоже смѣнила одежду вдовства и надѣла легкотканную одежду, державшуюся на ея плечахъ самоцвѣтными стижками и открывавшую шею и руки, съ которыхъ несло благоуханіе амбры.

Принявъ входившаго гостя подъ руки, вдова вела его въ большую горницу, которая была раздѣлена на-двое повѣшеннымъ на кольцахъ ковромъ. Въ одной половинѣ, ближайшей ко входу, былъ накрытъ столъ, установленный прозрачными кувшинами съ искрометнымъ питьемъ и блюдами, изъ которыхъ одно было покрыто; а на другой половинѣ возвышалось пышное ложе съ двойнымъ изголовьемъ.

— Ты теперь господинъ въ моемъ домѣ, — сказала вдова: — и я тебѣ повинуюсь. Вотъ здѣсь трапеза, здѣсь ложе. Избери, что ты хочешь; я готова раздѣлить съ тобой то и другое.

Купецъ же отвѣчалъ ей:

— Ахъ, помилуй меня, — «азъ вельми истощахъ, дай мнѣ впередъ насытиться!» — и опъ потянулся къ столу и возлегъ, озирая посуду.

— Мы имѣемъ достаточное время, такъ какъ яства въ присѣвшихъ еще не поспѣли, — сказала вдова.

— А это здѣсь что же покрыто на блюдѣ?

— Это пишено, — оно безвкусно, пока къ нему не поспѣтъ облива.

— Мнѣ все теперь вкусно! — воскликнулъ купецъ и,

открывъ блюдо, сталъ насыщаться пшеномъ, безъ обливки, а вдова сказала ему:

— Вотъ ты теперь видишь: потреба потребѣ есть разнь: безъ одного жить чловѣку нельзя, а безъ другого жить можно!—и съ этимъ она велѣла подавать кушанья и опустила коверъ, который навсегда закрылъ отъ купца ея ложе.

30) *Апрѣля 5.* Стремясь возвышаться надъ силой страстей, женщины Пролога представляютъ еще одинъ такой высокій характеръ, которому удачи и безмятежное счастье были даже въ тягость.

Одинъ изъ александрийскихъ отцовъ увидѣлъ разъ женщину, которая чрезвычайно усердно молилась и притомъ горько плакала. Это его тронуло, и онъ спросилъ молившуюся: какое у нея горе? Она же отвѣчала ему: «ахъ, я очень счастлива, и у меня нѣтъ никакого горя, но я живу среди людей и вижу много огорченныхъ, и теперь молю Бога, чтобъ Онъ отдѣлилъ на мою долю часть ихъ страданія, дабы я не пристрастилась къ здѣшней жизни». Александрийскій отецъ подивился этой благоразумной женщинѣ, которая лучше многихъ знала, въ чемъ заключается высшая опасность для чловѣка.

Этимъ оканчивается группа женскихъ лицъ, которыя то удивляютъ мужчинъ высотой своихъ порывовъ, то исправляютъ ихъ, отвлекая отъ чувственной грубости, то прямо спасаютъ людей съ полнымъ самоотверженіемъ и потомъ безъ малѣйшаго ропота сами несутъ отверженіе, нищету и всевозможныя униженія. Въ такомъ санѣ превосходной чистоты мы насчитываемъ по Прологу *двѣнадцать* женщинъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Систематическая схема наша являетъ намъ теперь такую пропорцію: изъ 35 женщинъ, составляющихъ цѣлую треть лицъ, представляющихъ интересъ въ повѣствовательномъ родѣ, 17 не соблазнили мужчинъ, а пострадали отъ ихъ соблазновъ и насилій; 4 соблазнили—одна съ успѣхомъ, а три безъ успѣха, причемъ изъ нихъ безъ успѣха остались: одна свѣтская дама изъ Александрии, одна гетера, нанятая знатными богачами, и одна припадочная болгарская дѣвочка. Успѣвала въ своихъ намѣреніяхъ только Марія изъ Египта, но и она, впрочемъ, держала себя какъ простая

«блудница», какою она была до возвышеннаго поворота во второй половинѣ ея жизни. Девять же не только останавливали мужчинъ отъ ихъ грубыхъ страстей, но даже научили ихъ обуздывать свою природу и жить для болѣе возвышенныхъ цѣлей.

Въ дурномъ видѣ Прологъ представляетъ только *додатъ* женщинъ, изъ которыхъ одна обнаруживаетъ жестокое сердце, омраченное страстью къ мужчинѣ, а исторія другой такъ мало понятна, что ее, слѣдуя опредѣленію Теофана Прокоповича, очевидно, остается только отнести къ разряду «пустыхъ басенъ».

31) *Марта 19.* Молодая вдова, по имени Марія, имѣя двухъ маленькихъ дѣтей, влюбилась въ одного «воина» и захотѣла выйти за него замужъ. Воинъ же, хотя и былъ близокъ съ ней, но не хотѣлъ брать ее въ замужество. Онъ нагло выставилъ на видъ свой эгоизмъ и отказывался тѣмъ, что не желаетъ «пещися о дѣтяхъ перваго мужа». Тогда влюбленная Марія, подъ наитіемъ страсти, заколола обоихъ дѣтей и послала вѣсть воину, что у нея уже нѣтъ дѣтей». Воинъ, когда получилъ эту «вѣсть», тотчасъ же догадался, въ чемъ дѣло, и поправился на другой ладъ: онъ «покаялся не брать дѣтоубійцы». Онъ остался правъ, а женщина погибла. Случаи въ этомъ родѣ, съ замѣчательнымъ тождествомъ мотивовъ и частности, повторяются въ зобилліи даже и до сего дня.

32) *Мая 5.* Одна «постница» тщательно берегла себя: она много постилась и молилась и избѣгала всякаго общества мірекихъ людей, а держалась только съ клириками, но и тутъ по неосторожности сблизилась съ однимъ ибвчимъ, который, по сказанію, самъ не былъ ни въ чемъ повиненъ передъ ней, а она сама «растлилась и зачала». Увидѣвъ такое серьезное и, какъ видно, нежеланное послѣдствіе отъ своего сближенія, постница опять обратилась къ Богу и начала пламенно молиться, «чтобы зачатое ею въ беззаконіи *родилось мертво*», и это такъ и случилось.

Два эти сейчасъ приведенные случаи (31 и 32) представляютъ самое худшее, что есть въ ряду всѣхъ исторій съ женщинами, описанными въ Прологѣ; но если и на эти два самые худшіе «прилога» смотрѣть безпристрастно, что отъ критики безусловно и требуется, то нельзя не видѣть, что обѣ здѣсь представленныя женщины тоже отнюдь не

являютъ собою особеннаго коварства къ погубленію мужчинъ, а напротивъ, онѣ по своему безразсудству и страстности губятъ только себя и своихъ дѣтей.

Слѣдуетъ также замѣтить и то, что у всѣхъ прологовыхъ женщинъ выснаго настроенія, при большой примитивности ихъ пріемовъ, постоянно видна ясность въ ихъ цѣляхъ и отчетливость въ дѣйствіяхъ, чего нѣтъ въ описаніяхъ, изображающихъ мужчинъ, желавшихъ исправлять женщинъ. У женщинъ (кромѣ двухъ дѣтоубійцъ) *совсѣмъ нѣтъ грубости*, а у мужчинъ безъ нея не обходится никакое дѣло.

33) Пѣкто Виталій изъ Каира послужилъ при кельѣ старца Спиридона шестьдесятъ лѣтъ и ушелъ въ Александрію, потому что не захотѣлъ болѣе аскетической славы, а «нача жить на соблазнѣ», то-есть юродовать. Самое соблазнительное въ юродствѣ этого старика, которому не могло быть менѣе какъ лѣтъ семьдесятъ, было то, что Виталій всякую ночь шелъ туда, гдѣ собирались блудницы. Онъ это затѣялъ, какъ ниже увидимъ, не съ дурною, а съ доброю цѣлью, и это ему стоило не мало хлопотъ и трудовъ, ибо для такого рода жизни нужно было постоянно имѣть съ собою изрядныя деньги. Виталій и старался доставать нужныя ему средства: онъ вставалъ рано утромъ, выходилъ на поденщину и цѣлый день работалъ, получая серебрянникъ за день, а пошатавшись, тотчасъ же несъ этотъ серебрянникъ въ блудный домъ, нанималъ себѣ за эту цѣну блудницу, и когда оставался съ нею наединѣ, то передавалъ ей серебрянникъ и говорилъ: «вотъ, дочь моя, я за эту монету цѣлый день проработалъ, а ты теперь возьми ее себѣ и цѣлую ночь за нее просни спокойно».

Женщина, которой Виталій такимъ образомъ, покушалъ возможность спокойно провести ночь, ложилась и спала, а Виталій становился тамъ же возлѣ нея, какъ возлѣ ребенка, и не смущаясь ни ея присутствіемъ, ни тѣмъ, что достигало до его слуха изъ-за утлыхъ перегородокъ и завѣсъ переполненнаго буйными гостями блудница, возносилъ въ молитвахъ за міръ духъ свой къ Богу, а утромъ опять носилъ на работу. И такъ юродивый Виталій дѣлалъ всякій день, причемъ онъ всегда упрашивалъ бывшихъ съ нимъ женщинъ, чтобъ онѣ никому не рассказывали, какъ онъ съ ними обходится, а говорили бы, что онъ точно такой же

блудникъ, какъ и всѣ другіе, входіе въ ихъ жилище. Многія женщины такъ и говорили, и тайна Виталія долго оставалась неизвѣстною; но вдругъ одна изъ женщинъ рассказала, что она любитъ Виталія за то, что онъ, оставаясь съ нею, не беспокоитъ ее, а только молится во всю ночь. Другія же женщины оспаривали эту свою подругу и говорили, какъ научилъ ихъ Виталій, то-есть, что онъ бываетъ у нихъ за тѣмъ же самымъ, за чѣмъ и всѣ прочіе ихъ посѣщающіе мужчины.

Услыхавъ объ этомъ спорѣ, Виталій и огорчился, что одна женщина выдала тайну его юродства, — тогда онъ «помолился и женщина взбѣсилась». Это отвѣчало дальнѣйшимъ цѣлямъ юродиваго Виталія, потому что слова «бѣшеной» уже не пользовались ничьимъ довѣріемъ, а онъ хотѣлъ, чтобъ о добродѣтели его не знали, а считали бы его блудникомъ.

Такъ цѣлая группа открыто промышлявшихъ собою блудницъ оберегали тайну юродиваго, оказывавшаго имъ трогательное участіе.

34 и 35) Въ заключеніе видимъ сразу двухъ женщинъ: мать и дочь — въ ужасномъ положеніи. У одной матери было двое дѣтей, — сынъ и дочь. Сынъ не захотѣлъ работать для поддержанія жизни матери и сестры, а покинулъ ихъ и ушелъ въ монахи. Онъ постригся и сталъ жить въ монастырѣ очень строго. Старуха же осталась на рукахъ одинокой дочери, которая никакъ не могла честнымъ трудомъ заработать столько, чтобы прокормить и одѣть себя и старуху. «Отъ нищеты она поползнула и впадала въ напасть во огражденіи баннѣмъ» (то-есть на банномъ дворѣ). Въ странѣ той, гдѣ это было, женщинъ строго карали за распутство, и эту дѣвушку «взялъ князь» и «по закону хотяше убить ю». По строгости такого рѣшенія надо думать, что «напасть во огражденіи баннѣмъ» заключалась въ какомъ-нибудь особенномъ развратномъ дѣяніи, за которое «по закону» полагалось убивать для устрашенія другихъ. Такіе случаи бывали, но рассказывать о нихъ неудобно. Мать осужденной на смерть дѣвушки пришла къ князю и просила его не казнить ея дочь, потому-что послѣ этого не будетъ кому напоить ее, старуху, водой. А если уже дочь за ея беззаконіе нельзя помиловать, то старуха умолила князя, чтобы повелѣлъ и ее самоѣ тоже убить одно-

временно вмѣстѣ съ дочерью. Князь спросилъ: «Развѣ у тебя нѣтъ больше дѣтей?»

— У меня есть сынъ, — отвѣчала старуха:—но онъ монахъ и не живетъ съ нами.

— Пусть придетъ ко мнѣ этотъ монахъ и поговорить о сестрѣ,—сказалъ князь.

Старуха отправилась въ монастырь къ сыну, по она потрудила напрасно: монахъ не пошелъ къ князю говорить о сестрѣ, а сказалъ еще:

«— Вѣру ими ми, мати, аще и тебя побіють съ нею— азъ и о томъ орудія не имамъ. Умрохъ бо міру».

Старуха пересказала это князю, и князь помиловалъ дочь старухи безъ разговора съ монахомъ.

Этими тридцатью пятью женскими лицами представлено полное обозрѣніе женскихъ типовъ Пролога, какъ древняго житійнаго источника, отреченнаго церковною критикою, но до сихъ поръ уважаемаго русскимъ простонародіемъ. Держась самой сжатой краткости, мы имѣли цѣлью показать, что въ этомъ житійномъ сборникѣ женщины представлены отнюдь не такъ дурно, какъ это думаютъ и утверждаютъ люди, не потрудившіеся обозрѣвать подобные сборники обстоятельно и безпристрастно. Если мы этого хоть мало достигли, то весьма тому радуемся.

МАЛАНЬЯ — ГОЛОВА БАРАНЬЯ.

(СКАЗКА.)

Въ одномъ глухомъ и отдаленномъ отъ городовъ мѣстѣ была большая гора, поросшая дремучимъ лѣсомъ. У подошвы этой горы текла рѣка, и тутъ стояло селеніе, гдѣ жили зажиточные рыболовы и хлѣбопашцы. Отъ этого селенья шла черезъ лѣсъ дорожка въ другую деревню, а на этой дорожкѣ въ сторонѣ на полянкѣ стояла избушка, въ которой жила бѣдная женщина по имени Маланья, а по прозванію «Голова баранья». Такъ прозвали ее потому, что считали ее глушою, а глушою ее почитали за то, что она о другихъ больше, чѣмъ о себѣ, думала. Если, бывало, кто-нибудь попроситъ о такомъ, что нельзя сдѣлать безъ того, чтобы лишить себя какихъ-нибудь выгодъ, то такому человѣку говорили:

— Оставь меня въ покоѣ; мнѣ это не выгодно — вонъ тамъ на пригоркѣ живетъ Маланья — голова баранья: она не разбираетъ, что ей выгодно и что не выгодно, — се и попроси, — она, небось, сдѣлаетъ.

И человѣкъ шелъ на пригорокъ и просилъ у Маланьи, и если она могла ему сдѣлать, о чемъ онъ просилъ, — то она дѣлала, а если не могла, то привѣтитъ, да приласкаетъ и добрымъ словомъ утѣшитъ, — скажетъ:

— Потерпи, — Христось терпѣль и намъ велѣль.

У Маланьи избушка была крошечная, такъ что только можно было повернуться около печечки, а жили здѣсь съ нею сухорукій мальчикъ Ерашка, да безногая дѣвочка Живулечка сидѣла на хромомъ стулчкѣ.

Оба они были не родня Маланьѣ — головѣ бараньей, а чужіе, — родныхъ ихъ разбойники въ лѣсу закололи, а ихъ бросили; поселяне ихъ нашли и стали судить — кому бы ихъ взять? Никому не хотѣлось брать безрукаго, да безногую, — никогда отъ нихъ никакой пользы не дождешься, а Маланья услышала и говоритъ:

— Это вы правду, добрые мужички, говорите: безъ рукъ, безъ ногъ ничего не обработаешь, а пить-ѣсть надобно: давайте мнѣ Еранку съ Живулечкой. Случается, что мнѣ одной ѣсть нечего — тогда намъ втроемъ веселѣй терпѣть будетъ.

Мужички захохотали.

— Беззаботная, говорятъ, — Маланья, — прямая ты голова баранья, — и отдали ей и Еранку, и дѣвочку Живулечку.

А Маланья ихъ привела и оставила у себя жить.

Живутъ часомъ съ квасомъ, а порою съ водою. Маланья ночь не спитъ: то богатымъ бабамъ прыжу прядеть, то мужикамъ вязенки изъ шерсти вяжетъ, и мучицы и соль зарабатываетъ, и хворосту по лѣсу наберетъ — печку затопитъ и хлѣба спечетъ, и сама поѣстъ, и Еранку съ Живулечкой покормитъ.

Соплились передъ вечеромъ у колодца домовитыя бабы и спрашиваютъ Маланью:

— Какъ ты, Маланья — голова баранья, съ ребятишками прокуратничаетъ.

— А все хорошо, слава Богу, — отвѣчаетъ Маланья.

— Чѣмъ же хорошо? вѣдь они у тебя безсчастные!

— А тѣмъ, бабоньки, и хорошо, что они безсчастные, — что на ихъ долю немного нужно. Если бы они были посчастливѣе, да позадачливѣе, — мнѣ бы не послужить ими Господу Богу, а какъ они плохіе да бездомные, то что я имъ ни дослѣю — все это для нихъ лучше того, какъ если бы я ихъ не приняла, да объ нихъ не подумала.

Покивали бабы головами и говорятъ:

— А ты еще впередъ-то подумала ли: что съ ними будетъ?

— Нѣтъ, — говоритъ Маланья: — я объ этомъ не думала.

— Да какъ же такъ можно? Надо всегда о передѣ думать!

А Маланья отвѣчаетъ:

— Что пользы думать о томъ, чего звать невозможно, дастъ Богъ день — дастъ и нищу на день, а ночью намъ всѣмъ есть покой на печечкѣ.

— И то правда,—сказали бабы:—они—плохіе,—можетъ-быть, и умрутъ скоро на твое счастье!

А Маланья руками замотала.

— Что вы! что вы!—говорить,—зачѣмъ смерть звать: я ее къ себѣ на порогъ не хочу—пусть она за дверьми при-сохнетъ.

Домовитыя бабы распотѣшились и разсмѣялись:

— Ну, Маланья,—говорить,—голова баранья,—да какая же ты удалая да смѣшная: саму смерть у порога засушить хочеть.

Пошла Маланья къ Ерашкѣ съ Живулечкой — понесла имъ водицы напиться дать и ее согрѣть въ горникѣ, да головенки вымыть у припечка, а бабы стоятъ у колодца, — вслѣдъ ей смотреть и пересмѣиваются. А къ нимъ изъ лѣсу выходитъ старый старичокъ, на двѣ клюки опирается:

— Бабоньки,—говорить:—кто у васъ тутъ есть на селѣ живъ человекъ, что пускаетъ къ себѣ немущаго путника?

А бабы ему отвѣчаютъ:

— А ты чей человекъ и какъ тебѣ звать по имени и по отчеству?

Старикъ отвѣчаетъ:

— Странникъ я свѣта Божьяго, и имя мнѣ Живая Душа на костылькахъ; пріусталь въ пути да уснуть хочу.

— Мы не знаемъ тебя,—отвѣчали бабы:—и пустить къ себѣ безъ мужиковъ не смѣемъ, а мужики у насъ строгіе да грозные—придутъ, заругаютъ насъ.

— Что же, вы, видно, своихъ мужиковъ больше Бога боитесь. Богъ-то, вѣдь, велѣлъ принять и покормить немущаго.

Бабы отвѣчаютъ:

— И то правда твоя, странничекъ: Божье слово помнимъ, а человеческого боимся.

Живая Душа покачала головой и говорить:

— А вѣдь это, бабоньки, по худу быть — такъ бы вѣдь вовсе не надобно. Пойду къ самымъ мужикамъ: у нихъ попрошусь.

Пошелъ къ мужикамъ, и мужики его не пустили.

— Кто тебя знаетъ,—сказали:—можетъ-быть, ты слабымъ прикинулся и самъ разузнать хочешь, гдѣ у насъ дорогое добро лежитъ, да ворами открыть, а можетъ-быть, у тебѣ

па тѣлѣ прыщи да вереды, а у насъ избы чистыя и полы стланые—иди-ка по тропиночкѣ въ гору, тамъ есть бѣдная избушка — въ ней живетъ Маланья — голова баранья, она всѣхъ пуцаеть и тебя пустить.

— Спасибо вамъ, добрые хозяева, — отвѣчалъ старичокъ Живая Душа и пошелъ къ Маланьѣ.

А Маланья увидѣла его изъ окна и послала безрукаго Ерашку, чтобы звать его ужинать.

Ерашка добѣжалъ къ старику и кричить:

— Иди-ко-съ, дѣдко: тетушка Маланья наварила горшокъ спытки, сольюцой посолила, зоветь тебя ужинать.

Старикъ Живая Душа погладилъ Ерашку по головѣ.

— И то, — говоритъ: — къ вамъ иду. Другіе-то не пускають.

И только влѣзъ въ избу, — тѣсно стало и сѣсть не на чемъ, а Маланья говоритъ:

— Садись, дѣдушка, со ребятками ѣшь, а я постою.

Слѣзъ дѣдко и поужиналъ, и заговорилъ по-учтивому и по-ласковому.

— Спасибо, — говоритъ: — тебѣ, что не спросила, откуда я и какъ меня звать по имени, а посадила хлѣба ѣсть. Я теперь пойду въ лѣсъ — у тебя тѣсно — всѣмъ намъ лечь негдѣ.

— Что ты! что ты! Живая Душа Божія! Въ лѣсу медвѣди и волки ходять — развѣ я тебя ночью туда выпущу! Здѣсь намъ всѣмъ мѣсто будетъ. Вотъ Ерашка на печку, а Живулька за печку, а ты тутъ протянись, гдѣ просторъ опростается, а мнѣ мое мѣсто найдется.

— Ну, будь по-твоему, — сказалъ старикъ, а самъ думаетъ: «гдѣ-же это ей-то самой мѣсто будетъ?»

Легъ, накрылся своей ветошью, да и уснулъ съ одного вздоха отъ усталости, а послѣ третьихъ вѣтхуховъ проснулся — и видитъ: Маланья стоитъ на ногахъ и придетъ кудель, которая у нея на колочекъ подъ потолкомъ приткнута.

Посмотрѣлъ на нее старикъ однимъ глазкомъ и говоритъ:

— А вѣдь это ты, тетка, должно-быть, и не ложилаась.

А Маланья отвѣчаетъ:

— Да мнѣ, Живая Душа, и не хотѣлось.

Старикъ покачалъ головой и говоритъ:

— Ну-ну-ну! Водилъ, водилъ меня Господь долго по свѣту; думалъ я, что позабылъ Онъ меня и покинулъ, а Онъ привелъ меня въ отрадное мѣсто и сподобилъ узрѣть любовь чистую.

Скажи теперь мнѣ за то въ одно слово: что у тебя есть въ желаніи—я тебѣ то у Бога и выпрошу.

А Маланья говоритъ:

— Что мнѣ недостаетъ? я и такъ всегда радостна, а желаю только, чтобы смерть моего порога не переступала, а если придетъ, такъ чтобы за дверью присохла.

Старикъ отвѣчаетъ:

— Что-жь,—такъ и будетъ.

Ушелъ старикъ, а смерть вотъ же тутъ и жалуется; наряжена богатой казачкой въ парчевомъ пугаѣ съ золотой пикой, юбка штофная, на боку стальная коса на золотой цѣпочкѣ, чеканной на манеръ мертвыхъ костей человѣческихъ, вся рожа накрашена, черные зубы во рту бѣлымъ платочкомъ въ рукѣ заслоняетъ и въ избу просится.

— Покажи,—говоритъ:—мнѣ дѣтушекъ-голубятушекъ, я имъ принесла по медовому груздочку и по точеному яблочку.

А Маланья какъ взглянула на нее, такъ и признала ее, что это смерть,—вскричала ей:

— Хорошо имъ со мной и безъ яблочекъ, а тебя бы лучше не было и присохни ты на одномъ мѣстѣ.

Та и присохла и не можетъ оторвать ногъ отъ того мѣста, гдѣ пристала, а Маланья ее сухимъ хворостомъ заслонила, чтобы не видать ее было.

И славно бы дѣло едѣлалось, да пошли отъ селенія ужасные стоны и слезы: сильный слабого тѣснить и бьетъ безъ милости, и нѣтъ на злодѣя въ жестокомъ сердцѣ его никакой угрозы, и какъ были люди жестоки, то стали еще жесточе того, и приходять къ Маланьѣ всякій день столько несчастныхъ, сколько она во всю свою жизнь не видала, и она уже не можетъ помогать имъ, и слышитъ, какъ они плачутъ и смерть кличутъ: «Смертюшка-матушка, гдѣ ты завязалась! зачѣмъ міръ покинула! приди, укрой насъ отъ злодѣевъ нашихъ немилостивыхъ—безъ тебя они зазнались безъ памяти!»

Тутъ Маланья ума хватилась.

— Это я,—говоритъ:—дура, все лихо надѣлала, захотѣла поправлять дѣла Божіи—чему быть, а чему не быть сотворенному. И завязала смерть, а заслонена у меня кучкой хвороста.

— Ахъ, спусти ее, матушка, умилосердися! Въдь вотъ

уже сто лѣтъ у насъ ни однѣхъ похоронъ не было, и обезсердечили люди жестокіе, а мы состарѣлись, измаялись. Спусти ее и ихъ убрать отъ большихъ грѣховъ, и насъ — отъ страданія.

И пошла Маланья, развалила хворость, а смерть-то такъ ужъ не румяною казачкой глядитъ, а какъ паутиночка, и коса у ней вся заржавѣла.

— Иди, куда тебя Богъ послалъ! — сказала Маланья смерти: и та колыхнулась и поплыла къ селу паутинкою по сжатому полю, и послышался вскорѣ погребальный звонъ, и перекрестились бѣдняки и встрепенулись богатые мужики.

— Мы, было, думали, — она навсегда кончилась, а вотъ она, какъ змѣя, изъ хворосту выскочила. Нельзя вѣкъ лютовать и властвовать.

А убогіе крестились и сами въ гробы ложились:

— Устали, — говорятъ: — наши косточки — насилу дождались земли горсточки.

И обошла смерть все село за лѣсомъ и убрала все, что было нужно убрать, — а съ другими вмѣстѣ и Ерашку, и Живулечку, потому что было уже и безрукому, и безногой болѣе, чѣмъ по сту лѣтъ, а Маланья осталась жить и все живеть, какъ прежде жила, и все то же дѣлаетъ, что и прежде дѣлала, и всѣ тѣ умерли, кто звалъ ее «Маланьей — головой бараньей», и сама она это имя позабыла. И какъ смерть обойдетъ весь свѣтъ да придетъ къ ней и спроситъ:

— Какъ тебя звать?

Она старается вспомнить и никакъ вспомнить не можетъ и говорить:

— Не знаю — вѣрно, мое имя перемѣнилось.

Смерть стала вопрошать: «какъ имя этой женщины?» А ей въ отвѣтъ и упалъ съ неба бѣлый, какъ снѣгъ, чистый камень, какъ сердце обточенный, и на немъ огнистымъ золотомъ горитъ имя: «Любовь».

Увидѣла это смерть и сказала:

— Ты не моя, — нѣтъ твоего имени въ моемъ приказѣ: любовь не умираетъ: ты доживешь до тѣхъ поръ, когда правда и милосердіе встрѣтятся, и волкъ ляжетъ съ ягненкомъ и не обидитъ его.

Оглавленіе

XXXIII ТОМА.

	стр.
Юдоль. (Рапсодія)	3
О «квакерсахъ». (Post-scriptum къ «Юдоли»)	97
Пустоплясы. (Святочный разсказъ)	106
Дурачокъ. (Разсказъ)	118
Легендарные характеры. (Опытъ систематическаго обзорѣнія).	126
Малаыя—голова Баранья. (Сказка).	196

050

NOV 18 1894

NYO. 100.

NOV 18 1894

